

ББК 84Р
Т 17

№ 11

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 1 2005

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 1. Тамбов: Изд-во
Т 17 Тамбовского отделения ООП Литфонд России,
2005. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

К читателям	3
<u>ПРОЗА</u>	
Михаил ГРИШИН. Паутина . <i>Главы из романа</i>	4
Аркадий МАКАРОВ. Орясина . <i>Рассказ</i>	68
Зинаида КОРОЛЁВА. Своё солнышко найти . <i>Рассказ</i>	78
<u>ПОЭЗИЯ</u>	
Людмила КОТОВА.....	93
Валентина ДОРОЖКИНА	100
Лидия ПЕРЦЕВА	109
Евстахий НАЧАС	117
<u>ДРАМАТУРГИЯ</u>	
Николай НАСЕДКИН. Джуроб	128
<u>ИСТОРИЯ</u>	
Владимир СЕЛИВЁРСТОВ. Муратов	182
<u>ЮНОСТЬ</u>	
Мария ЗНОБИЩЕВА. <i>Стихи</i>	200
Алина ЕВЛЮХИНА. <i>Стихи</i>	206
Алексей БАГРЕЕВ. <i>Стихи</i>	212
Геннадий ГРЕЗНЕВ. <i>Стихи</i>	218
<u>КРИТИКА</u>	
<i>Две точки зрения на один сборник</i>	224
1. Евгений ПИСАРЕВ. Дефиле идущих вместе	225
2. Евгений ГОЛОШУМОВ. В книге о России есть и тамбовская строка	232
Елена ЛУКАНКИНА. Пение без голоса	236
Олег АЛЁШИН. Война мифов	241
<u>ЮМОР</u>	
Валерий СЕДЫХ. Два рассказа	246
Евгений БОЕВ. Иронические строфы	252

К ЧИТАТЕЛЯМ

Итак, в Тамбове начинает выходить вот такое художественно-периодическое издание с простым и понятным названием — «Тамбовский альманах». Конечно, когда-то в наших чернозёмных папестинах уже выходили подобные издания (к примеру, «Литературный Тамбов»), но это было ещё в прошлом веке, так давно, что из нынешних читателей мало кто об этом помнит. Так что мы с полным основанием можем считать первый (как сейчас модно выражаться — пилотный) номер «Тамбовского альманаха» добрым начинанием.

Главное, чего хотелось добиться издателям-составителям альманаха, чтобы он был интересен по содержанию не только читателям старшего поколения (коих среди любителей литературы большинство), но и читателям молодым, читателям XXI века. Недаром на обложке нашего издания помещён знак-символ в виде гусяного пера в чернильнице-компьютере.

В этом плане, конечно, главы из криминально-детективного романа «Паутина» Михаила Гришина и пьеса Николая Наседкина «Джуроб» рассчитаны на одного читателя, а рассказы прозаиков более старшего поколения Аркадия Макарова и Зинаиды Королёвой — на другого. Или, опять же, стихи, помещённые в разделе «Поэзия», скажем так, профессиональных поэтов, членов Союза писателей — более традиционны, а творчество молодых поэтов в разделе «Юность» может удивить и необычностью формы, и тинейджерским сленгом, и вполне простительной наивностью и наверняка найдёт отклик среди ровесников юных авторов...

К слову, и в дальнейшем редакционный совет альманаха намерен широко и радушно публиковать на его страницах молодых и талантливых, коими, надо надеяться, земля тамбовская не оскудела. Милости просим со своими романами, повестями, рассказами, стихами, критикой, публицистикой в редакцию, которая располагается в Тамбовском отделении Союза писателей России на Моршанском шоссе, 14.

Михаил ГРИШИН

ПАУТИНА

Главы из романа

1

Не первый год весна балует ранним приходом. А уж в этом году и вовсе удивила: в середине февраля со Средиземноморья нежданно пришел циклон — подули теплые ветры и на припорошенную, скованную морозцем землю нудно заморосил дождь. Мутные потоки талой воды устремились в низины. Через неделю размокший снег сошел, оголив отсыревшую землю.

С Каспия потянуло острым запахом нефти и почему-то солевой селедки. Во влажном, напитавшемся дождем воздухе устойчивый запах продержался до первых по-настоящему теплых дней. Нахолодавшая земля на солнце прогрелась, источала дурманящие ароматы свежей травы и горных фиалок. Стоявшие в горах частые туманы рассеялись, прозрачны и светлы стали дали. В небесной вышине, в потоках горячего воздуха, величественно парил орел. На душе легко и бездумно. Тишина.

Только с запада, с той стороны, где находится мятежная республика, нет-нет доносит эхо еле слышный далекий гул. Там идет война.

Михаил Гришин родился в 1959 г. в Тамбове. В настоящее время работает в областной газете "Новая Тамбовщина".

Автор двух книг прозы: сборника рассказов "Дождь, самогон и коробка конфет" (Тамбов) и романа "Вкус мести" (Москва).

* * *

Майские праздники затянулись. Сложилось так, что за Первомаем подошла Пасха, следом День Победы.

В Пасху повелось исстари посещать кладбища и поминать усопших.

С самого утра потянулись празднично одетые горожане на православное кладбище. Выходили целыми семьями — впереди, радуясь предстоящему беззаботному дню, ребяташки, следом степенно вышагивали почтенные отцы семейств. Каспийск — город небольшой. Почти все друг друга знают. Встречавшиеся по дороге знакомые раскланивались, поздравляли друг друга со Светлым Христовым воскресением и далее уже шли вместе, перекидываясь между собой незначительными фразами. На сердце у них покой и умиротворение.

Единственным человеком, кому в этот день не повезло, по разумению Леха, оказался именно он. Парню уже давно за двадцать, через месяц дембель, а он все как маленький болезненно воспринимал праздничные дежурства на КПП. Леха ежеминутно выходил за ворота и тоскующим, полным скорби взглядом провожал проходивших мимо. На всем белом свете никому не было дела до старшего сержанта отдельной гвардейской бригады морской пехоты Алексея Ханина по прозвищу Хан. А какой он Хан, если разобраться? Во-первых, православный и крестик на суровом гайтане носит: братишки говорили, что на войне с «чехами» (чеченцами) вера в Бога их здорово выручала, а одного убиенного пацана даже будто бы канонизировали в святые. Во-вторых, он не такой уж и задиристый, как, к примеру, хан Мамай, славившийся своей воинственностью. Хотя, чего уж скромничать, за себя Леха постоять всегда умел — отец научил, а позже и сам занимался во всевозможных секциях.

— Привет, Хан!

Леха даже вздрогнул, уличенный в своих потаенных мыслях. Оглянулся; позади него стоял бесшумно подошедший Штырь из спецназа. Вообще-то его звали Петр Ивановский. Первое время морпехи дивились его необычной походке: плечи слегка развернуты назад, спину держит неестественно прямо, к тому же подбородок всегда приподнят, что придавало ему обманчивый вид заносчивости. Из-за чего неоднократно был бит дедами. Но за два

года походки своей не изменил, ходил все так же прямо и надменно. Одним словом, Штырь он и есть Штырь.

— Привет, — небрежно, по-дедовски ответил Леха и с напускной ленцой пожал протянутую ему ладонь. — Куда это ты так вырядился?

Штырь, польщенный вниманием, аккуратно поправил чудом державшийся на самой макушке черный берет.

— На свиданку.

Леха тяжело вздохнул, признался:

— А мне здесь, Петруха, обрыдло все. Домой хочу...

— К мамке? — безжалостно съехидничал тот.

— Не только.

— Понятно, — подытожил Штырь. — Значит, контрактником не останешься?

— А ты? — в свою очередь поинтересовался Леха.

— А я останусь, — Штырь неожиданно разозлился, ловко сплюнул на асфальт и, глаз не спуская с Лехино лица, сказал высоким рвущимся голосом: — Нечего мне делать в своей деревне. Колхоз наш приказал долго жить, а на полях уже деревья выросли, смотреть больно... Мне это, как серпом по яйцам! Я же люблю ее... землю. Отца от земли отлучили, спился, гад. Мать одна хрип гнет... А у нее, кроме меня, еще трое, старшему девять... Хан, у меня мать молодая ведь... А выглядит, как старуха. Эх, ты...

— Чего я? — опешил Леха.

— Ничего, — справившись с волнением, уже спокойнее заговорил Штырь. — Ничего.

Вымученно улыбаясь, он неловким движением вынул из кармана сигареты, прикурил. Его крупные ногтистые пальцы заметно дрожали. Леха молча, с жалостью смотрел на товарища. Потом спросил:

— Я что-то не понял, ты что же, не можешь в соседний колхоз на работу устроиться, если уж так тебе хочется... пахать?

Штырь с раздумчивым выраженьем на лице глубоко затянулся сигаретой, округло раззявив рот, неторопливо пустил дымное колечко. Проследив, как оно медленно тает в теплом воздухе, с горечью сказал:

— Чужаки никому не нужны.

— А здесь?

— Что, здесь?

— Здесь ты кому нужен?

— И здесь не нужен, — невесело усмехнулся Штырь, далеко зашвыривая окурочок. — Но здесь какие-никакие деньги все же платят. Так что не на живот, а на смерть буду защищать завоевания молодого капитализма...

Он не договорил, мимо на огромной скорости пронесся белый джип «Лендкрузер». Штырь проводил его долгим неморгающим взглядом, невпопад своей мысли с сожалением закончил:

— Шарахнуть бы его в зад из «мухи». Классный фейерверчик получился бы.

Заслышав позади себя шуршащие шаги, парни стремительно повернулись.

Невзрачная старуха, принаряженная ради Великого праздника в тщательно выстиранное коричневое платье и белый линиялый платок, с трудом шла в сторону кладбища, громко шаркая подошвами поношенных башмаков. В Каспийске русских солдатиков любят. Опираясь на клюку, старуха остановилась около морских пехотинцев передохнуть, сказала, переводя дух:

— Христос воскрес, сынки.

Леха, с малых лет приученный матерью-учительницей с уважением относиться к пожилым людям, почтительно ответил, придерживаясь православной традиции:

— Воистину воскрес, бабушка.

Штырь привычно хамовато пошутил:

— Воистину всмятку.

Старуха огорченно покачала сухонькой головой, сердито сказала, чуть шепелявя беззубым ртом:

— Грех так-то отвечать, чай крещеный ведь.

Но все же два красных яйца дала, не пожадничала.

— Матери-то небось извелись, вас ожидаючи.

И далее пошла, царапая концом клюки асфальт.

Штырь в раздражении приподнял руки и резко уронил их вдоль туловища, удерживая в ладони яйцо, воскликнул:

— Задолбали... все! Заграница как жить нас учит... Отцы-командиры учат... Теперь старуха древняя — и та туда же...

— Она дело сказала, — вступился за старуху Леха. — Что ты юродствуешь-то?

— Да пошел ты... защитничек! — рослый Штырь круто раз-

вернулся уходить, но тут его глаза, секунду назад полыхавшие гневом, обрадованно блеснули. Две высокие блондинки, похожие лицами на матрешек, в одинаково коротких юбочках-стрейч, шли в их сторону. Размахивая крошечными сумочками, вились в затейливой походке.

— Потрясно! Наоми Кэмпбэллы, — восхищенно сказал Штырь почему-то во множественном числе и, спохватившись, за спиной незаметно сунул крашеное яйцо в Лехину руку.

— Возьми, — процедил он сквозь зубы. — Мои телки идут.

В этот момент Леха на себе испытал, что означает выражение «отвисла челюсть». Не было ни сил, ни желания напрягать мышцы лица, и у него сам по себе широко раскрылся рот. Единственное, что он успел при этом невнятно спросить, было:

— Обе твои?

— Ага, — сказал свистящим шепотом Штырь. — Анька и Олеська. Только сам не пойму, кто из них кто.

— Привет, мальчики! — донеслось до онемевших морпехов.

Леха поспешно кивнул, словно боднул воздух, а Штырь, состроив счастливо-глупую рожу, вразвалочку пошел навстречу, на ходу поправляя и без того ладно сидевшую на нем форму.

— Привет, цыпоники, — он с бесцеремонной деловитостью приобнял их за талии, и троица, смеясь, пошла вдоль улицы.

Леха завистливо глядел им вслед. Сам он на дискотеке был последний раз пару лет назад. С Наташей. Долгая разлука с любимой не только не очерстила его сердце, но и заронила в душу более нежное, ранее не изведенное чувство. До их встречи оставался какой-то месяц.

Леха разжал перед собой пальцы; на потемневших от загара и огрубевших от армейских будней ладонях тепло пригрелись два красных яйца.

Если пасхальное яйцо подарено от чистого сердца, оно не испортится никогда и будет, как талисман, ограждать от несчастий, — вспомнил Леха старое поверье и улыбнулся той безмятежной улыбкой, которой всегда улыбаются только что проснувшиеся дети.

2

От Пасхи еще остались по домам куличи и яйца, а тут и День Победы подошел. За два дня до Красной горки каспийцы высыпали на празднично убранные улицы.

Легкий ветер волнует разноцветные полотнища флагов, откуда-то из садов несет пахучий запах первоцвета. От далекой музыки военного оркестра у людей непривычно сладко щемит в груди. Вдоль улицы Ленина народу собралось невидимо. Солнечные лучи, просачиваясь сквозь ажурную зелень листвы, медовой желтизной пятнят счастливые лица. Все ждут парада морских пехотинцев.

Среди заметной суматохи внешним спокойствием выделяются побитые сединой ветераны. Еще вчера среди домочадцев они ходили трясущейся тенью, сегодня каждый молодецки прямил сохшую грудь, праздничные одежды — в серебристом перезвоне наград. Девятое мая — их праздник, их Победа. Нынешней России хвалиться пока нечем. Старики ожившими глазами глядят на рослых парней в черных беретах, плетут меж собой бесхитростные разговоры.

— Мы-то похилее в сорок пятом были...

— Были, да... были... а Европу всю на колени поставили.

— Слабоваты мы сейчас против Америки.

— Насчет этого Жуков был молодец. Как он сразу после войны Америку замять предлагал... Не послушались... Э-эх-ма.

— Теперь ослабли, бандитов и тех разбить не можем.

— А что ж вы хотели, сегодня никто не хочет воевать.

— Ага, воюй, геройствуй, а Чубайс рубильник — р-раз и нет света. Сиди впотьмах... геройствуй.

Они удрученно вздыхают, соглашаясь.

Рядом чернявая стройная дагестанка увещевает своих малолетних сыновей.

— Друг от друга чтобы ни на шаг. Сейчас схожу братика покормлю и вернусь. Заур, — наказывает она старшему, — держи Артура крепко за руку... не отпускай. Вон сколько народу... потеряется.

Десятилетний Заур снизу вверх пытается заглянуть в материны глаза, обещает, лишь бы отстала:

— Ну что ты, мамочка, не волнуйся... Иди корми Ахмедика.

А сам от нетерпения ногами переступает, готовый в любую секунду сорваться с места.

Тут все оживленно зашевелились и подались ближе к краю тротуара.

Стоявшие в отдалении морские пехотинцы выравнивали строй. Раздался зычный голос командующего парадом, и сотни пар ног дружным грохотом обрушились на мостовую. Военный оркестр, сверкая на солнце медными трубами, грянул знаменитый марш «День Победы». Чувство причастности к великим свершениям в мае далекого сорок пятого овладело сердцами горожан — и мусульман, и православных.

Пятилетний Артур послушно держался за руку брата. Он с удивлением и страхом глядел на седого большущего деда, безобразно кривившего лицо; по его щекам, испещренным глубокими бороздами морщин, как по руслу высохшего ручья, лились слезы. Мать украдкой сморкалась в платок. Артур потянул ее за оборку юбки:

— Не па-ать...

Мать погладила сынишек по вихрастым макушкам и, оглядываясь, пошла к дому.

Над людной улицей, любопытствуя, зависло солнце. Остатки дымчатых облаков уплыли в сторону Каспия. Блеклая синь неба дышала жаром.

Леха шагал в третьем ряду, впереди на вытянутую руку маячил стриженный затылок Петрухи. Несколько минут назад блуждавшая по лицу Лехи улыбка сошла; сейчас его голова была гордо приподнята, из-под черного берета с российской символикой на боку выбивался темно-русый хохолок, между морщенных бровей от переносья вверх — две вертикальные складки; плиты острых скул покрыты волнительным румянцем, по-детски припухлые губы заметно сжаты, а на груди, увешанной золотистыми аксельбантами, — синий треугольник тельняшки. Идет морская пехота!

Головная машина с красным знаменем поравнялась с братьями Балабековыми; на кумаче золотым шитьем горели три ордена. Следом прошел войсковой оркестр; надувая щеки, музыканты важно несли свои трубы. Над главной улицей Каспийска звон стоит и радостные крики. Как тут утерпеть? Заур потянул брата за руку. Пока выбрались из толпы, с ними поравнялся офицерский расчет. Знакомый Заура

Антошка гордо вышагивал рядом с отцом. Сбоку ровных рядов морских пехотинцев, заглядывая в их серьезные лица, бежали знакомые и незнакомые пацаны. Глаза братишек завистливо заблестели; они подбежали к колонне и, стараясь приноровиться под широкие шаги бравых парней, с чувством охватившего их восторга зашагали рядом, лихо размахивая тоненькими ручонками. Кому же в детстве не хочется быть морским пехотинцем?

Взрыв прозвучал неожиданно громко, смяв бравурный марш. В кустах, росших вблизи места проведения парада, вздыбилась земля; яркая вспышка изжелта-красного пламени прорезала дымившийся земляной столб. Тугая волна горячего воздуха, перемешанная со смертельным железом, брызнула в жмурившиеся на солнце воодушевленные лица военных и ребятишек. Словно неведомая сила прошла широкой полосой, сметая все на своем пути: опрокинулся навзничь Петруха, бежавшего возле мальчишку подбросило в воздух и прямо на глазах Лехи разорвало на части, заляпав его форму и лицо теплыми кровяными сгустками. У Лехи закружилась голова, тошнота подступила к горлу, и он, чувствуя необоримую слабость в ногах, опустился на колени. Острая боль пронзила посеченные осколками икры; брюки ниже колен напитались кровью. Справляясь с охватившим его волнением и болью, Леха, опираясь на автомат, как на палку, поднялся без посторонней помощи. То, что он увидел помутневшими глазами, было ужасно. На асфальтовом пяточке главной улицы вповалку лежали убитые. Черные холмики морпехов и цветные — детей невозможно пересчитать. Было почему-то необычно тихо, как будто в телевизоре пропал звук. Он видел, как люди в немом ужасе разевали рты. В воздухе пахло порохом и горелым мясом.

Антошка, сынишка начальника оперативного отдела, выбиваясь из последних сил, куда-то полз, отчаянно работая локтями; оторванные ножки волочились следом, вися на мокрых от крови лоскутах брючины. Метнувшийся к нему подполковник Тихонов портупеей перетянул кровоточащие культы, взял мальчишку на руки и пошел, плача, невидяще натываясь на распростертые тела убитых. Леха, оскальзываясь на загустевших лужах крови, кое-как поковылял к шевелившемуся невдалеке Петрухе, по пути запнулся о раскинувшегося во весь рост Докучаева из спецназа; он дергался в предсмертных конвульсиях, ломая ногти, бесцельно скреб скрюченными посиневшими пальцами асфальт.

Леха, косясь, осторожно перешагнул через него и подошел к Штырю. Тот тяжело с всхлипом дышал: вздымалась грудь, а из распоротого живота шевелились, выползая, сизые дымившиеся еще жизнью кишки. Ополоумевший от боли Петруха с упорством запихивал их обратно. В его некогда отчаянных глазах сейчас стояла боль непереносимых мук и тоски по уходящей жизни. Леха присел перед ним на корточки, со страхом вглядываясь в бледное без единой кровиночки, вмиг осунувшееся лицо, сказал срывающим голосом:

— Потерпи, братишка... все будет... нормально.

Петруха, кажется, не слышал его; он все так же напрасно хватался окровавленными руками за осклизлые кишки. Вдруг на какое-то мгновение его взгляд стал осмысленным, он узнал товарища; пересохшими искусанными до черного мяса губами последний раз в жизни сказал с большими паузами:

— Видишь... Леша... как... все... неудачно... вышло...

Из развороченной раны захлюпала кровь. Петруха потянулся и затих; из ослабевших ладоней в серую пыль вывалилось что-то синюшне-бордовое. «Печень», — догадался Леха и от собственного бесилия заплакал в голос, по-детски выдувая ртом пузыри.

От момента взрыва прошло не более минуты, а Лехе показалось, что целая вечность. Потом он куда-то бежал сломя голову, помогал выносить раненых и убитых, злобно отбивался от людей в белых халатах, когда пытались его самого затолкать в машину «скорой помощи»; с пеной у рта кричал что-то бессвязное и непонятное. Вздвиганный до предела, бессмысленно метался по улице, разбрызгивая лужи крови, когда унесли последнего пострадавшего. Слегка успокоился, поравнявшись с женщиной во всем черном. Она стояла посреди площади. Раздувая побелевшие ноздри, Леха остановился, словно перед неожиданным препятствием. Как сквозь сон, он видел: набежавший с моря ветер косматил ее побелевшие в одно мгновение волосы. Она протягивала к небу руки, грозила ссохшимися кулачками, с ее губ срывались чудовищно страшные в своей правде слова:

— Господи! Где ты был в тот момент?

Подгоняемые ветром тучи скрыли солнце. Глубокие тени накрыли дома, деревья, машины, людей, суетившихся вокруг места трагедии, и блестящая на солнце яркая краснина загустевшей крови превратилась в дегтярно-черные растекшиеся по улице лужи. Леха, чувствуя явственный запах крови, вдруг устало обмяк, у него подкосились ноги, и он рухнул без сознания наземь.

3

Как долго Леха провалялся в бессмятстве, он не помнит. Очнулся в палате. С трудом приподнял налившися непомерной тяжестью веки; сквозь полутьму опущенных ресниц увидел на беленом потолке желтизну солнечного зайчика, и дремавшее до этой минуты беспокойство охватило его сознание. Казалось, открой совсем глаза и опять вернется в яви тот ужасный кошмар. Леха крепко зажмурился, намереваясь вновь провалиться в спасительный сон, но тут до его слуха донесся невнятный шепот. Стоявший в ушах звон от потери крови не давал возможности сосредоточиться, но голос ему показался знакомым. Леха с усилием перекатил голову по подушке, ввалившимися глазами поглядел вбок. На соседней койке, привалившись спиной к торчмя стоявшей подушке, полусидел-полулежал Дима Каюров. За непомерно большой рот, который бывает у желторотых птенцов, его и прозвали — Птенец. Дима обнимал здоровой левой рукой запеленатую в бинты правую культю, от боли баюкал ее, словно куклу.

— Живой, Хан? — спросил он хриплым шепотом.

Говорить не хотелось. Леха прикрыл глаза, что означало — да, и опять так же, глазами, спросил: что, мол, произошло?

Дима заметно взволновался, под загаром широких скул шишковато вспухли, перекатываясь, желваки. Сказал с не свойственной ему ранее озлобленностью:

— «Чехи» противоположную управляемую мину установили — МОК сто. Шарахнуло, мало не показалось никому. Говорят, что баба на пульт дистанционки нажимала. Недалеко брошенную коляску нашли... в ней вместо ребенка лежала кукла в пеленках... Прикинь?

Леха знал, что представляет собой подобная мина. Поражение наносится взрывной волной шириной метров пять на дальность до ста метров при вероятности поражения девяносто процентов.

Желая еще что-то спросить, Леха беззвучно плямкнул пепельными с засохшей кровяной коркой губами.

— Чего ты? — не разобрал Дима.

Леха опять шевельнул губами.

Птенец пожал плечами, осторожно придерживая болевшую культю.

— Не, не понимаю.

На лбу Лехи выступила испарина. Он собрался с силами и коротко выдохнул, округляя рот:

— Сколько?

Ссохшиеся губы лопнули, из уголков вниз по подбородку протянулись две тоненькие кровяные дорожки.

— Много.

Дима отсутствующим взглядом уставился куда-то в пространство.

— Сорок два убиты и более ста тяжело ранены.

Леха прикрыл глаза и отвернулся. Стоявшая в глазах влага выжалась слезинками. Прооперированные ноги нудили непрерывающейся болью. Закусив изнутри губу, Леха провалился в тревожный не дававший отдыха сон. Он периодически просыпался и опять впадал в забытие. Окончательно проснулся к вечеру. В окно лился мягкий нежный свет заходящего солнца. Разбудил Леху мужской голос, бухтевший что-то веселое в коридоре. В палату вошел шумноватый доктор; вначале в дверь просунулся округлый, словно у роженицы, животик, следом появился и его хозяин — невысокий мужичок с розовой лысиной.

— Привет, орлы, — от порога поздоровался он и, лукаво сощурился светлые навывкате глаза, поинтересовался: — Почему не летаете?

Почему-то все врачи считают своим долгом шутить в любой ситуации, даже в самой безысходной, как бы давая больному надежду на выздоровление. Этот не был исключением. Вот такие, наверное, люди и приносят пользу, а не только языком болтают.

Даже одорукий Дима ожил, пошутил в ответ.

— Крылья обломали.

И в подтверждение своих слов показал забинтованную культю.

Хирург с невозмутимым спокойствием пообещал:

— Ничего, парень, новую сделаем, будет лучше настоящей.

Он так и сказал — новую, а не искусственную, чем окончательно расположил к себе Леху.

— Доктор, а что со мной? — спросил он по-детски слабым голосом.

— А-а, герой... Выспался?

Хирург осторожно откинул в ногах край одеяла, наклонился, внимательно разглядывая что-то одному ему ведомое.

— Похвально... раненый сам, истекая кровью, помогал выносить... — он хотел сказать убитых, но, на секунду запнувшись, поправился, — пострадавших. Не каждый на это способен. Если бы не большая потеря крови, ничего серьезного с вами, молодой человек, не было бы... Ну, конечно, не считая боевых шрамов, — не поднимая головы, бубнил доктор. — Кость не задета. До свадьбы заживет. Кстати, — он поправил одеяло и шагнул к изголовью, заглядывая во ввалившиеся глаза с синими полукружьями вокруг, со значением протянул фотографию — изрядно потрепанную и перепачканную в розовые следы от пальцев. — Красивая девушка. У-у, вы так заковыристо ругались в бреду, когда нам пришлось вас на время разлучить... Наверное, она стоит этого.

Чувствуя себя неловко от недавней матерщины и оттого, что фото любимой девушки побывало в чужих руках, Леха, потупив взгляд, ревниво вырвал желанный прямоугольник.

— Спасибо.

— Тебе спасибо... — голос хирурга неожиданно дрогнул, он торопливо отвернулся, dokonчил хрипло: — сынок.

Доктор ушел. С соседней койки донесся глухой стон. Уткнувшись лицом в подушку, Дима кулаком здоровой руки смаху методично ударял по ней; давясь сухой спазмой, выкрикивал:

— Кому я на хрен нужен безрукий... Кому?

Леха и сам не мог понять, что у него творится в душе. Морпехов взорвали — это понятно. Крепко братишки насолили чеченским бандитам в Ботлихе Дагестанской Республики и самой Чечне. Ну а детишек-то за что? Думал, мучался, задаваясь все новыми и новыми вопросами, которые преподносила сама жизнь, искал и не находил ответа.

На следующий день произошел случай, который заставил Леху поиному взглянуть на происходящее, осмыслить. Вывод был неутешительным: сегодня нам не хватает обыкновенной порядочности.

После утреннего обхода, попрощавшись и привычно пожелав скорейшего выздоровления, ушел Колобок. Так успели окрестить между собой парни хирурга. Перебинтовав, укатила тележку процедурная медсестра. Тонко и устрашающе звенели медицинские инструменты; на блестящей поверхности, отражаясь ослепительно белым, искрились солнечные лучи.

Думая каждый о своем, парни, не мигая, смотрели в потолок. Первый нарушил молчание Дима.

— Хан, — спросил он, — как думаешь, полюбит меня какая-нибудь девушка, ну... это самое... Ну, без руки?

Не поворачивая головы, Леха уверенно ответил:

— Полюбит. И если это настоящая любовь, плевать ей, без руки ты или... без ноги.

Дима, обрадованный поддержкой, захлебываясь словами, заговорил, очевидно, более успокаивая себя:

— Вот и я так думаю. Подумаешь — рука... Можно и с одной жить. Правда? В жизни это не главное...

— Не главное, — эхом отозвался Леха, растроганный доверием товарища.

Тут в палату стремительно вошел высокий мужчина. Под белым халатом виднелся гражданский пиджак, но по его выправке не трудно было догадаться, что он из военных.

— Тихо, парни, — приказал он. — Сейчас к вам зайдут журналисты, ничего лишнего про взрыв.

За дверью послышался шум.

Мужчина торопливо шагнул к окну и с независимым видом стал поглядывать в небо, будто считая облака.

Леха вопросительно поглядел на Диму. Тот пожал плечами, покривив в его сторону рот, уголками губ прошептал:

— Фээсбэ или контрразведка.

Дверь под напором распахнулась; в палату ввалилась шумная толпа телеоператоров и журналистов. Проявляя чрезмерную бестактность, они начали задавать каверзные вопросы. Особенно усердствовала одна из них: росточку миниатюрного, но с пышными грудями, которые всякий раз норовили вывалиться наружу, когда с плеч сползали узкие бретельки маечки. Она везде торопилась поспеть, и в такт ее шагам на голове подпрыгивала косичка, которую принято называть конский хвост. Но более всего Леху раздражал крошечный рюкзачок за ее спиной. Ну прямо детский сад.

Вначале она метнулась к Диме, на удивление ловко растолкав на своем пути не столь шустрых коллег.

— Скажите, что вы подумали, когда у вас оторвало руку? Как дальше жить, да?

Она сквозь очки заворуженно глядела на культу. Дима вздрогнул и торопливым движением прикрыл ее уголком одеяла. Чувствуя, что с его губ готово сорваться неприличное словцо, она перебежала к Лехе.

— Меня Полиной звать, — представилась девушка и бойко затараторила: — Говорят, что вы герой. Сам истекая кровью, помогал выносить других пострадавших. О чем вы в тот момент думали? Расскажите, ничего не утаивая, это очень интересно для наших читателей.

Лехе, не привыкшему к подобному вниманию и нахальству, хотелось, как в детстве, юркнуть под одеяло от десятка пар любопытных глаз, но вместо этого, краснея, приходилось что-то мямлить о человеческой глупости и халатности, в результате которой и появляются герои... Хотя себя он таковым не считает. Высунув кончик языка, Полина что-то быстро строчила в блокнот, поправляя сползавшие все время очки указательным пальцем.

«Писучая, девка, — подумал Леха. — Ишь ты, как шпарит».

Но уже следующий вопрос миловидной охотницы за жареными фактами его слегка разозлил.

— Руководство ФСБ и МВД заявляет, что оно обязано найти тех, кто виновен в гибели военных и детей. Все эти действия, которые будут проводиться совместно всеми правоохранительными органами и спецслужбами, на ваш взгляд, дадут результат или нет?

— Какой результат, — горько усмехнулся Леха. — У нас ведь всегда обещают разобраться с террористами после взрывов. Так и живем от взрыва до взрыва. А между ними успокоенность и безразличие. В Америке вон после трагедии одиннадцатого сентября уже более года все спецслужбы начеку. Даже специальный комитет создали по национальной безопасности. Скольких людей за это время задержали и обезвредили при подготовке к диверсиям и терактам. А у нас?..

Леха не договорил, в горле запершило, предательски защипало в глазах, и он с обреченной безнадежностью махнул рукой:

— А-а... чего там говорить...

Стоявший у окна мужчина, не встречая, чутко прислушивался к разговору. Тут он заметно взволновался и, неприязненно косясь на Леху, решительно шагнул навстречу напиравшей толпе. Распахнув руки, словно для объятия, стал деликатно, но настойчиво вытеснять журналистов из палаты.

— Господа журналисты, как говорится, пора и честь знать. Ребятам надо отдохнуть, набраться сил. Давайте потихоньку освобождать помещение.

Его поддержали присутствующие здесь другие военные.

Полина было разинула рот возмутиться, но тут на ее глаза попала фотография на прикроватной тумбе. Она бесцеремонно ее схватила, спросила:

— Ваша девушка? Красивая, — проглотила Полина вздох.

И этот сам по себе незначительный для окружающих жест окончательно доконал Леху, переполнив чашу сегодняшнего терпения. Неожиданно его словно прорвало, по-видимому, сказалось напряжение последних дней; по бледному от переживаний лицу забегали мышечные живчики, голос окреп, зазвенел:

— Да задолбали вы все... По большому счету ничего вам и не надо... Только деньги... Для журналистов сенсации — деньги... И вам наплевать на других... Генерал Романов седьмой год лежит в госпитале имени Бурденко в бессознательном состоянии... За ним следят — он генерал. В ростовском госпитале старшина милиции третий месяц лежит... Его бы в Москву, в главный военный госпиталь, глядишь, и очнулся бы... Но бить в колокола по поводу старшины никто не собирается — не тот случай. В таком состоянии и хотят вернуть парня молодой жене... Где справедливость?

Леха почти кричал, распаляясь, надеясь увидеть в мелькавших перед ним ненавистных лицах хоть каплю человеческого сострадания. И с ужасом понимал, что нет его — сострадания. Есть нездоровое из любопытства влечение к нему и профессиональный интерес. И более ничего. Кто-то торопливо на ходу дописывал, двигаясь толчками к распахнутой двери; уже не скрываясь под личиной защиты раненых, военные просто-напросто выталкивали обнаглевших журналистов из палаты. А один оператор с телевидения, подрагивая ногами от возбуждения, тыкал камерой прямо в Лехино лицо, обезображенное гневом. И так ему обидно стало от всей этой ненужной суеты, безразличия и хамства, что Леха, как ни крепился, заплакал, по-детски всхлипывая, как тогда, на площади.

— Этого снимать не надо.

Строгий мужчина в халате ладонью загородил объектив кинокамеры. Военные с удвоенной энергией стали вытеснять неуправляемую ораву борзописцев. Лицо плачущего русского солдата на телевизионных экранах для военных чревато предсказуемыми последствиями.

Над Мальдивскими островами в голубом без единого облака небе сияло солнце. Воздух, насквозь пропитанный располагающей к лени жарой, курился сиреневой марью. Наклоненные пассатом в сторону океана высокие пальмы величественно пошевеливали опахалами листьев.

Завороженно глядя на переливающуюся в солнечных бликах гладь океана, Наташа бегом преодолела узкую полосу белого горячего песка. Переводя дыхание, остановилась у береговой косы. Иссиня-бирюзовые волны с шумным плеском набегали на пляж. Пенистая изломанная кромка воды серебрилась мириадами воздушных пузырьков. Наташа не утерпела и прямо в дорогих босоножках ступила в набежавшую волну, присела, пригоршнями разведенных рук зачерпнула прохладную влагу, со смехом вскинула вверх. Искристые нити брызнули в разные стороны. Наташа восторженно закричала, поворачиваясь лицом к берегу.

— Красотища какая... Вы только посмотрите.

Стоявшие позади нее двое дюжих парней особого восторга не выказали. Наташа с удивлением глядела на бесстрастные лица своих охранников. Сильные, не успевшие загореть ноги, до колен прикрытые бежевыми шортами, уверенно попирали пляжный песок. Обнаженные до пояса мускулистые торсы заметно покраснели от солнцепека. В ложбинках меж грудных мышц копился зернистый пот.

— Истуканы, — буркнула она и перевела взгляд на двух худых женщин в легких цветастых сарафанчиках. Из-под коротких подолов выглядывали тонкие голенастые, словно у девочек-подростков, бледные ноги. Они шли к ней, утопая в сыпучем песке босыми ступнями. Сброшенные босоножки валялись в стороне.

— Ой, Наташенька, — повизгивали радостно, — какая прелесть!

— Да уж, — согласилась Наташа, — умирать не надо.

Она забрела глубже. Прохладная вода приятно щекотала ляжки. Наташа засмеялась тихо и счастливо. Не работай она в престижном агентстве фотомоделью, разве смогла бы она когда-нибудь сюда попасть. Да ни за что на свете. Наташа украдкой оглянулась: женщины, дурачась, брызгались водой. Серебряным дождем сыпались вокруг

брызги. Воздух пах свежестью и солнцем. Промокшие насквозь сарафаны плотно облегли худощавые тела. Было видно, как упруго прыгали маленькие грудки, сквозь тонкую материю явственно проступали острые пуговицы сосков, а под прилипшими к попам подолами игриво перекатывались продолговатые ягодицы. Приглушенный шумом океана, слышался оживленный смех. Глядя на мокрые угловато-трогательные фигурки дурачившихся женщин, Наташа не без оснований подумала, что, очевидно, говорят о них правду, будто они более чем подруги. Додумать до конца неожиданно возникшую мысль она не успела, с берега их позвали.

— Всё, девочки, закругляемся. Пора работать.

На песчаном пологом спуске к океану стоял длинный исхудавший парень без рубахи. На бледном в пупырышках теле мослаковато торчали ключицы. При этом горбатый нос его блистал испариной. Угловато топыря острые локти, он звучно хлопал в ладоши, словно гремел костями.

— Девочки, пора и честь знать.

— Идем.

Загребая ладонями пенящиеся верхушки волн, Наташа вышла из воды. Опережая ее, наперегонки с визгом побежали подругилесбиянки. Хлюпая при ходьбе мокрыми босоножками, Наташа подошла к горбоносому, спросила, убирая со лба выбившуюся из прически влажную прядку:

— Николь, будем здесь сниматься?

Парень поощряюще улыбнулся на мгновение, блеснув ровной полоской безупречно белых зубов. Кивком головы отбросил с лица спадавший вороньим крылом чуб с желтыми химическими вкраплениями. Изящным движением руки, присущим тонким художественным натурам, показал в сторону:

— Вон те коричневые валуны видишь?

Наташа послушно проследила взглядом в указанном направлении.

— Угу.

— У подножья тех валунов и будем сниматься.

Их съемочная группа московского рекламного фотоагентства «Багира» прилетела на Мальдивы вчера пополудни самолетом авиакомпании «Российские международные авиалинии». В крошечную группу входили шесть человек: два дюжих коротко стриженных амбала-охранника — Толян и Вован, художник-гример Ма-

шенька, костюмерша Оленька и руководитель группы Николь — преуспевающий фотограф с неопределенной сексуальной ориентацией. Им надо было сделать серию фотографий для рекламы духов «Целомудрие».

Ведущей фотомodelью была девушка потрясающей внешности. Это и была Наташа — очень высокая блондинка, тонкая и гибкая, словно таловая тростинка с густыми несколько волнистыми волосами ниже пояса, заплетенными по старинному обычаю в длинную косу, и пухлым большим ртом, который принято называть чувственным.

Круто повернувшись, Наташа пошла переодеваться, демонстративно вихляя кругленькой попкой. Низ сахарно-белых ягодичек, не прикрытых излишне короткими шортами, дразняще морщился складками между ягодичками и бедрами. Она на ходу скинула мокрые босоножки, стала подниматься вверх по косе. Теплый зернистый песок лип к влажным подошвам. На круглых пятках молочно желтела кожа.

Николь затаенно вздохнул и нехотя отвернулся. Прямо перед ним стояли костлявые подруги-лесбиянки и, неприлично извиваясь телесами, стягивали через головы мокрые липнущие к коже сарафанчики. Когда платья с грехом пополам были скинуты, он строго прикрикнул:

— Идите, готовьте Наташу к съемкам.

Нимало не смущаясь своих плоских оголенных грудей, Машенька, дурашливо кривляясь телом, вызывающе приблизилась к Николу, кокетливо закатила желтые, словно у кошки, глаза, томно выдохнула:

— Как скажете, мой повелитель.

Подруги заразительно захохотали. У Оленьки мелко затряслись длинноватые в сизых прожилках груди.

В сердцах чертыхнувшись, Николь в ответ лишь устало махнул рукой. Жаркое солнце и экзотический вид природы с высокими пальмами располагали к легкомысленным поступкам.

5

До офиса рекламного агентства «Багира» от дома Галины по мос-

ковским меркам — всего ничего. Если удачно вписаться в «зеленую волну» — без задержек минуя перекрестки, — можно домчаться с диковинной быстротой. Что, естественно, случается не- часто. Москва — мегаполис, сейчас автомобиля не имеет только незрячий.

Накануне вечером Галину, садившуюся в новую «Ауди», окликнула секретарь-референт. Мелькая узорчатой вязью черных колготок, она сбежала со ступенек, вывертывая в спешке высокие каблуки.

— Галина Николаевна... Галина Николаевна. Только что звонили с периферии. Утром подъедет большая группа на кастинг. Убедительно просили вам передать.

Придерживая рукой дверцу, Галина досадливо поморщилась: — Они что же, не могли заранее предупредить?

— Говорят, у них накладочка какая-то получилась, — объяснила девушка причину запоздалого звонка.

Галина кивнула головой, усаживаясь за руль. Из-за необязательности компаньонов приходилось ломать весь график на завтра. Ее голос зазвучал значительно суше.

— Буду в девять. Без меня ни в коем случае не начинать.

Покладистая улыбка тронула губы секретарши.

— Хорошо, Галина Николаевна... Как скажете...

И еще долго не уходила, с завистью глядела вслед отъезжавшей иномарке.

А теперь навороченная «Ауди», попав в затор, стояла в узком проулке. За рулем волновалась Галина. Получилось все довольно глупо и непредвиденно. Сегодня Галина, помня о встрече, выехала за час до назначенного времени. И надо же было так необдуманно поступить: на ее пути зажегся красный свет; вздыхая и кляня в душе некстати возникшую заминку, Галина, не отдавая себе отчета, завернула в ближайшую арку. Миновала знакомыми дворами дорожную развилку, но на выезде на главную улицу надолго застряла в пробке. Впереди насколько хватало глаз, словно выложенные тротуарной плиткой, плотными рядами пухли крыши всевозможных расцветок. Светофор бездействовал. Молоденький милиционер-регулировщик, вконец измотанный свалившейся на него обязанностью управлять гудящей прорвой автомобилей, обреченно крутился на месте, как кукла-марионетка. При этом он безостановочно вытирал платком сочившийся по лицу пот. Машины прибывали. В ближайший час или даже два выбраться из нагромождения «железных коней» и озверевших и матерящихся водителей не представля-

лось возможным. Жуткий вой клаксонов, кажется, намертво прикипел в горячем воздухе.

Не владея собой, Галина что есть силы ударила ладонями по баранке, осушила руки и, смешно потрясая ими, вполголоса матюгнулась.

— Твою мать. Не понос, так желтуха.

Отпустив еще пару крепких словечек, Галина нервно прикурила тонкую длинную сигаретку. Курение ее успокаивало. Она смотрела, как белый, почти невидимый дымок извилистой струйкой выползает наружу, тает прямо на глазах. Разваливающаяся было жизнь приобретала четкие прежние очертания. Улыбнувшись уголками губ, Галина, эффектно взмахнув кистью руки, выкинула окурочек в окно; изящно отставив мизинчик, коготком указательного пальчика потыкала в номерки сотового телефона. Не называя секретаря-референта по имени, сразу заговорила о деле:

— Я задерживаюсь. Попала в пробку. Ну, конечно, пусть ждут... А мне плевать... Не нравится, пусть уе...т. Да, доброе утро...

Галина отключила телефон, устало откинулась на спинку.

Машин не убывало. Паренек на перекрестке почти плакал. Подступавшие в узком переулке к самой «Ауди» высотные дома напомнили Америку. Негритянский квартал Гарлем запомнился ей неухоженной мрачностью. Толпы шатающейся без дела молодежи вызывали страх и беспокойство. Все как у нас.

«Не хватает лишь гангстеров», — подумала Галина, с ненавистью глядя на летавшие по ветру газетные обрывки.

И они появились. Как в дешевом западном боевике. Она могла в этом поклясться. В зеркале заднего обзора хорошо было видно, как прямо по тротуару, распугивая пешеходов, на приличной скорости приближался блестящий глянцевой галошей черный «БМВ». В разные стороны отлетели сбитые бампером столик и пара стульев, которые до этого успел вынести на улицу хозяин летнего заведения. Он выбежал из дверей, что-то проорал, беззвучно разевая рот, но вслед, как ожидалось, кулаком не погрозил — побоялся. В расстроенных чувствах стал поднимать разбросанную мебель. «БМВ», объезжая, вильнул последний раз перед обтерханной урной и пристыл наравне с иномаркой Галины.

— Эй, тетка, — с ходу зорали «братки», — освобождай дорогу!

Два мордovorота с опухшими лицами, то ли после продолжитель-

ной попойки, то ли ночной игры в казино, нагло уставились на женщину.

— Ага, разбежалась, — огрызнулась Галина.

— Гы, — осклабился сидевший рядом с водителем. — Она еще, типа, разговаривает...

И, разглядев, кому хамит, запнулся, луповато пуча глаза:

— Ку-у-кла-а... — произнес он нараспев, облизывая ссохшиеся губы.

Эффектная внешность Галины сводила самцов с ума. Эти тоже оказались падки на чернобровую красавицу в безумно элегантном наряде — белый брючный костюм с открытой спиной. Прическа из десятка крошечных черных косичек. Оливкового цвета безупречно чистая без родинок кожа. Тут стояло над чем задуматься.

— Хочешь «зелени» срубить? — необдуманно ляпнул крайний от нее.

Галина давно уже привыкла не обращать внимание на дураков. Сохраняя спокойствие, отвернулась.

— Ты че, — обиделись парни, — нос воротить?

Дело принимало скверное направление. Галина на всякий случай незаметно потянулась за телефоном. Но тут водилу осенило.

— Слышь, ты, — окликнул он хрипато, — хочешь из пробки выбраться?

Галина недоверчиво покосилась в их сторону.

— Нет базара, — пообещали по-рыцарски пацаны.

Пробуксовав, «БМВ» рывком стронулся с места. Запахло жженой резиной. Не обращая внимание на онемевшего от подобной дерзости гаишника, бандиты нагло перегородили дорогу, потеснив другие машины. Связываться с придурковатыми «братками», разумеется, никто не стал. Благоразумнее было переждать. Вопреки жестам рассерженного регулировщика, поток машин на какое-то время замер. Воспользовавшись этим обстоятельством, Галина успела выехать на главную улицу.

— Чао, мальчики!

Она сделала на прощание незамысловатые движения пальчиками, как бы перебирая ими в воздухе. Но вот этого делать было как раз и не обязательно. Братки по-своему расценили сей жест, посчитав его за расположение к ним, и, не утруждая себя долгими раздумьями, пристроились вслед «Ауди».

— О Господи, — простонала Галина. — Этого еще не хватало.

6

Под мерный перестук колесных пар Леха придремывал; сквозь дурманящую негу в уши назойливо тек колесный говорок — домой, домой... домой, домой. Радость долгожданного возвращения перемешивалась с огорчениями последних дней.

Леху выписали, и до ворот госпиталя его провожал Дима. Прощаясь, он неловко обнял, стараясь не потревожить зарубцевавшуюся тонкой розовой кожицей начавшую заживать культю. Пряча глаза в слезливой мути, дрогнувшим голосом сказал:

— Прощай, братан... вероятно, больше не увидимся.

— Что так, братишка?

Растроганный Леха прикусывал кривившую полоску иссиня-пепельных губ.

— А то... что у каждого своя жизнь. Это мы здесь черные береты... масса... толпа. А там... на гражданке... кто во что горазд. Так-то.

Дружески ткнул здоровой рукой в плечо и ушел, не оборачиваясь, привычно покачиваясь по-морскому.

В часть Алексей сразу не пошел. Ему хотелось побыть одному. Целый день он бродил по знакомым улочкам Каспийска. Вечером незаметно для себя вышел на место недавнего взрыва. Скатившееся за Каспий солнце красило сумерки розовым светом. Алая лента, отгораживающая пяточок улицы, ставшей братской могилой, светилась яркой полоской. Внутри, прямо на асфальте, лежали венки, между ними — живые гвоздики, словно кровавые брызги на сером. Угрюмой плотной стеной стояли собравшиеся вокруг люди. В темных провалах глазниц — отблески зажженных свечей. Алексей машинально насчитал сорок две. «По числу погибших», — опалила мысль. Горло перехватило удушье; всхлипнув, Алексей сорвал с головы берет, стоял, бесцельно комкая его в руках, давился сухой спазмой. Никогда не увидеть теперь ему Коляна, Васятки, Серого, Сашка, других ребят из его роты. Увлажнившимися глазами невольно нашел место, где мучился, умирая, Штырь; ближайшая к нему окаемка цветистого венка освещалась робким колеблющимся огонь-

ком свечи. В теплом воздухе пахнет разогретым воском.

Алексей почувствовал на губах солоноватую влагу; протяжно прерывисто вздохнул и, не выдержав, уткнулся в скомканный в руках берет. Вырвавшийся было наружу сдавленный стон глухо осекся. Несколько долгих минут стоял, мочил слезами пропитавшуюся горьким потом подкладку, хотел уже уходить — так невыносимо было находиться вблизи места ужасной трагедии, но тут позади произошло какое-то движение. Оглянулся; плечом расталкивая толпившихся людей, в траурный круг решительно шагнул молодой мужчина.

В воспаленных от пережитого глазах — горячительный блеск легкого сумасшествия.

— Люди, — надрывно сказал он, — давайте устроим самосуд, разорвем этих извергов на кусочки!

В его голосе слышалось столько горечи и страдания, что по телу Лехи судорогой пробежал колючий холодок беспричинного страха.

«Довели мужика», — подумал, морщась, словно от зубной боли. И тут услышал приглушенный расстоянием шепот:

— Двое детей у него погибли, у страдальца... мальчики.

Толпа заметно колыхнулась. Кто-то громко крикнул, сетуя на несправедливость:

— Было бы кого! Радуев вон живой остался.

Мужчина поник головой, неловким движением смахнул рукавом слезы и, пригнув голову, словно побитый, вернулся в толпу. И тотчас женский голос там с подвыванием заголосил:

— Ой, родненькие вы мои, соколики... да как же это... о-ой!

От дикого, почти нечеловеческого стенания Леха крупно вздрогнул, не надевая берета, зажал уши и медленно пошел прочь. Шел, словно против ветра, покачиваясь и клонясь вперед, незаметно для себя все убыстряя и убыстряя шаги. Последние метры до своей части он уже бежал, торопясь встретиться с живыми сослуживцами.

На дембель они уходили втроем: он, Дима и Кувалда. От Махачкалы ехали вместе. В Москве на перроне, расставаясь, горячо обнимались, пьяно плакали, клялись в вечной дружбе. Обещали созвониться и на годовщину ужасной трагедии встретиться в Каспийске, где от рук подонков и негодяев погибли настоящие пацаны — цвет Российской Армии...

— И молодежи, — пьяно всхлипнул огромный Кувалда и перевел

немигающий, мутный взгляд с одного на другого, ища сочувственной поддержки.

— И молодежи, — о чем-то задумавшись, не сразу согласился с ним Дима, рассеянно скользнув глазами по черному, блестящему протезу на месте некогда живой кисти.

— Суки, — опять всхлипнул Кувалда и, озлобляясь, вдруг рывкнул басом: — Мочить их, пидоров, надо!

Спешно проходившие мимо пассажиры испуганно шарахнулись от его голоса.

К нетвердо стоявшей на ногах троице подошел военный патруль. Рослые морские пехотинцы с лихо заломленными на затылок черными беретами были на голову выше солдатиков.

— Откуда такие борзые? — развязным голосом поинтересовался капитан — начальник патруля.

— Тебе чего надо? — психанул Дима. — Шел мимо и иди.

Но огромный Кувалда, минутою назад грозивший всех без разбора замочить, покладисто ответил:

— Из Каспийска мы.

— Это у вас взрыв произошел... во время парада? — сбавляя тон на более миролюбивый, спросил капитан.

— У нас.

Патрульные с неподдельным интересом во все глаза глядели на своих сверстников, побывавших в самом аду. Капитан споткнулся взглядом о черную лакировку протеза, сказал, морщась и вздыхая:

— Это самое... парни... мы вас проводим... мало ли что... ну... в вагон посадим.

— Под конвоем, что ли? — хмыкнул Леха.

— Ну зачем вы так, — обиделся капитан. — Мы ведь тоже люди, — и, желая расположить к себе парней, поделился наболевшим:

— Я сам черных не люблю.

— Во! Это по-нашему, — обрадовался Кувалда. — Ну что ж, пошли.

И компания двинулась по перрону.

Впереди коренастый капитан, энергично втыкая дуговатые ноги в асфальт. Следом в окружении низкорослых солдат здоровенные морпехи; пьяно кособочась и матерясь, они шли в обнимку, широко разбрасывая ноги.

Первый отъезжал Леха. Его успели впихнуть в вагон уже на ходу.

Размазывая по лицу пьяные слезы, он проорал напоследок оставшимся на перроне друзьям:

— Пацаны, не забывайте Хана!

За стуком колес Леха не расслышал ответа.

...От выпитого накануне невыносимо раскальвалась голова. Морщась от навалившейся тупой боли, Леха осторожно потрогал потный затылок. Дурная от хмеля кровь стучала в висках. Он глухо невольно застонал. Внизу зашушукались. Слов Леха не разобрал, но догадался, что говорят о нем. Через силу перекатив по подушке голову, заглянул вниз.

Незнакомый дедок шепотом уговаривал сидевшую против него старуху. Свисавшие с его пиджака медали изредка позванивали. Леха сверху тупо уставился в розовую, словно у младенца, лысину, окаймленную белым невесомым пушком. Сквозь болезненную муть, не дававшую сосредоточиться, в уши назойливо тек невнятный захлебывающийся шепоток:

— Марусь... чуть-чуть... парень.

Но вредная старуха, видно, оставалась неумолима к его доводам. Сбрав в куриную гузку сморщенные губы, она с притворным равнодушием смотрела в окно. От подобного невнимания дед досадливо крикнул, боднул плешивой головой воздух и тут повстречался глазами с Лехой.

— Проснулся, служивый? — обрадовался он.

В живых не по возрасту глазах деда блеснули лукавые огоньки. Украдкой от старухи он подмигнул Лехе и, как бы приглашая его к тайному сговору, нарочито громко спросил:

— Что, парень, болеешь?

В Лехином состоянии было не до разговоров; с кислой миной на лице он натянуто улыбнулся, прохрипел:

— Я... это самое... в общем-то, — и замолчал, обессиленный.

Его невнятный ответ плешивого заговорщика вполне устроил; хитрый дедок расценил его в свою пользу.

— Марусь, а Марусь, — засуетился он. — Парнишку-то похмелить надо. Ить, как он страдает.

Суровая на вид старуха наконец-то отлепилась от окна.

— Чай, я не слепая, — язвительно сказала она, — вижу, кто страдает.

Нимало не смущенный таким ответом, дед достал из-за спины армейский походный рюкзак, развязал стягивающие его тесемки и лов-

ким, каким-то ухарским движением выставил на стол початую четвертинку, заткнутую по-деревенски газетной пробкой.

— Успел уже глотнуть, — ахнула старуха. — То-то, я смотрю, ты уже навеселе.

— И все-то ты замечаешь, — досадливо сказал дед. — Это еще со вчерашнего.

Он плеснул в стакан с остатками чая вонючего самогона. Подавая Лехе, на радостях поделился:

— Сына мы женили. Вот со старухой со свадьбы едем.

Леха, морщась, смотрел на стакан с бурой жидкостью.

— Ты не нюхай, — посоветовал дед. — Пей одним дыхом.

Но Леха отказался. Хрипло попросил:

— Не-а. Если только водички попить.

Дед неожиданно легко согласился.

— Оно и правильно. Какой от самогона прок. Так, видимость одна.

— Морсу налей, — приказала старуха.

Дед, искося поглядывая на нее, придерживая одной рукой стакан, другой извлек из необъятного зева рюкзака полуторалитровую полиэтиленовую бутылку со своим морсом.

— Пей, не жалея. Это уж так с похмелья.

Дед последил, как Леха жадно отпил почти четверть, крикнул восхищенно, сказал, сам себя напутствуя, словно перед дальней дорогой:

— Ну, Федор, видно, и ты не отставай.

Но, к его неудовольствию, он даже не успел приложиться к стакану. Подошла проводница. Девчонка совсем, пигалица. Белобрысая и некрасивая. Вся какая-то облезлая... Но в форменной одежде. Вот такие, наверное, и бывают самые честные, еще не испорченные жизнью. Она искренне возмутилась:

— Как вам не стыдно! Не смейте пить вино в общественном месте.

— Это не вино, — пояснил, добродушно улыбаясь, дедок. — Это самогон. Сына вот женил, — почему-то посчитал нужным добавить он.

Проводница негодуяще задохнулась:

— Вы еще и хамите. Я сейчас милицейский наряд позову.

— Это за что ж, милая? — искренне не понял дед. — Аль мы дебоширим здесь?

— Этого еще не хватало.

Проводница оказалась на редкость настырной.

— Так я жду...

Дед сокрушенно покачал розовой плешинной и под строгим осуждающим взглядом старухи аккуратно, стараясь не расплескать, слил из стакана опять в четвертинку. Что-то беззвучно приговаривая, ожесточенно шлепал губами, с видимым сожалением затягивая рюкзак крепкой тесемкой.

Проводница чуточку подобрела:

— За это ведь и с поезда могут высадить.

Присмиривший дед задумчиво отвернулся к окну. Леха какое-то время сосредоточенно разглядывал его лицо; было жаль мучившегося с похмелья деда, крепло раздражение к глупенькой проводнице, считавшей себя правой. Леха припомнил, как пяток минут назад дед радостно суетился с четвертинкой; губы его, отливающиеся нездоровой синевой, помимо воли расплзлись в нелепую улыбку, глуховато сказал:

— Отец, ты особенно-то не переживай.

Дед вздохнул, не оборачиваясь, и еще пристальней стал разглядывать что-то видимое ему одному за окном.

Леха закинул руки за голову, прикрыл глаза, засыпая. Но тут сквозь дрему опять услышал знакомый голосок страшненькой проводницы.

— Я предупредила, что пить в вагоне нельзя. Неужели вам это не понятно?

«Ну, дед дает, — удивился про себя Леха, — все никак не может утомиться».

Куда и сон пропал. Леха свесил голову с полки. Дед успокоенно спал, привалившись спиной к тонкой перегородке. Из уголка губ по подбородку тянулся след стекавшей слюны. Леха чуть далее перевел недоуменный взгляд. Рассерженная проводница выговаривала кому-то у бокового столика, загораживая их спиной:

— Взрослые люди, а так себя ведете. Я уже предупредила насчет выпивки дедушку... Он все понял... а вы?

Гортанный голос невидимого пассажира невозмутимо отвечал:

— Ты что кричишь? Такой красивый дэвушка... и такой скверный характер. Успокойса. Эта каньяк... дарагой каньяк... Лучше выпей.

Проводница стремительно повернулась, ища сочувствия у пожи-

лой четы. Дрожа в гневе бледным лицом, почти плакала:

— Вы только посмотрите, какие нахалы.

Только сейчас Леха разглядел за ее спиной двух мужчин кавказской наружности.

Старуха сделала слабую попытку посовестить их:

— Чаво ж вы изгаляетесь над ней... Накажут ведь ее из-за вас.

Молодой, который сидел по левую от Лехи сторону, засмеялся, щеря золотую россыпь зубов:

— Эй, старая, зачѐм так гавариш? Мы ей больше дадим, чем ее накажут.

Он небрежным жестом распахнул пухлый портмоне, на лету послонявил большой ногтистый палец и с шиком черкнул им по ребрышкам приличной пачки пятисоток.

— Видала, мать?

Старуха незаметно для него досадливо сплонула и отвернулась к окну.

Проснулся дед; он недоуменно лупанул припухшими глазами и, смекнув, что происходит, горячо заступился за плачущую проводницу:

— Чаво ж вы ржете-то? Креста на вас нет, анчих... — видимо, он хотел обозвать их антихристами, но под тяжелым суровым взглядом, которым одарила его старуха, не договорил, прикусил язык. Смутившись, только крикнул: — Э-эх ма.

Девчонка, вконец расстроенная неповиновением обнаглевших пассажиров, вдруг торопливо собралась и ушла, многозначительно пообещав:

— Ну ладно... Сейчас вы у меня попляшете.

— Вай, как напугала, — вслед засмеялись кавказцы.

Через четверть часа она вернулась не одна. Следом шли двое коротко стриженных милиционеров. В отворотах форменных рубах виднелись треугольники почему-то голубых десантных тельняшек.

Леха подумал: «Тоже мне, ухари нашлись. Сейчас тельники носят все кому не лень». Они сразу ему как-то не понравились.

Проводница, исполненная негодования и решимости, пожаловалась блюстителям закона:

— Я к ним обращалась и так, и этак... никак не понимают.

Старший по званию — лейтенант — лихо покрутил черную усину, спросил, вприщур оглядывая мужчин:

— Это как же понимать?

Дело принимало неожиданный и зловещий для кавказцев оборот. Они примирительно ответили:

— Начальник, как можно нэ слушаца такой красивый дэвушка! Нэт у нас вина... нэт самагон... есть каньяк... дарагой каньяк... Угащайся, начальник.

— Ты меня напрасно не угощай, — отказался лейтенант, — я на службе.

— Панымаем, панымаем...

Смышленные сыны гор перемигнулись, и один из них незаметно для окружающих отработанным движением привычно сунул свернутую в трубочку купюру в полураскрытую ладонь лейтенанту. Тот крепко сжал кулак, напуская на себя притворную суровость, сказал:

— Что б тут у меня без этих самых... — он сделал в воздухе неопределенный жест растопыренной пятерней, свободной от денег. — Ну, как везде... то есть... Мысль ясна?

Кавказцы с готовностью закивали головами.

— Ну смотрите, — напоследок предупредил мент, и они ушли, прихватив с собой заартачившуюся было молоденькую проводницу. — Иди, Клава, в свое купе.

Дед, пытливо всматриваясь в Лехино лицо, вздохнул:

— Э-эх, парниша... где ж она справедливость-то?

Приметив гневные морщинки на лице попутчика, Леха, сам переживая случившееся, не очень-то ласково ответил:

— Так всегда было, отец... и, наверное, так и дальше будет...

Кавказцы, видно, крепко уверовавшие в свою безнаказанность, громко захохотали. Едва выговаривая сквозь всхлипы смеха, молодой пояснил:

— Э-э, дарагой... у мэнэ, знаешь, какой паспарт? Я здэс насрать магу, и мэнэ нычего нэ будэт.

Отчего-то их гортанный, похожий на орлиный клекот смех Лехе показался обидным, задел за живое. Он свесился с полки, чуть не упав, спросил, упруго катая по-над скулами комки желваков:

— Ты уверен?

Горбоносый, вытирая слезящиеся от смеха глаза, не понял, переспросил:

— Чаво уверен, дарагой?

— Что тебе ничего не будет.

— Канэчна, — хищно блеснул глазами горячий сын гор. — Канэчна.

Притихшие пассажиры испуганно отводили глаза.

Уверенность кавказца совсем растопила ту каплю терпимости, которая еще сохранялась в душе у интеллигентного Лехи. Скрипнув зубами так, что он почувствовал во рту зубное крошево и привкус крови, Леха молча спрыгнул на пол. Кровеня облюнованные от смеха губы, четко двинул правым кулаком прямо в смеющийся рот горбоносого. Под рукой что-то хрустнуло, и далеко в сторону полетели золотые коронки. Утробно икнув, горбоносый завалился на спину, по стене сползая пассажирам под ноги. Вскочивший было на подмогу другой кавказец был сбит, как учили в армии, ребром ладони за ухо; он хрюкнул от боли и полетел в пролет между полками, ударяясь лицом об острые выступы.

— Уроды, — в наступившей тишине под одобрительные взгляды глухо сказал Леха.

Дедок, до глубины души взволнованный, дрожащими пальцами сорвал с себя потемневшую от времени медаль «За отвагу» и все пытался нацепить ее на тельняшку Лехи.

— Порадовал ты меня, сынок, — слезливо причитал дед, — уж так порадовал, что теперь и умирать не стыдно.

7

Коротко стриженные амбалы на съемках совмещали свою непосредственную работу охранников с ассистентами фотографа. Они принесли блестящие на солнце штанги и, посмеиваясь, установили их на съемочной площадке. Она представляла собой часть берега с огромными коричневыми валунами, о которые с шумным плеском разбивались гигантские волны. Изумрудные брызги, рассыпаясь далеко окрест, дробились о неуспевающую просыхать поверхность золотистого песка и гладких камней.

Николь с фотоаппаратом «Никон» спустился вниз по косе от микроавтобуса. Солнце поднялось выше пальм. Нагретая земля источала пряные удушливые запахи. От воды едва заметно тянуло свежестью.

Николь прошел дальше, неловко перелез через гряду мелких валу-

нов, остановился, оглядывая площадку.

— Ништяк, Николь? — хахакнул Вован.

— Да, очень хорошо, — согласился Николь, окидывая профессиональным взглядом укрепленные вокруг штативы с мощной цветной подсветкой. Хмуря обесцвеченные брови, озабоченно походил взад-вперед, выискивая подходящий ракурс для съемок. Кажется, отсюда. Николь на глаз определил расстояние от себя до предполагаемого фотографируемого объекта. Точно здесь.

— Вольдемар, — привычно выпендриваясь на французский манер, позвал охранника, — пригласи девочек.

— Нет проблем, Ник, — деловитым баском ответил послушный Вован и, несмотря на видимую грузность, с завидным проворством забрался на валун, сложил широченные ладони рупором, гаркнул сверху во все горло:

— Эй, вы там... идите сюда. Да поживее.

— Уже идем, — донесся приглушенный расстоянием голос Наташи.

Чуть погода появилась она в сопровождении визажистки и костюмерши. Рядом с хрупкими и бледными девицами Наташа выглядела просто потрясающе. Белокурые волосы, гладко зачесанные назад и старательно заплетенные в длинную косу, отлично гармонировали с золотистыми трусиками-бикини. Натертое крем-пудрой стройное тело эффектно отливалось мраморной белизной. Как и было задумано для съемок, сейчас она была без лифчика. Ее полные груди задорно торчали и соблазнительно прыгали при ходьбе. Она шла, изящно переставляя ноги, словно по невидимой нити, согнутые несколько в локтях руки слегка заводила за спину.

Николь восхищенно блеснул глазами, лстя девушке, не преминул сделать ей подобающий моменту комплимент:

— Ну, милашка, ты выглядишь просто обалденно.

Толян, грея спину о ноздреватую поверхность огромного каменюки, бесцельно переступал с ноги на ногу, вымученно улыбался, с трудом пытаясь сглотнуть пересохшим горлом. Он никак не мог привыкнуть к обнаженной натуре, когда приходилось фотомоделям сниматься без лифчика, а в некоторых случаях и без трусиков. Толян, не отрываясь, пялился на ее грудь, так и жаждал ее потрогать. Хотя вид оголенных сисек Наташиных приятельниц не вызывал у него ничего, кроме досады. Натыкаясь глазами на бледные в синих прожилках скромные полушария, Толян торопливо отводил глаза, морща

лицо в непотребной гримасе. Ему было «стремно» за девчонок.

— Смотри, — Николь приобнял за плечи Наташу, начал объяснять свое видение будущего рекламного фото. — Ты стремительно входишь в воду с этой точки. Когда набежавшая волна коснется твоих икр, ты быстро, очень быстро оборачиваешься назад через левое плечо. Но опять-таки с таким расчетом, чтобы коса все же лежала на твоей спине, — и пояснил свою мысль: — Это как бы девушка-девственница, таясь от окружающих, одна пошла купаться к морю. Но ее кто-то застал врасплох, как у нас часто бывает, и она в испуге повернула голову. Смекаешь?

— Смекаю, — Наташа отвлеченно поглядела вверх в густую бездонную синеву неба, входя в роль девственницы, что, кстати, соответствовало действительности. Беззвучно пошевелила пухлыми губами, затем перевела осмысленный взгляд на фотографа, сказала, с восторгом блеснув прозеленью глаз: — Николь, я это так сделаю, что закачаешься. Я это чувствую.

— Вот и славненько, — подытожил свое инструктирование фотограф и слегка подтолкнул ее к океанской кромке, где белой каймой, шипя, вспенивались волны, сказал со зловещими нотками в голосе: — При-го-товься.

Находившиеся на площадке замерли, не дыша. Во все глаза глядели на разыгрывающуюся перед ними мизансцену.

Николь принял к окошку камеры, взмахнул рукой, не своим голосом отрывисто бросил:

— Пошла!

Легко вскидывая ноги, Наташа устремилась навстречу накатывающейся крутолобой волне, которая ее чуть не опрокинула. Отплевываясь солоноватой водой, она, смущенная, вернулась на берег.

— Ничего, — успокоил Николь. — Пробуем еще раз.

К полудню Наташа так набегалась взад-вперед, что ударило в голову, и тошнота подступила к горлу.

— Все, я больше не могу, — устало сказала она, чувствуя, как заметно дрожат ноги, налитые гудящей болью.

Солнце по-прежнему нещадно палило землю. У горизонта в дымке неясно намечался контур яхты, казавшийся голубым и словно колеблющимся. Томила жажда. Наташа через силу заставила себя сделать пару глотков теплого спрайта, принесенного Олей из машины.

— Все, девочки, — сжалился над ними Николь. — Сейчас едем в гостиницу.

Не радуясь окончанию съемок, женщины, загребая босыми ногами песок, устало побрели к арендованному на острове микроавтобусу. Охранники, тяжело вздохнув, стали собирать воткнутые там и сям штативы с цветной подсветкой. Ходили они, как искупанные. Обильный пот стекал с мускулистых торсов. Собранная у пояса резинкой материя шорт мокла скопившейся влагой.

8

Есть в России маленькие города с милыми русскому сердцу названиями — Плес, Гусь-Хрустальный, Елец, Ливны. Эти удивительные городки и есть сама наша история. Здесь настоящее соседствует с прошлым. Глубокой стариной веет от почерневших бревенчатых домов, от крошечных церквушек с обязательно присутствующими на папертях нищами. Сохранились заросшие лопухами и подорожником улочки, затравевшие двory с привязанными к деревянным колышкам козами, покосившиеся голубятни с парой-другой красивых дутьшей. Не видно только самих голубятников. Они с утра обретаются на реке. Вода блестит, как зеленое стекло. Величественно плывущие в небе облака отражаются в тихой воде. Среди желтых крупных кувшинок виднеются белые гусиные поплавки. Мальчишки с моста удят рыбу. Щуря на солнце глаза, крепко сжимают в загорелых, усыпанных цыпками пальцах самодельные удилица. Они свистящим шепотом переговариваются, боясь распугать рыбу:

— Димон, оставь покурить.

— Чаво оставь, — возмущается самый маленький с выцветшей от солнца вихрастой макушкой. — Сейчас моя очередь.

— Тебя, Василек, мамка будет ругать.

— А вас, думаешь, не будет?

У вихрастого от горькой обиды наворачиваются на глазах слезы. Димон, сжалившись, протягивает ему окурочок. Ожигая губы, пацаненок докуривает. Они надолго замолкают. В теплом воздухе пахнет стоялой водой и медовым ароматом луговых цветов.

В одном из таких городков — Спас-на-Керше — и проживает Алексей Ханин. Пару минут назад он сошел с поезда. От представшей перед его глазами картины, привычной ему с малых лет, сладостно за-

щемило в груди. Милая сторонушка. А ведь сложились все иначе, не стоять бы Алексею сейчас здесь. Подумал так, и предательски ослабли ноги. С трудом отрывая от перрона словно прилипшие ботинки, тяжело прошел в скверик, присел на скамейку. Затуманенными глазами повел вокруг. Ничего не изменилось за два года. Разве только железнодорожный вокзал отреставрировали. Теперь старинное зданье с замысловатыми завитушками по фасаду выглядело ярко, как расписная картинка. Как он сразу это не заметил? Алексей изумленно качнул головой и перевел взгляд. Посреди пыльной площади по-прежнему стоял памятник Ленину. Побелка местами облупилась, и серые проплешины на пиджаке вождя революции выглядели заплатами. В вытянутой руке он что-то держал. Алексей пригляделся; вместо указующего в светлое будущее перста уродливым протезом торчала арматура. У его подножья лепилась трибуна, кирпичная кладка лопнула, и при желании можно было легко просунуть в отверстие руку. Но городское начальство давно уже на ней не стояло, поэтому на памятник им было наплевать. Не забывали о нем лишь бездомные псы. Каждая уважающая себя собака считала своим долгом отметить у его основания. Желтые потеки никогда там не просыхали. Они виднелись за версту.

За памятником ослепительно сиял на солнце золотой купол приземистой церкви. В ясные дни его было видно за тридцать километров. На праздники звонили колокола; широко и величественно плыл над городом малиновый звон. Стаи диких голубей кружились в небесной синеве. В такие минуты снисходила благодать, хотелось плакать.

Тут на голову вождя спланировала большая черная ворона. Она скрипуче каркнула и, потоптавшись, смачно нагадила ему на лысину. Жидкая серая масса потекла за воротник безобидно стоявшего Ильича.

Леха сдвинул на глаза берет и откинулся на скамейку. В скверике густо настаивалась жара. Со стороны путей от шпал пахло разогретым креозотом. Внезапно чувство удивительного наслаждения жизнью заполнило все его существо. Он как бы внутренним своим взором увидел этот мир. Жизнь неожиданно показалась ему совершенно простой. Все стало на свои места и обрело новый смысл: предстоящая дорога жизни открыта и чиста, и ничто не преграждает ему путь. Подниматься по утрам, отправляться на работу, делать свое дело хорошо, воспитывать детей и заботиться о себе — все это следует

считать настоящей жизнью. Слишком многие недооценивают это, слишком многим не удастся осознать подлинную ценность таких свершений...

Алексей почувствовал чужое присутствие, кто-то сел рядом на скамейку. В левое ухо плеснул неразборчивый шепот, затем, открываясь, чмокнула банка, и уже громкий девичий голосок с легким нахальством предложил:

— Эй, солдат, пиво будешь?

С лендой, присущей старослужащему, Леха приподнял берет и, не поворачивая головы, скосил глаза вбок. Первое, что он увидел, это острые исцарапанные коленки у своего лица. Две «сикухи» лет по четырнадцать с ногами забрались на скамейку.

— Вообще-то, здесь сидят, — сказал Леха.

— А нам по фигу.

. Над Лехой склонились две симпатичные мордашки. Загорелый нос одной шелушился прозрачной кожицей. Другую словно сеяли веснушками через сито. Они в упор, не мигая, глядели на него озорными глазами.

— Ну так что... будешь пиво или нет?

Леха отказался:

— Не привык пить за чужой счет... Тем более таких красивых девушек, как вы.

— Ну так нас угости...

Девчонки кокетничали с ним вовсю — то ли без парней им было скучно, то ли свежего человека повстречали.

— Ну так угостишь или как?..

Леха засмеялся:

— Или как...

Разочарованные девчонки протяжно выдохнули:

— У-у...

Лехе надоело зубоскалить с малолетками; он поднялся со скамейки и, тягая за собой защитного цвета сумку, сказал, как новость сообщил:

— Пошел я...

От подобного невнимания к себе девчонки обиделись по-настоящему. Прежнего доброжелательства уже не чувствовалось. Они пренебрежительно сплюнули пиво на землю:

— Давай, вали отсюда... жлоб.

Леха потоптался на месте, будто сразу хотел перейти на рысь, но передумал и, примиряюще улыбаясь, пояснил:

— Девчата, не в обиду... Ждут меня... Я два года дома не был...

И столько в его словах было невысказанной радости, любви к дому, что девчонки на миг растерялись. На их лицах отразилось смятение; никто из знакомых им мальчишек явной радости по поводу своих домашних никогда не проявлял. Они слегка потупились, встретившись глазами с Лехой.

— Это самое... — одолевая смущение, призналась с облупленным носом, — я тебя знаю. Ты сын Лидии Ивановны... нашей училки... Алексей.

Леха обрадованно подтвердил:

— Точно!

— И девчонку твою знаю... Наташку. Она сейчас в Москве. Леха был несказанно поражен осведомленностью малолетки.

— Откуда такие сведения? — спросил он.

— А мы жили рядом... а потом...

Леха внимательнее взгляделся в ее вдруг вспыхнувшее полымем лицо.

— Светка! Вот так встреча! Не узнал... богатой будешь.

— Ага... и жить до ста лет.

— Как вы тут?

— Нормально.

— Брательник отслужил?

На губах у Светланы медленно слиняла улыбка. Она зябко передернула плечиками, сказала тихо:

— Пропал он.

Алексей удивленно присвистнул:

— То есть, как пропал?

Света слегка отвернулась; теперь ее потухший взгляд был устремлен куда-то вдаль, в невидимую точку мимо Лехи. Она с неохотой стала рассказывать.

— Он служил в Чечне...

— Я знаю, — перебил Леха, — мать писала.

— А потом пропал... Из армии отписали, что при невыясненных обстоятельствах... мол, дезертировал. А он, оказывается, в плен попал к чеченам... вроде как бы командир его сдал... не знаю. Потом письмо от него пришло... Просил привезти за него выкуп... десять тысяч баксов. Мать кое-что наскребла по родне и поехала за ним... Короче, вернулась без Ромки и без денег. Теперь все плачет и плачет.

Ресницы ее мелко дрожали, тонкие, шишковатые в суставах пальцы не находили себе места. Она бесцельно крутила пивную банку; остатки пахучего зелья капали на ношенные босоножки. Бесцветным, осекавшимся через слово голосом Света спросила:

— А ты... навсего приехал... или как?

Ее побледневшие губы жалко дрогнули.

— Да вроде бы как насовсем.

Леха старательно отводил от нее глаза; почему-то было очень неудобно перед девчонкой. Даже себе он не мог объяснить причину столь странного для себя поведения.

— Отслужил я...

— А-а... — в голосе Светки послышались почтительные нотки. Она заметила в руках пустую банку, не раздумывая, швырнула через свое плечо в кусты сирени. Вытирая о платье мокрые пальцы, спросила вполголоса: — Где служил-то?

— Да так... в Махачкале.

— Повезло тебе, — вздохнула Света.

На секунду разум Лехи опалило кровавое воспоминание; удушье, захлестнувшее горло, мешало говорить, но он, пересиливая себя, глухо согласился:

— Да уж... не без этого.

Коротко рывкнул проходящий товарняк; на стыках, сдвигая, застучали колесные пары. Чулюкающие в пыли воробьи разом сорвались с места и рассыпавшимся горохом попадали в сирень.

Леха прислушался к удалявшемуся перестуку, и горечью недавних происшествий до краев наполнилось сердце. И если бы не Светкина подруга, наверное, пустил бы слезу. Она все это время молчала, прислушивалась к разговору, со скучающим видом прикладывалась к банке. Запрокидывая очередной раз голову, сказала, ни к кому конкретно не обращаясь, словно в пустоту:

— Автобус ваш...

Светка посмотрела на дорогу, затем перевела взгляд на Леху и, вмиг избежав глазами его крепкую подтянутую фигуру в пятнистой военной форме, сказала, подавив вздох:

— Наш автобус... в Дворики. Ты можешь с ним доехать.

Леха раздумывал не более секунды; идти очень далеко, да и случайная встреча по дороге со знакомыми способствовала бы только ненужной задержке. Ему необычайно остро захотелось увидеть мать, квартиру, дом. Он, словно чумовой, сорвался с места, на ходу закиды-

вая за плечо сумку, успел крикнуть, полуобернувшись:

— Мы еще увидимся.

— А то... не-ет...

9

В микроавтобусе москвичей совсем сморило, сидели как в воду опущенные, из последних сил борясь с чрезмерной усталостью и сном. Покачиваясь в такт движению, дремотно клонились на плечи соседей.

Николу захотелось их ободрить, сказал, стараясь придать своему голосу прежнюю уверенность:

— Ребята, выше головы, мы же на Мальдивах, — но неожиданно дал «петуха», затем сбился на хрип и, махнув рукой, замолчал, облизывая спекшиеся на жаре губы.

По номерам разбрелись, словно серые тени, отрешенные и неестественно спокойные для людей, впервые оказавшихся на экзотических островах.

— Ужинаем в ресторане, — нашел в себе силы напоследок прохрипеть Николь.

После теплого душа Наташа едва успела дотащить до постели. Чувствуя необоримую тяжесть во всем теле, провалилась в сон. Разбудило ее ощущение чего-то непривычного. С усилием разлепила припухшие со сна веки.

С улицы сквозь сумеречную синеву в номер лился тусклый желтый свет, пятная стены замысловатыми узорами.

Наташа недоуменно пошарила рукой на прикроватной тумбе; часы с подсветкой показывали четверть седьмого. «Надо же, — удивилась она про себя, вспомнив летние бесконечно длинные дни в России. — Как, оказывается, интересно разделено здесь время. Ровно двенадцать часов день, ровно двенадцать часов ночь». Наташа обвела стены медленным взглядом. Далее продолжать спать не имело смысла — после полуночи замучает бессонница. Но и вставать не хотелось. Разлившаяся по всему телу приятная истома не отпускала. Понежившись еще немного, Наташа с неохотой поднялась. Тихо ступая босыми ногами по мягкому ковролину, как спала — в бикини — вышла на лоджию.

Парной воздух вмиг окутал тело; на коже выступила липкая испа-

рина. «Ну и духота, — подумала невольно, облакачиваясь на перила ограждения. — Как в сауне». Внизу невидимо дышал океан. Сквозь густую тьму едва различались очертания огромных валунов у берега. Слышно было, как плескались волны, облизывая их гладкую поверхность. Огромные пальмы насколько хватало глаз уходили своими вершинами высоко в небо. Лучи искусно запрятанных в траве подсветок скользили по шероховатым коричневым стволам, теряясь в зелени лопушистых крон. Не было ни малейшего дуновения ветерка.

Наташа с тихой радостью скользила взглядом по открывшейся перед ней удивительно яркой картине экзотической природы, с наслаждением вдыхая едва приметный солоноватый запах воды, который так присущ бескрайнему океану. И все же справиться с охватившим ее волнением не смогла; с хрустом потянулась, изящно выгибаясь в пояснице, с восторгом подумала: «Красотища-а! Эх, мамочка родная, век бы жить в этой сказке, — и тут же проглотила вздох, подумала другое: — Но для этого требуются деньги... Большие деньги... Очень большие... Огромные...» Не успевшая сбыться мечта до обидного легко рушилась прямо на глазах.

От созерцания красочного зрелища ее неожиданно отвлекли мужские голоса на соседней лоджии. Наташа стремительно повернула в их сторону лицо. Постояльцы смежного номера, по виду арабы, очевидно, давно заметили статную грудастую блондинку. Горячая кровь сынов пустынь явно рвалась наружу. Они восхищенно зацокали, что-то быстро-быстро залопотали на своем языке.

Наташа, в душе польщенная мужским вниманием, виду не подала, состроив на лице презрительную мину. А когда один из них худощавый и лысый (голова его блестела потом) с вислым носом особенно откровенно стал выказывать свои намерения, эмоционально дергаясь тощим задом, не стерпела, коротко бросила, зло блеснув глазами:

— Коз-зел!

На высказанное по-русски оскорбление реакция горбоносого была неожиданно бурной. Он счастливо закатил глаза и, как ненормальный, стал громко ржать, ощеря безупречно белые здоровые зубы.

— Вау! — сквозь всхлипы смеха обрадованно заорал он по-русски почти без акцента. — Рашен леди... Я знаю Россия... Знаю Москва... Я учился в Советском Союзе... Университет имени Патрис Лумумба... О-о, Москва-а...

Наташа, не ожидавшая подобной встречи столь далеко от дома, ошалело заморгала глазами, выслушивая разрозненные слова бывшего студента «Лумумбария». Всегда находчивая, сейчас она пребывала в растерянности.

— О-о, Москва! — неслось в сумеречную тишину Мальдивских островов. — О-о!..

Истеричные вопли ностальгирующего по былым годам араба прервала вышедшая на лоджию женщина. Черные глаза ее вспыхивали злыми огоньками. Она что-то крикнула гортанно, и горбоносый тотчас умолк, оборвав на высокой ноте крики. Его приятели с вздохом сожаления отвернулись от Наташи. Справившись с секундным замешательством, горбоносый вступил с женщиной в перебранку. Наташа благоразумно покинула лоджию. Последнее, что она успела заметить, это указующий перст в ее сторону разъяренной незнакомки. По выражению ее лица нетрудно было догадаться, какого она мнения о русской барышне. Наташа пожала плечами.

— Странная женщина.

В дверь кто-то не громко, но настойчиво постучался. Вошел Николь. В желтом полусвете с улицы лицо его казалось неживым, вылепленным из воска.

— Выспалась? — спросил он и деликатно отвернулся.

— Почти что, — Наташа потянула за рукав брошенный на стул халат, оделась. — Ужинать когда будем?

Николь зажег свет. Жмуря глаза после темноты, снисходительно улыбнулся:

— Ввиду того, что мы работали сегодня практически на износ... — он сделал театральную паузу, — я заказал ужин в гриль-баре. Кстати, это очень дорогое удовольствие.

— Ну и что, — беспечно сказала Наташа, — ты же не из своего кармана платишь.

— Не из своего, — охотно подтвердил Николь и после секундного колебания, очевидно, раздумывая, сказать или нет, неожиданно для Наташи мечтательно проговорил: — Эх, Натка, были бы у меня деньги, я бы свою фотостудию открыл.

Улыбаясь, Наташа развела руками.

— Увы, презренного металла нет. Но могу подсказать, где он есть.

— В этом вся и проблема, — Николь удрученно вздохнул и замолчал, прислушиваясь к голосам снаружи. — А это кто там?

— Соседи.

Николь быстрыми шагами подошел к двери на лоджию. Опасливо скосив глаза, присмотрелся к говорившим, а потом торопливо вернулся, сказал дрогнувшим голосом:

— Это арабы. Будь от них подальше. Типичные террористы.

— Колян, хватит страх нагонять, — Наташа фыркнула и отвернулась, боясь рассмеяться.

— Ты не смейся, — обиделся фотограф то ли на ее недоверие, то ли на то, как было опошлено его имя. — Поверь мне, я-то уж знаю.

Быть бы спору, но тут в номер, хохоча, ввалились отдохнувшие женщины, позади них дверной проем загораживал здоровенный Вован.

— Так мы идем ужинать или нет? — рявкнул он.

Оголодавший за день охранник был неимоверно зол. При его крупной комплекции задержка с питанием смерти подобна.

— Все в сборе? — встрепенулся Николь.

— Толяна нет, — презрительно сказал Вован по отношению к своему напарнику и, встретившись с вопросительным взглядом Николая, пояснил: — Просил принести хавку ему в номер.

— Ну что ж, — не стал спорить Николь, — принесем.

Он сделал шаг по направлению к двери, но, спохватившись, вдруг остановился, хлопнув ладонью себя по лбу.

— Да, чуть не забыл. Ната с Вольдемаром могут идти в гриль-бар, там столик заказан. А вы, девочки, на пару минут задержитесь. Разговор есть.

Выразившееся было протяжным стоном неудовольствие похерил в зародыше, пригрозив:

— Мне не хотелось, чтобы эта поездка за границу была у вас последней.

Обреченно переглянувшись, женщины послушно присели на кровать. По своему опыту они знали, что менее чем через полчаса любивший поразглагольствовать Колян их не отпустит.

10

Перед своим переулком Леха замедлил шаги, будто испугавшись чего-то. Он неуверенно сделал шаг вперед, второй, третий... Шагнул последний раз, и за углом ему открылся живописный вид старинного дворика. Леха с видимым удовольствием скользил повлажневшими глазами по привычной с детства обстановке: затра-

вевший двор с поленицей дров у покосившегося сарая, пара берез с дрожащей на легком ветру резными листьями, скамейка с вырезанными перочинным ножиком любовными пожеланиями друзей «Ленька + Наташка = любовь до гроба, дураки оба» и как веяние недавнего социалистического прошлого — машинное колесо, раскрашенное разной краской с простенькими цветочками посередине — анютиными глазками, способствующее, по разумению уличкома, приобщению жителей богом забытого полуразрушенного кирпичного дома к прекрасному. С этого места открывавшийся вид всегда напоминал Алексею известную картину Поленова «Московский дворик». Но подобная прелесть, волновавшая души не одного поколения, в столице давно уже поумирала, придавленная бетонными коробками многоэтажек, одинаковых, как песчаные холмы угрюмых пустынь. Ее остатки, осколки былого величия сердобольной России, сохранились лишь в провинции, в крошечных городишках с незамысловатыми названиями.

С минуту стоял Леха, храня душевное тепло, роднившее его с домашним очагом. Взгляд его полыхал нетерпеливым ожиданием. И оно Леху не обмануло. Он увидел Наташину мать. Она шла от колонки, держа перед собой зеленый обливной таз с выстиранным бельем. Не замечая Лехи, поставила таз на траву и, вытягиваясь на носочках, начала развешивать мокрое белье на просушку. Проволока, натянутая между березами, стала медленно провисать. Последней доведивая мужнину рубашку, она вполголоса запела; слова привычной с детских лет песни щемящей радостью наполнили его грудь — он дома. Все это время с его лица не сходила улыбка. Леха решил и негромко окликнул:

— Тетя Ира!

Соседка стремительно обернулась.

— А-лексе-ей! — протяжно сказала она и, прижимая руки к сердцу, пошла навстречу. — Алексе-ей.

На его щеках зарозовел румянец. Эта абсолютно чужая для Алексея женщина относилась к нему, как к родному.

— Неужели это ты?

— А то кто ж...

Наташина мать остановилась в замешательстве; перед ней стоял не прежний юнец с чуть пробивавшимся пушком над верхней губой, а взрослый, уже вполне сформировавшийся мужчина.

— Ну что ж, — сказала она, — так и будем стоять? Нагнись... хоть

в щечку тебя поцелую. Ишь вымахал какой... Ну прямо ни дать, ни взять... богатырь.

Алексей смущенно пригнулся.

— Ну вы тоже скажете, тетя Ир.

Соседка чмокнула его в щеку, засмеялась, шутейно приговаривая:

— Ленька, ты совсем женихом стал... Ай да жених... Я-то хоть на старости лет с молодым нацелуюсь.

Леха не преминул подхвалить свою будущую тещу:

— Ну что вы, тетя Ир... вы вон какая красивая... Я правду, правду говорю... И Наташа вся в вас.

Лицо женщины по-молодому зарделось, погрозила пальчиком:

— Ох, Ленька-а... и хитер ты стал.

— Тетя Ир, — оправдываясь, сказал он. — Разве я врал когда?

— Упаси Бог, — посерьезнела соседка. И тут же лицо ее опять невольно расплылось в улыбке. Припоминая давнее, всплеснула руками; оголенные по плечи, они словно две белые лебедушки взлетели в воздухе. — Леня, ты помнишь, как вы с Наташкой в первый класс пошли? Нет, наверное, не помнишь... Проводили мы с твоей матерью вас в школу. А оттуда... это уж вы сами добирались. Школа-то рядом, рукой подать. И вот вижу, вы возвращаетесь... Две такие крошечуточки! Моя Наташка-то идет так медленно... цветочек у личика держит, нюхает его... и тяжко так вздыхает... вздыхает... Наверное, она эту сценку-то из фильма какого-нибудь высмотрела... не знаю, врать не буду. А ты возле нее плетешься... два тяжелых портфеля несешь — ее и свой. От тяжести весь прогнулся, покраснел, как рак... Увидала я это... ой, мама родная! Я думала, ты надорвешься совсем. Сам-то крошечуточный, а портфели тебе чуть ли не до пояса. Прешь их из последних сил, а они о твои колени бум-бум. И смех, и грех. Я то увидала, кинулась помочь тебе... а ты так поглядел на меня серьезно и говоришь: мол, тетя Ир, я мужчина и Наташку вашу люблю очень... и вы, это самое, не мешайте, пожалуйста, мне за ней ухаживать. Я так и села... Надо же было до таких слов додуматься... А, оказывается, оно так и вышло... по-твоему... Поди скоро зятем будешь... а, Ленька?

От столь откровенного признания Алексей засмутился, сказал глухо, будто оправдываясь:

— Да я что... Вначале работу надо найти.

— Работу? — засмеялась будущая теща. — Вон с тестем на пару

и будете машины ремонтировать.

Она кивнула куда-то за спину. Леха повернулся. От гаража упруго шел высокий, слегка сутулый мужчина. Он на ходу вытирал ветошью руки. Отец Наташи в свободное от работы время занимался ремонтом автомашин. Его старенькому «Москвичу» было не менее тридцати лет, а он бегал все так же шустро, как и в первые годы. К Наташиному отцу за помощью в ремонте обращались все окрестные автолюбители. Он никому не отказывал. Любил он это дело с малолетства. Да и какой-никакой приработок.

Мужчина улыбался еще издали, выказывая неровный навес изжелто-мутных прокуренных зубов. Он подошел, протягивая Алексею черную провявшую мазутом руку, сказал с хрипотцой:

— Ну, здравствуй, солдат... С дембелем тебя.

Его рукопожатие было на удивление крепким. Редко кто сейчас так здороваётся. В этом худощавом жилистом на вид человеке чувствовался внутренний стержень, какая-то жизненная сила, и не напускная, как у современного большинства, а настоящая, которую никакой показухой не проявить.

— Здравствуй, дядь Жень...

Напрягая кисть, Алексей выдержал рукопожатие; это стоило ему немалых усилий. Даже взрослые здоровые мужики частенько отказывались подавать Наташиному отцу руку.

— Жень, ты не обижайся, — объясняли они свой поступок, — у тебя захват, как в металлических тисках. А у меня она пока не лишняя. Так-то.

Он только посмеивался.

Вот оттого-то и сейчас он окинул Леху приценивающим взглядом, с живостью предложил:

— А что, Алексей, слабо на руках побороться?

Честно говоря, Лехе было не до борьбы; он все хотел спросить о Наташке, но подходящий момент никак ему выбрать не удавалось. И сейчас он нужный момент упустил, надо было отвечать:

— А вот и не слабо, дядь Жень.

Привычный к отказу со стороны других мужчин, сосед не ожидал от дембеля подобной храбрости.

— Ну что ж, пошли.

Он упруго двинулся к столу. Леха следом, оставив на траве сумку. За ними Наташина мать, ворча вполголоса:

— Жень, ты все как дитя. Совсем сдурел тут один от своих машин.

Но говорила она это неуверенно, скорее всего для вида; чувствовалось, что ей самой интересно поглядеть на соревнование. Все-таки Леха не чужой им человек, а как-никак будущий зять. Дочери жить с ним, и каков он в деле — очень даже любопытно.

Мужчины сели за доминошный стол; крепко сплелись кисти рук, локти плотно прижаты.

— Ну что ж, — сказал сосед и отрывисто скомандовал: — Начали!

С первых же секунд напряжение обезобразило их дрожащие лица: Леха, закусив нижнюю губу, пучил от усилия глаза, густая краснина выступила на потном лбу, затем стекла вниз и через какое-то время плотно накрыла все лицо. Сосед жутко щерил широкие и редкие желтоватые зубы, на загорелой до бурого цвета шее вздулись исчерна — синие жилы.

Азарт поединка передался и женщине. Прикрывая ладонями рот, она страшными глазами глядела на соперников. Никто не уступал. Торчмя стоявшие руки периодически клонились то в одну, то в другую сторону. Зернистый пот градом катился по их лицам.

Неожиданно сквозь гудящий звон в ушах Леха услышал возле себя мальчишеский голосок:

— О-о, Леша вернулся... Привет, Леш... А чего это вы тут делаете?

Леха медленно скосил налившиеся кровью глаза в сторону. Возле них стоял вихрастый парнишка. В левой руке он держал ивовую хворостину, провздетую сквозь жабры золотистого карася, в правой — ореховое удилище. Переступая босыми, густо усеянными цыпками ногами, во все глаза смотрел на борющихся.

— Не мешай, Василек, — сквозь зубы трудно выдавил из себя отец и опять внимание переключил на свою руку. Перед его глазами рябили мелкие светящиеся мушки.

По веснушчатому лицу Василька теньями пробегали муки раздумий — за кого болеть. Так и не определившись, он застыл, не мигая.

Чувствуя, что начинает сдавать, Леха вспомнил наставления старого мастера-китайца: не может быть контроля, если разум отсутствует. Ты должен быть единым с самим собой и с тем, что ты делаешь в этот миг. Леха сконцентрировался и, не растрати-

вая энергию попусту, всю ее вложил в руку. Сосед, не ожидавший от уставшего соперника столь сокрушительного напора, слегка дрогнул, что и привело его к поражению. Тыльная сторона кисти руки глухо ударилась о стол. Потрясая занемевшей рукой, он искренне похвалил Леху:

— Крепок ты, парень, оказался. Я, честно говоря, от тебя такого не ожидал.

— Вот что армия делает с людьми, — поддакнула жена. — Надо же! Леха, дрожа от пережитого волнения, свеликодушничал:

— Дядь Жень, вы просто устали за целый день непрерывной работы... А иначе я бы вас не поборо.

Василек восторженными глазами глядел на Леху:

— Ух ты!

Мать чувствительно повела носом:

— Никак опять курил, паршивец.

И, не размахиваясь, с досадой хлопнула его ладонью по затылку.

— Ты что дерешься? — обиделся Василек.

— Поговори у меня, — пригрозила мать. — Курильщик какой нашелся. Враз губы оторву.

Лавка, державшаяся на одном гвозде, под отцом подозрительно скрипнула, и парнишка тотчас же насторожился. По своему недолгому опыту он знал, что с отцом шутки плохи.

— Ну-ка, поди сюда.

Отец поманил его пальцем.

Карауля каждое его движение, Василек медленно попятился к голубятне. Она не раз спасала его от расправы: будь то неповиновение родителям или, как сейчас, баловство сигаретами.

— Я больше не буду, — уже на бегу крикнул Василек, сверкая темными непромытыми пятками и ловко взобрался на голубятню.

Отец, проследив за ним глазами, улыбаясь, заметил:

— Во парень растет. Нигде не пропадет.

Мать только вздохнула горестно.

Неожиданно наступившую тишину прорезал сдавленный вскрик. Все повернулись в его сторону: Лехина мать обнимала березу, пытаясь удержаться на подгибавшихся ногах. Ее пепельные губы шептали несвязно:

— Сынок... Лешенька... Сыночек... Вернулся, родимый...

Глаза Лехи залучились сияющей трепетной теплотой:

— Мама!

Он кинулся к матери.

— Мама!

Осиливая слабость, она откачнулась от березы и сделала неуверенный шаг навстречу. Обнимая сына, повисла на его плечах, уткнувшись заплаканным лицом в полосатую грудь. Боясь расплакаться, Леха страшно кривил лицо, до крови закусывал губы.

Соседка, вздыхая, смотрела от стола, уголком фартука вытирала глаза, сморкалась звучно:

— Дождала-ась Лида своего сыночка... Дождала-ась...

Дядя Женя выразительно крикнул и, отворачиваясь, пошел к своему гаражу.

Сквозь щель между разохшимися досками голубятни виднелись иссиня -светлые, словно небушко, озорные глаза Василька.

Лехина мать смеялась и плакала, не сводя с сына восхищенных глаз; гладила ладонью похудевшее, обросшее за долгую дорогу родное лицо.

11

За суетой и нервозностью, учиненной бандитами, время для Галины как-то незаметно перевалило за полдень. Девушки, приехавшие из провинции на кастинг, с самого утра томились неизвестностью. Торопясь, они прямо с дороги, уставшие, но окрыленные надеждой на успех, шумной стайкой ввалились в офис. Наивные слепцы и сопливые девчонки, они еще не знали, что жизнь балует не всех. Путь к успеху тернист и долог. И если про тернии пока говорить рано, невнимание к себе они уже испытали; забытые всеми девушки взволнованно бродили по студии. Не стесняясь любопытных глаз, обнаженные вертелись перед огромными зеркалами, оценивая свои возможности, при этом ревниво следили за бывшими подругами. На месте они как-то враз поняли, что все они здесь соперницы. Кому-то повезет остаться в Москве в престижном фотоагентстве, кому-то, плача, вернуться домой. И ни одна из девушек не задумалась — неизвестно, что лучше...

Высокая девица с длинными суховатыми ногами, словно породистый рысак, несколько раз переступила на месте, боком по-

вернулась к зеркалу, оглядывая крошечные полушария ягодиц. Обнаружила прыщик и, неловко избоченив шейку, пальчиками пыталась его выдавить.

Над ней засмеялись. Кто-то из угла с наглинкой крикнул, желая обидеть расчетливым словом:

— Динка боится, что за прыщом не будет видно задницы.

Обидчицу дружно поддержали, наперебой стали зло высмеивать.

— Динка, не трожь его... задница заметней будет...

— Да вы что, девки, думаете, что говорите? Тогда зад перевесит...

— Ага, будет, как у макаки... красный светофор...

Зависть застилает разум конкурсанток, бывших прежде подругами; высокая и гибкая Диана — первая из группы претендентка в белый список престижного фотоагентства. Разве с этим смиришься?

У дальней стены назревает потасовка. Там никак не могут поделить купальник. Вышло недоразумение. Двое из дома прихватили одинаковые по цвету купальники. Щеголять на подиуме в похожих одеждах им не хочется. Каждой мнится, что этот фасон ей к лицу.

— Танюх, — уговаривает одна, — ну не подходит он тебе. Ты хоть это понимаешь?

— Подходит, — не соглашается с ней другая и, в свою очередь, не остается в долгу, говорит, нервно покусывая тонкие губы: — Это ты в нем будешь, как корова в седле.

Уступить никто не хочет. Наконец одна из спорщиц, понимая всю тщетность уговоров, переходит к более действенным мерам; швыряет в лицо соперницы предмет спора и с двух рук, свободными пальцами, крепко вцепляется в ее уложенные волосы.

— Глаза выцарапаю, коза...

Девушка визжит от боли, пятясь задом, бестолково машет руками в надежде залепить пощечину.

— Проститутка...

— От проститутки слышу.

На обезображенных яростью лицах испепеляющей ненавистью горят глаза. Драчуньи разошлись не на шутку. Немилосердно тягают друг друга за волосы; слышно, как лязгают зубы от болтающихся безвольно голов. Вокруг собираются возбужденные про-

исходящим девушки. Всякой ведь интересно, что из этого выйдет. Случайный синяк или царапина красоты не прибавят. Глядишь, претенденток в фотомодели на пару человек и поубавится. Их начинают исподтишка подзадоривать советами в предвкушении последствий. Гвалт стоит невообразимый. Но порадоваться столпившимся девчонкам не пришлось. На шум прибежала рыжая здоровенная женщина лет тридцати пяти — руководитель группы. Ахнув от увиденного, она наседкой налетела на драчунов.

— Сейчас же прекратите разборки. Что удумали, сучки, — разнимая, ругалась она.

Девушки с неохотой расцепились; у обеих промеж занемевших пальцев набились волосы. Разошлись по разные стороны, но еще долго не успокаивались, обзывались, бросаясь обидными прозвищами через всю комнату.

...После обеда Галина спохватилась и с чувством досады на отнявших время бандитов торопливо прошла в студию. Ее вихляющая походка выглядела, как на подиуме. Девчонки, разинув рты, расступились. Вслед — шепот восхищенного умиления.

— ... знаменитая в прошлом фотомодель...

— Кла-а-а-асс-с...

Галина остановилась посреди зала и, не поворачивая головы, звонко щелкнула в воздухе пальцами.

— Стул.

Опережая помощницу, первой успела подать стул рыжая руководительница, согнав с него кого-то из своих.

— Пожалуйста, Галина Николаевна.

Присаживаясь, Галина скользнула взглядом по окружившим ее вмиг девушкам. Не моргая, на нее глядели десятки пар разноцветных глаз. На сосредоточенных лицах муки раздумий — ну как не внесут их в список избранных? Замерли, не дыша, в выжидании.

— Ну что ж, — не стала тянуть время Галина, — посмотрим, на что вы способны.

Оживление, словно легкое дуновение ветерка, заметно колыхнуло полуобнаженные ряды конкурсанток — наконец-то им выпал шанс произвести впечатление на знаменитую в недавнем фотомодель России и получить у нее работу. Невольно улыбаясь, девушки разбрелись по салону готовиться к кастингу.

Больше всех суежилась наставница приезжих; казалось, ее огненно-рыжая грива полыхает сразу в нескольких местах зала. Бурно жестикулируя, она давала последние наставления вдруг оробевшим моделям. На униженных по-цыгански запястьях, вызванивая, дрожали серебряные кольца. В волнении дергая головой, долго говорила:

— Сейчас вы модели, а не личности. Ведите себя так, словно за вами наблюдают сотни недоброжелательных глаз. Полнейшая собранность, уверенность, спокойствие. Ваша задача — поддерживать мнение окружающих о вашей работе, как о сплошном празднике.

И показ начался. На скромном по размеру пятачке нужно было создать иллюзию подиума. Перед сидевшей на стуле Галиной места для движения практически не оставалось. Первая вышедшая девушка растерянно завертела головой, неуверенно прошлась взад-вперед, сбилась с такта и, вконец скомкав выступление, под неодобрительный гул конкурсанток убежала с импровизированного подиума. Были и такие, которых привезли сюда за деньги или по знакомству. На них Галина смотрела со скучающим видом, только не зевала. А две последние оказались слишком нахальные. Они так старательно вертели задом и сучили ногами, что Галина не выдержала, с досадой посетовала:

— Походка отвратная. Какая-то блядская. Так ходят только на панели по Тверской, снимая клиента. Раз и навсегда вы должны запомнить, что теперь вы не можете вести себя как обычные симпатичные девушки. Вас нельзя ущипнуть, похлопать по заднице, схватить за плечо. Ну а это что?..

Сконфуженные девчонки со стыда затерялись позади подруг. Пряча глаза, невнятно оправдывались.

Как и ожидалось, Галине приглянулась высокая Дианка. В этой костлявой хрупкой на вид девушке с заметно выпирающим под тесным купальником треугольником лобка присутствовало что-то не присущее другим. Некий шарм, еще никем не раскрытый до конца.

«Из этой толк будет, — подумала Галина, приглядываясь к ее изящной, словно у лани, походке. — Конечно, с Наташей она ни в какое сравнение не идет, но... чем черт не шутит.

Вспомнив про ведущую фотомоделю, Галина потеряла интерес к происходящему. Тревожно подумала: «Как она теперь на Маль-

дивах?» Галина поднялась со стула, жестом пригласила к себе помощницу. Пока та пробиралась среди разочарованных в своих ожиданиях конкурсанток, сказала, обращаясь к рыжей и указывая холеным пальцем на Диану.

— Эту мы оставляем... А остальные... — и рукой махнула. — С ними надо очень долго и серьезно работать.

— А мы что делаем? — обиделась рыжая.

— А вы ничего не делаете, — сказала, как отрубил, Галина и, давая понять, что разговор закончен, спросила у подошедшей помощницы: — Как наша звездочка на жемчужных островах?

— Николь звонил, — ответила та, прижимая к груди пухлую папку с анкетами конкурсанток. — У них там все тип-топ. Завтра вылетают в Москву.

— Отлично, — коротко сказала Галина, обрадованно блеснув глазами.

Контракт, оговоренный неделю назад с четой известных артистов эстрады, с приездом Наташи наяву трансформировался в крупную сумму в долларах.

12

Возле самой воды прилепился гриль-бар. Вместо привычных стен — искусно сработанный плетень из лиан. Почерневшая от дождей и времени крыша выложена пальмовыми листьями. В стеклянной витрине на сверкающем морозной синью льду выставлены свежие дары моря; глаза разбегаются от всевозможных яств: морские звезды, крабы, омары — чего тут только нет. Одно из самых дорогих заведений острова — в россыпи разноцветных огней. На всем лежит печать богатства и роскоши.

Натка и Вован вошли внутрь. Брызги с океана долетали и сюда. В радужном переливе света люди казались нереальными, похожими на сказочных персонажей. Сквозь решетчатые просветы плетня видно, как на берегу туристы из рук кормят диковинных рыб.

Молчавший всю дорогу Вован вдруг ни с того ни с сего брякнул:

— Вот бы кипяtilьник в воду сунуть.

Наташа, до этого не сводившая зачарованного взгляда с при-

чудливо меняющихся бликов, непонимающе посмотрела на своего охранника.

— Зачем?

— Уха будет, — пояснил он.

При этом лицо его оставалось таким же хмурым и неприветливым. Наташа так и не поняла, шутит он или нет.

— Ты только и думаешь о еде, — попрекнула она.

— А что в этом плохого? — не понял Вован.

Взглянув внимательно в его лицо, Наташа поняла, что дальше вести этот разговор бессмысленно.

— Дурак, — беззлобно сказала она.

В ярко-цветастой рубашке подошел официант. Его темное лицо лоснилось испариной. Он улыбнулся, обнажив между синими, как у утопленника, губами белые неровные зубы.

Вован прислушался к незнакомой речи и тупо уставился в его лицо.

— Что он базарит-то? — спросил у Наташи.

Под пристальным взглядом здорового парня официант почувствовал себя неуютно. Он нервно переступал ногами, будто ему очень хотелось в туалет.

— Он спрашивает, что мы будем заказывать, — с трудом перевела Наташа с английского языка, которым на островах владеют без исключения все халдеи. — А пока будут нам готовить, предлагает бесплатный коктейль.

Суровый Вован подобрел лицом прямо на глазах. Дорогое угощение на халяву явно пришлось ему по душе. Экзотический коктейль стоил здесь не менее семи баксов.

— Это по-нашему, — сказал он. — И пусть не забудет звезду на гриле приготовить.

Выслушав перевод, официант поощряюще улыбнулся, давая понять, что оценил изысканный вкус громилы. Когда он ушел, Наташа удивленно поинтересовалась:

— Ты ее вообще-то когда-нибудь кушал?

— Ага, — сказал Вован, — во сне.

Коктейль Наташе не понравился, это было нечто среднее между яблоком-кислицей и киселем. Зато Вован остался вполне доволен; он прямо через край выпил свой и попросил у Наташи, видя, с каким отвращением она тянет через соломинку мутную жидкость.

Между столами отплясывал в одиночку высокий пожилой не-

мец. Его пышные седые усы свисали книзу, как у Тараса Бульбы. Длинные, но жидковатые волосы на затылке были скручены обыкновенной резинкой от бигуди.

Вован как ни силился, но так и не смог разобрать на его жилетке заковыристую надпись. Он с сожалением сглотнул остатки пахнущего «Шипром» коктейля и впервые за время пребывания на острове почувствовал себя приобщенным к иному миру, миру богатых и пресыщенных жизнью людей.

— Хорошо сидим, — сказал Вован безмятежным тоном.

Но тут случилось что-то непонятное: мирно сидевшие до этого туристы вдруг разом повскакали с мест и шумной толпой повалили наружу.

Удивленный Вован спросил, не поворачивая головы:

— Куда это они?

— Акула к берегу подплыла, кормить пошли.

— Серьезно? — не поверил он.

— Серьезней не бывает.

Вован, сам хищник по натуре, не мог пропустить такого удовольствия, как поглазеть на живую акулу. Он несколько секунд томился, выдерживая характер, но так и не смог перебороть любопытства.

— Это самое, — сказал он, отводя глаза в сторону, — я пойду, взгляну на эту зверюгу.

— Конечно, иди, — посоветовала Наташа. — Когда еще придется такое увидеть.

— А ты?

— Что я?

— Здесь будешь сидеть?

— О Боже, — простонала Наташа.

Неотступно следовавший за ней всюду личный охранник начинал ее раздражать.

— Кому я нужна?

Поколебавшись секунду, Вован черной здоровенной тенью скакнул в дверь. Вернулся минут через пять. Наташи за столом не было. Он без куса поковырялся в темной массе на тарелке, которую в его отсутствие принес официант. Наташа не приходила. Вован заметно встревожился, даже тарелку отставил, несмотря на сосущую боль под ложечкой. Его внимание привлекло крошечное пятнышко на белой скомканной на краю стола скатерти.

То, что он вначале принял за каплю от соуса, на поверку оказалось кровью. Оброненная вилка на полу и вкось приставленный стул — все указывало на следы недавней борьбы. Вован с трудом проглотил слюну, ставшую вдруг горькой-прегорькой. Надо было что-то делать. Он в бессильном отчаянии метнулся к женскому туалету, рывком распахнул дверь. Тощая англичанка, задирая подол юбки, примачивалась на унитаз. Увидев перед собой рослого детину, дико заверещала:

— Shut the door! (Закрой дверь, дурак!)

Вован, ошалеv от костлявого и шерстистого низа иностранки, отпрянул, хлобыстнув в сердцах дверь. Цепляясь, словно утопающий за соломинку, стал лихорадочно пробираться между столами к выходу, лелея в груди надежду, что Наташа все-таки в номере.

Ему наперерез бежал напуганный официант, скаля неровные зубы, бесконечно повторял:

— Сэр, мани... Сэр, мани...

— Да пошел ты.

Вован сходу пихнул его в тщедушную грудь. Халдей легко, словно тряпичная кукла, взлетел в воздух и упал на столик, сметая все на своем пути.

Минуту спустя Вован тяжело бежал по освещенной дорожке между экзотическими цветами. Под подошвами шуршал гравий. Охранник кидал по сторонам беглый встревоженный взгляд. На повороте, там, где начиналась голубая чаша бассейна, он едва не столкнулся с мирно шагавшими навстречу коллегами. Не давая им опомниться, дико заорал:

— Наташка пропала!

— Как пропала? — глухо спросил Николь да так и остался стоять с разинутым ртом.

— Как пропадают...

Озлобленного Вована охватила безудержная дрожь.

— Так и пропала...

Крепившиеся до этого подруги-лесбиянки вдруг завыли в голос, будто по покойнице.

— На-та-ашенька-а-а!..

В теплом неподвижном воздухе протяжное, изматывающее душу причитание было невыносимо. Таинственное исчезновение ведущей фотомодели поразило всех. Никто из них не заметил мрачно черневший в темноте силуэт. Кто-то пристально смотрел

на москвичей, невольно поддавшихся беспомощной растерянности. Взгляд человека был холоден и многообещающ.

13

На рассвете стал накрапывать мелкий дождь. Леха проснулся под его тихий убаюкивающий шорох. На чердаке остро, до головокруженияпряно пахло волглым сеном. Мечта, которую бессонными ночами лелеял он, вспоминая там, в армии, неповторимый аромат скошенного сена, осуществилась. Солдатская жесткая постель, остро провявшая мужским потом, осталась в прошлом.

Алексею нравилось ночевать на сеновале, где хранилось сено для козы Варьки. Бабка Федулиха, сама едва таскавшая от возраста ноги, с постоянным упорством заготавливала сено для своей любимицы. Бодливая и непоседливая Варька скрашивала ее одинокую старость. А месяц назад козу неизвестные увели со двора и съели. В зарослях крапивы у реки мальчишки случайно наткнулись на ее останки: в шкуру, густо облепленную репьями, были завернуты все четыре копытца и круторогая бородатая голова с выпученными от изумления глазами. Вначале расстроенная старуха грешила на бомжей. Но после того, как прошел слухок, что у реки стоял табор, — на цыган. С тех пор Федулиха, наученная горьким опытом, и зареклась до самой смерти иметь любую живность. А сено осталось.

Алексей втянул ноздрями удушливый запах сена. Пальцы нащупали ломкий комочек; он поднес к глазам ромашку. Три белых сморщенных лепестка чудом держались в сердцевине. Алексей, гадая, машинально оторвал один. Желтая цветочная пыльца посыпалась на лицо. Он оторвал последние и засмеялся: выходило, что любит.

Рядом чуть слышно посапывал Василек, накануне пожелавший также ночевать на сеновале. Он блаженно улыбался во сне, по-детски трогательно причмокивая губами.

Прикусывая травяную былку, пригибаясь, чтобы головой не удариться о ветхое перекрытие, Леха прошел к лазу; мягко скрипнула в петлях дверца. Густая синяя туча с серыми кучерявившимися окраинцами медленно наплывала с востока. Преломляясь в ее клочковато

разорванных оконцах, блеснул солнечный луч. Золотые церковные купола, увенчанные невесомой вязью металлических крестов, внезапно озарились каким-то неземным светом. Настолько это зрелище было необычно в своей первозданной красоте, что Леха, залюбовавшись, помимо воли благоговейно перекрестился. Проснувшийся Василек, не поднимаясь на ноги, на четвереньках подполз к старшему товарищу. Он сел рядом, охватив острые колени руками и уткнувшись в них облупленным шелушившимся лицом, круглым и конопатым, словно куропаچه лицо. Они какое-то время молча глядели на россыпь сеяного через сито дождя.

— Леша, — шепотом позвал Василек, замороженный увиденным, — хорошо все-таки у нас здесь. Правда?

Также шепотом, боясь порушить необычное видение, Леха ответил:

— Правда.

В сыром воздухе, напитанном влагой животворящего дождя, раскатисто громыхнул гром. Его отголоски осколками рассыпались далеко за рекой.

Сидели долго. Туча успела свалиться вслед за громом за реку, за еле видимую у горизонта фиолетовую в мареве кромку леса. Омытое дождем солнце радостно засияло, как на Пасху, выплескивая сгустки света, щедро дарило тепло; солнечные зайчики бездумно скакали вокруг, игриво заглядывая в глаза.

Леха приобнял Василька за плечи:

— Ну что, брат, иди, досыпай.

— А ты?

— А я в военкомат.

— Зачем, Леш?

Леха ответил не сразу; он задумчиво с каким-то отсутствующим видом поглядел вдаль, туда, где, рассасываясь, таяли грозовые облака. Смутно он догадывался о цели своего вызова, но заранее посвящать в это Василька не захотел.

— Не знаю, — полуискренне, полупритворно сказал он и, чтобы прекратить дальнейшие расспросы, прямо с места сиганул в мокрую траву.

Василек по лестнице ловко спустился следом, преданно загляды-

вая ему в глаза, сказал, как о чем-то уже решенном:

— Я с тобой.

— Ну пойдем. Только я вначале переоденусь...

Василек противиться не стал.

— Валяй! — разрешил он.

Через десяток минут по протоптанной тропинке они деловито зашагали со двора. Попадавшийся на их пути лопушистый подорожник сочно хрупал под ногами. Доверчиво жавшийся к Лехе Василек почти не дышал, боясь уронить со своего плеча его руку. Время от времени он на нее косился, как бы проверяя, на месте ли находится широкая теплая ладонь друга. Но в здание военкомата не пошел, остался ждать снаружи.

— Мне еще служить рановато, — резонно заметил он на недоуменный взгляд Лехи.

Прошло довольно много времени, Леха задерживался. Василек бродил вокруг здания; от нечего делать заглядывал в его окна, скучал, пиная носком поношенных кроссовок попадавшие на его глаза мелкие камешки.

А в это время Леха в окружении военных стоял в зале заседаний, который ранее именовался красным уголком. Комиссар, крепкий осадистый подполковник с усталыми глазами, с чувством жал ему руку; дергая головой и морщась, говорил ничего не значащие слова о любви к своей Родине, к своему народу, к президенту. Выполнив формальную процедуру перед награждением, он подрагивающими пальцами прикрепил ему на рубаху медаль «За мужество».

Леха, глядя перед собой, четко по-военному сказал:

— Служу Российской Федерации!

Комиссар кивнул головой, соглашаясь. Испытующе глядя в его лицо, спросил:

— Алексей, как говорится, не для протокола. Ты служил, можно сказать, вчера. В двух словах можешь сказать свое мнение о нашей армии?

Лехе не потребовалось и двух слов. Не лукавя и не кривя душой, он признался:

— Бардак!

Эмоциональный порыв, с каким было сказано обличительное слово, задел подполковника за живое. Горечь обиды за дело, которому он отдал лучшие годы своей жизни, понудило его на откровение. Рвущимся от волнения голосом он заговорил:

— Откуда же ему не быть, бардаку, если у армии средств на существование нет? А нувориши к нефти присосались, как клопы к венам... Сосут и сосут... никак насосаться не могут. И придавить их некому, слаб оказался президент... И с Америкой много миндальничаем... — его голос перешел на исполненный страшного напряжения тенор. — Под заср... хвост ее целуем... а она только и боится, что силу. Политика, политика, а, по-моему, это просто лизоблюдство, страх потерять власть. Народ, он что? Не дурак... Понимает. Вот они и опираются на Америку. Э-эх!

Политика российского руководства в отношении армии, видно, достала и этого выдавшего виды бывшего офицера, награжденного несколькими орденами за афганскую войну. Его темные узловатые пальцы, не находя себе места, бесцельно бегали по блестящим пуговицам кителя. Толпившиеся вокруг офицеры молчаливо кивали, соглашаясь с мнением командира. Командир, подчинявший своей воле других людей, самого себя подчинить никак не мог. Наболело, видно, у человека на душе. Он говорил еще минут пять. И наконец, выдохшись, поник, словно из него вынули скелет, устало махнул рукой, отпуская Леху:

— Ладно... чего уж там... Наговорились, ступай!

Леха облегченно вздохнул. Но тут поздравлять его стали офицеры. Не каждый день в заштатном пыльном городишке награждают военных. Они крепко по-мужски жали руки, напутствовали, кто шуточно, кто всерьез:

— Держись, парень!

— Не перевелись на Руси еще богатыри!

— Так держать, десантура!

— Устраивайся к нам в военкомат!

— На свадьбу не забудь пригласить!

За порог Леха вышел с чувством легкой усталости во всем теле.

Заждавшийся его Василек бросился навстречу.

— Леш, я думал, тебя опять в армию забрали, — с видимым неудовольствием сказал он и поперхнулся, разглядев у него на груди серебристую медаль. — Ничего се-бе!

Леха по-дружески хлопнул его по затылку:

— Идем же, чего рот разинул.

Далее Василек двигался короткими перебежками. Он то и дело забегал вперед и во все глаза рассматривал медаль. Встречные люди останавливались, провожали их глазами.

Леха досадливо поморщился:

— Ты можешь нормально идти?

Василек словно проглотил язык, мотнул отрицательно головой. Его голос прорезался шагов через сто, когда Леха, оглянувшись — не видит ли его кто из окон военкомата, с торопливой решимостью отстегнул медаль, спрятал ее в карман.

— Леш, ты чего, сдурел, что ли?

— С тобой сдуреешь, — весело ответил Леха. — Айда в парк!

Дурачась, как маленькие, толкаясь и безобидно подшучивая друг над другом, они повернули в сторону парка. Округло обрезанные кроны лип стояли вдоль улицы, словно игрушечные. В мелких лужах, не успевших еще просохнуть после дождя, серебристо отражалось солнце. Василек, до конца так и не смирившийся с исчезновением медали, время от времени вспоминал про нее, с сожалением поглядывая на Лехину грудь, вздыхал:

— Лебеди еще живут в парке? — спросил Леха.

— Не-а... Их еще по осени бомжи съели.

— Вот сволочи!

— Только домик их остался на воде. Сам увидишь.

Но судьба-злодейка распорядилась по-своему. Видно, не суждено им было в этот раз попасть в парк. Василек первый заметил за стеклом киоска «Роспечати» московскую газету с фотографией Наташи. Он резко остановился посреди дороги, будто наткнулся на что-то невидимое.

— Леш, глянь, Натаха наша.

— Где?

— Да вот же, вот, — Василек насутился и изо всех сил, очень силь-

но потянул его за рукав к киоску. — Во, видал?

— На-га-ша! — Лехино лицо распахала дурацкая улыбка, как у дурочка, нашедшего на дороге блестящую железку. — Наташа-а! — повторял он, не сводя с нее зачарованного взгляда.

— Деньги есть? — поинтересовался деловито Василек, напрасно шаря в своих карманах.

Леха не шевелился, стоял словно окаменевший. Василек бросил на него удивленный взгляд, глубоко вздохнул, с детской непосредственностью рассудил:

— Эх, что любовь с людьми делает. С утра был пацан как пацан... Даже медаль успел получить. А теперь?..

От чувствительного тычка в бок Леха будто очнулся, спохватился растерянно:

— А... что?.. Деньги? Конечно, есть.

Он протянул ему мятую десятку. Василек по-хозяйски расправил ее на ладони, сунул в окошко:

— Газету мне... вон ту... с сестрой.

Киоскерша изнутри пристыла к окошку, разглядывая новоиспеченного братца. Наташу в городе знали многие. Не исключено, что женщина успела прочесть статью. Ее припухлые глаза таили невысказанное сочувствие...

Леха ревностно отобрал газету. Они сели в тени лип. Василек забрался на спинку скамейки, сверху заглядывая через его плечо, торопил:

— Леш, читай скорей! Ну, Леш...

По мере прочтения до этого счастливо улыбающееся лицо Лехи прямо на глазах серело, приобретая землистый неживой цвет.

— Леш, ты чего? — испугался Василек, со страхом глядя на него. — Что-нибудь случилось?

— Случилось, — не сразу, упавшим голосом обронил Леха. — Наташка пропала.

Василек не поверил, недоверчиво переспросил, стараясь сверху заглянуть ему в глаза:

— Шутишь, да?

Но по тому, что далее стало происходить с Лехой, всякие сомнения

в один миг рассеялись напрочь. Вы когда-нибудь видели, как плачут настоящие мужчины? И не дай вам Бог это увидеть. Осиливая распирающий горло звериный рык, он страшно кривил мертвенно потемневшее лицо; его в кровь прокусанные изнутри губы расплзались в нелепую улыбку, руки, бесцельно шарившие по груди, не находили себе места. Влагодй мутной напитались безумные глаза. Вдруг он сдавленно захрипел и, будто чего-то испугавшись, обрывая пуговицы, торопливо распахнул ворот душившей его рубахи.

Глядя на него, заплакал и Василек; он по-щенячьи скулил не переставая, несвязно уговаривал, дрожа щупленьким тельцем:

— Не надо... Леш... не надо... ну не надо же...

Тут его маленькое сердечко не выдержало; Василек кубарем скатился со скамейки и, размазывая по лицу слезы, стремительно помчался к дому.

Леха сделал слабую попытку его остановить. Он одним дыхом дыхнул:

— Стой!

Но Василька уже и след простыл. Леха через силу поднялся; ноги подгибались, отказываясь его слушаться. Покачиваясь, словно пьяный, он неуверенно двинулся следом. Легкий ветерок свежил потное лицо. Развернутая газета трепыхалась в его руке.

На подходе к своему дому он еще издали увидел дружно высыпавших во двор жильцов. Недобрая весть, которую доставил запыхавшийся Василек, переполошила не только своих домашних. Сроднившиеся за долгие годы совместного проживания, соседи охотно откликнулись на чужую беду. Пахнувший в Лехину сторону ветер донес до него возбужденные голоса. Завидев Леху, люди тотчас умолкли; стояли молчаливой угрюмой стеной, с каким-то внутренним несвойственным им ранее страхом ждали, когда он подойдет. По мере его приближения напряжение толпы нарастало. Казалось, кинь зажженную спичку — и вспыхнет неподконтрольный разуму пожар необдуманных человеческих действий, жестов. Так оно и произошло. Первой, как и должно быть, не выдержала Наташина мать. Она качнулась, как таловая тростинка на ветру; клонясь назад, словно шла против сильного бурового ветра, нерешительно ступая, с выжидательно просящим вы-

ражением на мертвенно-бледном лице, двинулась навстречу, прикрывая распятый в немом ужасе рот ладонью.

«Лишь бы в голос не запричитала, — почему-то беспокоила Леху дурацкая мысль. — Только бы не в голос».

Она остановилась в двух шагах от него. Крылья ее тонкого носа заметно вздрагивали, мелкой дрожью тряслась голова. В провалах потемневших глазниц глаза горели сухим блеском. Непослушным ее воле ртом спросила невнятно, будто парализованная:

— Леш, что произошло?

Его кадык дрогнул, с трудом передвинувшись вверх-вниз по шейному столбу. Сказал о том, что ему удалось узнать самому из газеты.

— Она была на съемках, тетя Ир... Вы только не волнуйтесь... И она... она пропала... Но это все, может быть, и неправда... Газетам верить сейчас нельзя...

Обнадеженная его последним доводом, Наташина мать спросила, теща себя:

— Правда, Леш?

— Ну да, тетя Ир.

Леха чувствовал, как к его лицу постепенно возвращается краска. Стыд за обдуманную ложь румянил щеки, острые плиты скул. Он уже остановиться не мог; ему казалось, что перестань он говорить, и Наташина мать поверит в смерть своей дочери. Плел какую-то несурязицу:

— Так часто бывает, тетя Ир. Люди как бы пропадают, а потом оказываются и находятся. Ничего страшного. Все будет хорошо.

— Дай-то Бог, Леша.

Ее начала сотрясать крупная дрожь; тело ходило прямо ходуном. Она зябко поежилась, плотно прижимая к себе согнутые в локтях руки.

— Успокойтесь, тетя Ир.

Подшел Наташин отец, молча взял из Лехиных рук газету. Щуря глаза на серый хрусткий лист, прочел, жадно охватив всю статью разом. Его широкие, натруженные многолетней работой, темные от постоянного соприкосновения с маслом ладони, разглаживая, беспричинно заскользили по шуршащей поверхности газеты. Бугристые желваки скульных мышц упруго катались под кожей. Затем руки

обессиленно опустились вдоль туловища, выронив из ослабевших пальцев газету. Его тоскующий, преисполненный великой скорби взгляд с надеждой устремился на золотую маковку церкви. Он сказал глухо:

— Нас не за что Богу наказывать.

Слегка сутулая его фигура со стороны выглядела непривычно жалкой, поникшей. Леха отвел взгляд. Подошли сердобольные соседи. Родителей Наташи накрыло волной искреннего сочувствия.

— Не переживайте вы так...

— Что ж теперь поделать...

— Эх, жизнь, жизнь...

— У вас еще Василек есть...

Своими необдуманными действиями они качнули зыбко державшееся равновесие не в лучшую сторону. Наташину мать словно провало. Она звонко заголосила:

— И где ж ты теперь находишься, моя сладенькая... И кто ж теперь над твоим белым телом измывается... И некому теперь тебя пожалеть-то...

Бабка Федулиха поддержала ее дребезжащим голоском:

— И-и, звездочка наша ясная!.. И-и солнышко у нас без тебя теперь померкнет... О-ох!..

Своим стенающим воем они бередили Лехину душу. Все оттенки происшедшего на его глазах заметно сказывались на его лице. Чувство было таким, будто из него вынули душу, вывернули ее наизнанку, нагло оголяя для всех. Мотая головой, он скорым шагом, почти переходящим на рысь, ушел в дом. Надо было что-то делать. Таинственная пропажа любимой девушки повергла его в тихий ужас. Дальнейшего существования без нее он не мыслил.

Когда мать на минутку заскочила в квартиру за нашатырем, чтобы откачивать не приходившую в себя тетю Иру, Леха куда-то торопливо собирался, комом запихивал в дембельскую сумку свою одежду.

— Куда ты? — застонала мать, повиснув на его плечах.

С детства послушный, Леха первый раз в своей жизни не подчинился воле матери. Он стряхнул мать со своих плеч, сказал, заикаясь и дергая потной головой:

— В Москву, Наташку искать!

— И где ж ты найдешь-то ее, сердешную... Москва-то большая!

Мать упала перед ним на колени, ползла следом, обнимая его ноги. Леха в страхе пятился к двери, дрыгал ногами, пытаясь освободиться от ее цепких объятий.

Не успели летние сумерки упасть на город, все уже знали о беде, постигшей семью известной здесь модели...

Аркадий МАКАРОВ

ОРЯСИНА

Рассказ

*Куда ты дел мотор, орясина?
Аль снес за четверть первача?
И все поешь про Стеньку Разина,
И про Емельку Пугача.*

Ю. Кузнецов

Осенний день, безрадостный, как бледная немочь, что-то шепелявил сквозь плохо подогнанные оконные стекла, вызывая чувство безнадежности и опустошения. Ветер, протискиваясь в щели, нудно и долго рассказывал о времени и о себе, но рассказывал так неинтересно, что вгонял меня в густую чашобу дремы, из которой, как я ни пытался, так и не мог до конца выбраться.

Короткие промежутки бодрствования сменяли странные видения давно минувшей молодости, которые возвращались снова и снова, напоминая мне о тех истоках, из которых вытекает настоящее, уходя в будущее.

Человек с выбитыми передними зубами, кровоточа деснами, шепелявил о долге и чести и, скрывая боль, простодушно улыбался большими голубыми глазами, давая понять, что все путем, ничего, до свадьбы все заживет!..

Аркадий Макаров — поэт, прозаик. Родился в 1940 г. в с. Бондари Тамбовской области. Окончил технический вуз.

Прозу публиковал в областных газетах, в журналах "Подъём" и "Наш современник". Автор пяти поэтических сборников, вышедших в Воронеже и Тамбове. На выходе — книга прозы.

Член Союза писателей России.

Вот черт рыжий, Ванька Добряков, Иван Поддубный, как многие звали его у нас в общежитии за силу и крепость, пристал к моей дреме теперь и пугает прошлым, которое так незаметно и быстро перешло в настоящее с заботами о добывании денег. Они, эти деньги, одномоментно стали таким дефицитом, что перерезать горло или пустить пулю из-за них — теперь пара пустяков, вроде как сморкнуться. Вот и сижу я в «секрете» за железной дверью, сторожа денежную прибыль с роста банковского. Сижу, как пес цепной. Прокручиваю ленту своей жизни. А лента длинная, пока прокрутишь, насмеешься и наплачешься.

Ах, Ванька, Ванька, Ваню, как тебя еще тогда называли, зачем ты стоишь в моей тесной подсобке, с разбитым ртом, мешая мне сторожить чужое добро, ради которого мы с тобой, монтажничая на боевых комсомольских стройках, кувалдой и ломом пробивали скалу, и она сегодня, в настоящее бесовское время, бьет денежной струей в zákрома теперешних барышников, использовавших нас, наивных, в свою пользу. Доказательств тому уйма. Даже в тех анекдотических событиях моего рабочего прошлого проглядывает, пусть в извращенной форме, истинный характер русского человека, стремящегося к самоотвязной, разрушительной воле. Но, как говорится, вольному воля, а голому — кафтан.

Теперь, при новых порядках, человеку старше сорока лет устроиться на работу почти невозможно, а вот мне повезло. После мытарств и скудности жизни я стал охранником одного из отделений небольшого банка, такого незначительного, что внезапное банкротство его вряд ли кто-либо в стране заметит, кроме обескураженных вкладчиков. Но банк есть банк, работа есть работа, хотя ни работа, ни банк особой гордости у меня не вызывали, вероятно, из-за скудности жалованья.

«У хорошего хозяина цепной пес всегда недокормленный!» — так мне однажды сказал Леонид Яковлевич Бронштейн, приютивший меня к службе.

Вот они, друзья прошлых игрищ и забав, как пригодились. Леонид Яковлевич Бронштейн в свое время был вовсе и не Бронштейном, а Лёней по прозвищу Каньш. С ним мы жили бок о бок в молодые годы в рабочем общежитии на городской окраине, где я делал первые шаги на ухабистой и неровной дороге под названием Судьба.

Вот ведь как бывает в жизни! Шли с Лёней Бронштейном по

одной дороге, а оказались в разных точках. Или нет: место одно, а высоты разные. Леня хоть и имел кличку Каныш, но был птицей высокого полета.

Тогда в нашей прокуренной и просмоленной тяжелым перегаром комнате один он — Леонид Яковлевич Бронштейн — числился почти что инженерно-техническим работником. Окончив после школы шестимесячные курсы счетоводов, ему как-то удалось устроиться кладовщиком на монтажный участок.

Кладовая на участке маленькая, но прибыльная: листовой металл, балки любого профиля, кровельное железо, краски, профильный прокат. Да мало ли есть чего хорошего в кладовке у монтажников! А учета почти никакого. Пойди посчитай, сколько материала ушло, если заказчик процентовки на выполнение работы не глядя подписывает — сроки, как всегда, поджимают.

Из всех сортов лаков и красок среди монтажников особенно ценился шеллак для антикоррозийного покрытия металла — цвет дегтярный, а запах спиртовой. Значит, пить можно!

Монтажники по дешевке и в долг покупали шеллак у Лени Бронштейна ведрами и после соответствующей обработки пили тоже ведрами.

Технология разделения ингредиентов проста необыкновенно: на ведро лака — пара килограммов поваренной соли. И — мешать. Вот именно, не помешивать, а интенсивно мешать деревянной лопаткой до тех пор, пока на лопатку не наматается смесь каучука и печной сажи, остальное — чистый спирт. Правда, цвет коньячный, а вкус совсем неподходящий. Но ребята пили. Однажды я, ради любопытства, попробовал тоже — с ног не сбило, но запах до сих пор в ноздрях стоит. По правде сказать, штука поганая и — на большого любителя.

Ребята над Леной подсмеивались, но интернациональный долг пролетариата блюли и на участке терпели. Иногда Канышом называли — и всё. Шеллак он поставлял в бригаду по первому требованию.

Леня Каныш был роста небольшого, но парень крепкий, сбитый, упругий, черт, как тот окатыш каучуковый от шеллаковой основы. Волос простой, на зачёс, тогда так носили, — русский мужик! От Бронштейна у него был, может быть, только один нос, мясистый и всегда мокрый. Поэтому, может, Леня имел такую

обидную кличку. Но, что поделаешь, клички бывают и похуже. Всякие бывают клички...

У Лени Каныша водились деньги всегда, и за это ребята его тоже терпели — можно было без лишних хлопот у него одолжиться.

Когда за растрату социалистической собственности посадили Гришанина, нашего начальника участка, то за ним следом загремел и Леня, как материально ответственное лицо. Вот тогда-то мои пути с Канышом и разошлись: он пошел в отсидку, а я, правда с трудом, но поступил в институт.

Когда Леня Каныш вышел из тюрьмы, я уже получил образование инженера-механика, а он стал настоящим Леонидом Яковлевичем Бронштейном. И при новом режиме выиграл, конечно, он, а не я.

Леонид Яковлевич Бронштейн сразу же обзавелся связями и вскоре был назначен управляющим того самого филиала московского банка, в котором и я стал служить охранником. Наши дороги опять сошлись, но на разных уровнях, как в курятнике на насестах.

Вот Бронштейн Леня и философствует — мол, чем меньше кормить собак, тем вернее они служат.

Сижу я теперь в охранной подсобке и слушаю стенания ветра, предвещающего холодную зиму.

Воскресный день — выходной в банке. Леня Бронштейн, забыв свою простецкую кличку, вино пьет под балычок, а я у него вроде как на шухере, на атасе стою...

* * *

А все начиналось лучезарно и весело: женщина в отделе кадров, посмотрев на мою комсомольскую путевку, со вздохом стала вписывать мою фамилию в новенькую трудовую книжку, где я стал числиться учеником слесаря-монтажника.

— Рано тебе еще в эту жизнь кунаться, — сказала она, протягивая мне обратно только вчера полученный аттестат зрелости, где оценками можно было бы и похвалиться.

Что она понимала, эта очкастая старушенция, в той трудовой мужской жизни, испытать которую мне так хотелось? Ладони чесались.

Тогда мне казалось, что к ней, мужской жизни, я вполне под-

готовлен. У кого их не было, ошибок молодости?!

В большой комнате рабочего общежития меня встретили сразу шесть пар насмешливых глаз.

— Будем прописываться или как? — сказал чернявый парень примерно моего возраста в синей трикотажной майке, густо высморкавшись в новенькое, свернутое солдатским треугольником полотенце.

Чисто убранная и заправленная кровать, на казенном ворсистом одеяле которой лежало полотенце, говорила о том, что и кровать эта, и полотенце, оказавшееся теперь в руках хамоватого человека, должны принадлежать мне и никому более.

Врезать бы ему, сопатому, в челюсть, да народ не поймет. Потопчут. Вон они какие!

Я, прикинувшись простачком, сказал, что прописался уже утром, а паспорт мой у коменданта общежития, если нужно, я завтра принесу показать...

Быстрый, мышинный взгляд чернявого сразу же перекинулся на всю остальную братию. И тут в один момент радостно взвизгнули пружинистые сетки на железных койках, и вперемежку с матерками по просторной комнате рассыпался простуженный кашляющий смех:

— Пропиши его, Каныш! Пропиши!

Каныш взметнул перед моим носом кулак, раздумывая, куда ударить — в челюсть или в глаз?

В одно мгновение я понял, что разыгрывать деревенского дурачка не стоит, и, вытащив из-за пазухи бутылку водки, с размаху, ухарски, поставил ее на стол.

— У-ух! — сказала комната, и все разом засуетились.

— Что же ты, гад, закуски не взял? — примериваясь к бутылке, сразу же опустил сухой кулак недавний обидчик.

— Ну ты даешь, Каныш! Пить да закусывать, зачем тогда пить? Не запьянеешь! — сказал здоровенный саженистый парень, поднимаясь со скрипучей койки; здесь он был, по всему видать, за авторитета. — Разливай на всех! — кинул он ставшему сразу услужливым тому, кто меня только что хотел «прописывать».

Выпили. Кинули в рот по шепотке из бронзовой самодельной пепельницы смеси соли и жгучего красного перца. «Закуска» такая отшибает напрочь все следы алкоголя во рту. Я тоже оценил

совершенные достоинства этой адской смеси.

Кинули в рот еще по одной шепотке из потемневшего бронзового диска и задумчиво помолчали.

На шесть глоток и одна бутылка?! Над этим стоило задуматься. Но сколько ни думай, а в голове просторней не станет.

— Ну разве это «прописка»? Это только вид на жительство! — подсуетился тот, кого называли Канышом. — Гони еще на бутылку!

Я хотел оставить нетронутой маленькую заначку на будущее и красноречиво вывернул карманы, показывая, что у меня ничего нет. Подъемные мне должны были заплатить только в следующем месяце, а в столовую хочется каждый день.

Сидящий передо мной саженистый парень поскреб толстым, как лошадиное копыто, ногтем рыжую щетку на подбородке и увалисто направился к двери.

— Ваня, ты куда? — с надеждой разом спросили несколько голосов.

— Не куда, а зачем, — назидательно поправил Каныш. — Если кудыкать, то пути не будет.

— Куда-зачем... — буркнул под нос Ваня. — Спор выигрывать у маляров, вот зачем!

Все потянулись за Ваней, и я вместе с ними.

Маляры жили в соседней комнате. Но маляров не оказалось дома. «Степенные ребята» ушли в культпоход, наверное. «Жизель» в областном драмтеатре идет. Воронежский театр оперы и балета у нас гастролирует. Разве пропустят? Профком билеты бесплатно выдал. Поднимает уровень культуры своих рабочих. По вечерам одно вино, что ли, пить?.. Спокойные ребята, не то что монтажники-горлодеры. Тем только кувалдой махать да материться — и на сухую, и когда выпьют...

В противостоянии маляров и монтажников я убедился позже, когда сам стал настоящим монтажником со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Топчутся ребята возле двери, скребутся, а за дверью никого, только, вроде, панцирная сетка на кровати поскрипывает. Может, показалось?

Иван надавил слегка плечом — дверь распахнулась, а там, в глубине, одни простыни пузырятся. Кто-то из «степенных ребят», воспользовавшись передышкой, остался в комнате. А чего одно-

му скучать? Женское общежитие рядом. Кто-то из девчат тоже не пошел на «Жизель».

— Не! Здесь никого! — смущенно кашлянул в кулак Иван и прикрыл дверь, оттолкнув заглядывающего в комнату Каныша.

— Ваню, — закрутился тот возле, шмыгая носом, — на что спорили-то?

— На интерес! За пять бутылок водки я им обещал электрический провод под током зубами перекусить.

Ваню, как голодный волк, клацнул зубами.

Ребята потом рассказывали, что Иван однажды, тоже на спор, переколол зубами килограмм орехов грецких. Может, что и прибавляли ребята, но зубы у Вани действительно, как наковальня с молотом — крупные, один к одному, и блестящие, словно галька морская.

— Ах ты, мать-перемать! Выпить как охота! — горько, вздохнул Иван, когда все воротились к себе в комнату.

Отодвинув мятую занавеску, он стал шарить на подоконнике среди пустых бутылок: может, найдет какую завалящую. Выпивали же вчера и раньше. Когда-то оставалось...

Но сколько ни шарил, кроме бутылки с рыбьим жиром, остальные были — стекло одно.

Рыбий жир служил нашему саженному Ивану Поддубному как НЗ — неприкосновенный запас на случай безденежья. Случай этот наступал почему-то в конце месяца. Считать деньги Иван никогда не любил. Потому в получку он сразу покупал несколько бутылок антирахитичного бальзама, рекомендуемого детям, и был спокоен. За неделю-другую зарплата у Ивана кончалась, а работа монтажника, как известно, больших калорий требует. На одной воде не продержишься. Вот и выручает Ивана несравненный рыбий жир из соседней аптеки. Продукт дешевый, но максимально питательный. Последняя надежда. Встанет, бывало, Иван утром и, не открывая глаз, одной рукой прихватив себя за виски (уж очень вкус специфический!), другой тянется к подоконнику. Несколько глотков — и всё готово! Дневной рацион калорий получен, словно китенок у матки.

— Ваню, — подначивает теперь Каныш Ивана, — пол-литру водки за один раз выпьешь?

— А то нет! Давай покажу! — ощерился в улыбку Иван, обнаженный неожиданным предложением.

— А две?

— Ну, за две не ручаюсь, а попробовать можно. Ставь!

— Поставлю. Только давай, я тебе разок в морду дам — и литр твой.

— Хо! — ухмыльнулся Иван, посверкивая зубами. — Бей два раза за литр. Мне и ребят угостить надо. Видишь, саранча какая? Они водочки тоже хотят! Идет?

— Едет! Только пусть твои друзья сначала руки по уговору разобьют, чтобы потом обиды не было. Иди, новенький! — позвал Каныш меня. — Разбивай!

Легкий удар ребром ладони по слепленным рукам — и договор в силе.

— Только буду бить в рукавице, ладно? А то я по твоим голышам руку покалечу.

— Да хоть в две рукавицы! Только не промахнись, а то снова вывернешься, как тогда.

Что было «тогда», я не знал и с интересом наблюдал, что будет теперь. Ребята тоже обступили Ивана.

Леня Каныш, Бронштейн наш, повозился-повозился в своей тумбочке и вытащил брезентовую задубелую рукавицу. Надел ее на левую руку. Каныш был левша. Бить в лицо Ивана снизу вверх как-то несподручно — рост разный, и Каныш пододвинул Ивану стул:

— Садись!

Иван с довольной ухмылкой усадисто уместился на стуле, прислоненном к стене.

— Бей!

Ребята были в восторге. Чтобы сейчас ни случилось, а они выпьют обязательно. Это уж точно. Иван всех угостит, он не жадный, не как этот Каныш поганый. Без мыла в любую щель пролезет...

Леня, постукивая рукой об руку, как купец Калашников, походил-походил вокруг Ивана Поддубного, держа в томительном ожидании и в напряге всю комнату. И только один Ваня сидел, лучисто улыбаясь, на стуле, как царь московский перед боярами.

— Чего примериваешься? Бей! Раз — и в дамки! Литр, что ль, жалко? Назад пятками не ходят!.. — подбадривали зрители. — Бей, сука!

Возмущение ребят, что ли, подействовало, или Каныш, нако-

нец что-то обмыслив, решился. Он вдруг откинулся назад и со всего размаха, всей стремительностью туловища тычком ударил Ивана в широко открытый смеющийся рот.

Иван хоть и сидел крепко, но от неожиданности вдруг повалился назад, ударившись затылком о кирпичную стену. Он не успел еще и охнуть, как Леня Бронштейн, скинув огрузшую рукавицу, скрестил на груди руки и закрутился на полу, взыв, как щенок, которому наступили на лапу. Одна рука у Лени, голая до плеча, неестественно изогнутая, лиловела прямо на глазах.

Что-то выплюнув в угол, приподнялся со стула и Ваню, вытирая кровавенеющий рот тыльной стороной ладони.

— Ну фсё! Мы кфиты! — прошепелявил он, косясь на лиловую руку Бронштейна.

Перелом был хоть и не открытый, но явный. Да и у саженистого Ивана передних зубов как не бывало! Пить можно, а закусывать никак нельзя.

— Каныш, — разом закричали ребята, — ставь литр! Уговор дороже денег! Ты Ивану хлебальник разбил. Кто ему теперь жевать будет? Ставь, Леня!

— Не, — отмахнулся Иван, — мы кфиты! Фон рука у него какая!

Несколько ребят пошли вызывать машину «Скорой помощи». Пришлось мне расстаться с последней моей заначкой и сбегать в магазин.

— Фот таких физдюкоф я люфлю! — выпив залпом полный стакан водки, потрепал Иван мою лохматую голову. — Молофок! Куфалфой фудешь!

Во все время пребывания моего в рабочем общежитии защита была обеспечена. Если случилось — били здесь крепко...

* * *

Вот какие воспоминания и ассоциации может разбудить неясный шелестящий говор осеннего ветра с немолодым уже охранником банковского филиала, руководителем которого числился теперь Леонид Яковлевич Доберман-Бронштейн, или попросту Леня Каныш, бывший кладовщик монтажного участка.

Удачливый все-таки он, Бронштейн этот! На днях в его заго-

родном доме кто-то по делам или так, шутки ради, в открытое окно ручную гранату бросил. Но ничего Лене не сделалось. Мать только пришлось похоронить — осколком голову пробил. Но похороны есть похороны. Все равно на свете не удержишься. Когда-то и уходить надо, девяносто лет — возраст серьезный.

Удача пока ходит за Бронштейном Леонидом Яковлевичем по пятам.

А там видно будет...

Зинаида КОРОЛЁВА

СВОЁ СОЛНЫШКО НАЙТИ

Рассказ

Под окном Игнаткиных расцвела сирень. И крупные её кисти касались самого стекла. Дана казалось, что только протяни руку и почувствуешь мягкую, нежную бархатистость листьев. Но окно было закрыто, да и её койка стояла у противоположной стены, а матери не было в доме.

С грустью Дана смотрела в окно и вспоминала, как раньше, когда она приезжала на каникулы домой и ходила на гулянья, ребята охапками приносили сирень и раздавали девчонкам, а они так небрежно отмахивались её ветками от комаров.

Дана очень рано, в десять лет, уехала из дома, жила в спортивной школе-интернате, занималась гимнастикой. Но после того, как на тренировке сорвалась с перекладины, у неё стала болеть спина. Мамы рядом не было, пожаловаться было некому. А тренеру-воспитателю говорить не стала — Худороба не любила жалоб. Но после неудачного падения на скользком тротуаре Дана потеряла сознание, пролежала на льду около получаса. Кто-то из прохожих вызвал «Скорую», и её отвезли в больницу. Пролечившись два месяца, Дана все же не смогла встать на ноги. Родители забрали её в деревню, и вот уже три года она лежит неподвижно, только руки еле-еле шевелятся.

Зинаида Королёва родилась на Урале. Окончила Московский кооперативный институт. Работала на тамбовском заводе “Электроприбор”.

Публиковалась в областных газетах, центральной газете для инвалидов “Надежда”, альманахе “Радуга над Цной”. Автор десяти книг прозы и стихов, вышедших в издательствах Тамбова за последние четыре года.

Член Союза писателей России.

Сначала Дана просто не хотелось жить, но мать обрушила на неё такой шквал нерастрченной материнской любви, что она сдалась, смирилась со своей судьбой и не посмела своим уходом из жизни доставить родителям ещё большее горе.

Отец был более сдержан, но всячески старался облегчить ее быт: он сделал приспособление, на которое ставил книжку, и Дана могла самостоятельно перевёртывать страницы. Она читала всё подряд, что попадало в их дом: местная монашка носила церковные книги, библиотекарьша переносила весь фонд местной библиотеки, фельдшерница знакомила с медицинской литературой.

Однажды к ним забрёл слепой нищий с мальчиком-поводырем. Мать посадила их за стол, накормила, дала с собой еды.

Дана смотрела на них, и пришла ей в голову шальная мысль: «Вот если бы она поднялась, то стала бы поводырем у какого-нибудь незрячего странника». И так усердно стала молить Господа поднять её с одра болезни, поставить на ноги.

А старец посоветовал матери парить Дану в овсяной соломе и конском навозе, поить отваром калины, делать ванны с отваром корней шиповника.

Что повлияло, Дана не знает, но через год она встала и пошла. Сначала ходила только по дому, затем по двору, а ещё через некоторое время дошла до магазина. Она шла легко, свободно по прибитой дождем тропинке, размахивая сорванной веткой сирени, которая доцветала в самом конце мая. В её сердце звучала музыка, ей хотелось петь, смеяться, танцевать.

Дана подошла к магазину и остановилась как вкопанная: у порога сидел незрячий нищий с тощей котомкой, в заляпанной пятнистой робе. Длинные седые волосы на голове и в бороде были взлохмачены, перед ним лежала зимняя шапка с несколькими монетками в ней. Он сидел молча, низко опустив голову.

Дана моментально вспомнила свой обет, данный Богу. Она поняла, что это даётся ей испытание: если не пойдёт в поводыри, значит, вновь сляжет. Она подошла к нищему, присела рядом, хрипло проговорила:

— Дяденька, можно я буду поводырем у тебя?

— А кто же ты есть? — слепой встрепенулся, повернул голову на голос.

— Я Дана, живу в этом селе.

— Сколько же тебе лет?

— Семнадцать.

— А что же тебя заставляет идти в поводыри? — удивился нищий. — Зарботка у меня никакого нет, мало подают, зато неудобства на каждом шагу.

— Я обреклась перед Господом, что если выздоровею, то буду поводырём.

— Вот оно как, — задумчиво произнёс слепой. — Обет — дело серьёзное, его исполнять надо. Попробуй, походи — уйти в любой момент сможешь.

— Дяденька, а ты не пьешь? — Дана подозрительно смотрела на лохматые грязные волосы, длинную бороду, на его засаленную одежду, от которой пахло потом.

— Бог миловал, до такой низости ещё не дошел.

— А почему вы по сёлам ходите? В городах у церквей больше подают.

— Там одни пропойцы сидят. И для этого надо иметь жильё в городе, а у меня его нет. А в сёлах в летнюю пору под любым кустом ночевать можно, — Слепой встал, отряхнулся, поднял шапку, положил монетки в карман. — Уже пора трогаться в путь. Решай, пойдёшь ли со мной.

— Да, да, я уже всё решила. Только сначала зайдём к нам домой, я оставлю записку родителям, чтоб они не волновались, и вещи с собой заберу. Дядя, а как тебя зовут?

— Зови Олегом Ивановичем.

Они подошли к дому Даны, где их встретила её соседка.

— Дана, ты кого это ведёшь домой? — она удивленно рассматривала спутника девушки.

— Я поводырём буду у дяденьки, — простодушно ответила Дана.

— Да ты с ума сошла! — испуганно воскликнула соседка.

— Почему вы так говорите? — Дану удивила её реакция.

— Да ты мать-то совсем в гроб уложишь.

— А вы считаете, что лучше быть прикованной к постели, чем ходить поводырём?! Станный вы человек. Идёмте, Олег Иванович. Осторожно, впереди ямка.

Они вошли во двор и остановились рядом с душем.

— Олег Иванович, у нас здесь летний душ, вода уже хорошо нагревается, папа купается после работы. Вы сможете без посторонней помощи помыться?

— Смогу. Ты только подскажи, как войти туда, где кран.

Дана подвела его к диванчику для раздевания, к крану, на котором была приспособлена мылъница.

— Я сейчас принесу полотенце и бельё.

— У меня в котомке есть смена белья.

— Оно нам пригодится в дороге. А сейчас я у папы позаимствую.

Дана принесла из дома камуфляжные куртку и брюки, рубашку, майку, трусы, носки, положила всё это на диванчик, а полотенце повесила на дверцу. Грязное бельё завернула в узел, и отнесла в тёплую душевую, где они обычно стирали.

Она написала записку родителям, объяснив всю ситуацию, собрала в вещмешок немного продуктов, из чулана вытащила дедов солдатский котелок, железную кружку, две ложки, спички. Через час они вышли из дома, сели в автобус, шедший до райцентра. Так начался скитальческий путь Даны.

Днём они ходили по какому-нибудь селу, а к вечеру перебирались в соседнее село или устраивались на ночлег возле реки или возле стога, если такой попадался. Уже давно они перебрались в соседнюю область и бродили там.

У Даны зародилась мечта: собрать побольше денег и устроить Олега Ивановича в глазную клинику на лечение. Её спутник был молчаливым, замкнутым: за день одно-два слова обронит и всё. Но изо дня в день, слово за словом смогла Дана выяснить причину его бродяжничества. История ей показалась не столько странной, сколько дикой. А было дело так.

Олег Иванович Куликов служил в Подмоскowie в звании майора. Его считали везунчиком: красавица жена, прекрасная квартира, по службе продвигался ровно, без особых проблем.

А тут в Афганистан стали посылать. Сначала с проверками, а затем на два года оставили. Повезло ему: живым вернулся и без единой царапины, а ужасов насмотрелся, и они застряли в мозгу.

Опять пошла ровная служба, но подошли 1990-е годы, началась война внутри страны: Приднестровье, Осетия, Абхазия, Таджикистан, а потом и Чечня. Их, обстрелянных в Афгане, совали во все дыры. В одном из боев в Чечне его ранило в голову и в позвоночник. Год лежал в госпитале в Ростове. Из Москвы приезжали профессора, сделали две операции — на голове и на позвоночнике. Медленно, но шел на поправку. Нейрохирург, делав-

ший операцию на голове, предупредил: никаких сильных эмоций, иначе грозит слепота.

Несколько раз приезжали друзья-сослуживцы и пытались перевезти Олега в Москву, но ничего не получалось. Два раза была жена, и он чувствовал в ее отношении холодность, которая появилась впервые после его возвращения из Афгана: иногда по ночам он вскрикивал, и тогда жена вскакивала и в раздраженном состоянии уходила в другую комнату.

Близилось время его выписки, и по госпиталю поползли слухи, что жена за ним не приедет. И Олег Иванович уже стал настраивать себя на дом инвалидов: а что, и там жить можно. Но жена неожиданно прислала телеграмму, что к дате выписки она приедет. Олег Иванович не знал, как отреагировать на это известие: зрение катастрофически падало, а жена за больным ухаживать не будет — не та порода.

И вот настал день выписки. Рано утром приехала жена на «Волге». Сбежалось всё отделение, так что проводы получились шумные. Кто-то шепнул, что жена неотразима, а у него от волнения перед глазами были только чёрные точки.

Сев в машину, жена сказала, что она квартиру в Подмоскowie поменяла на квартиру с дачей в Воронеже и что сейчас они поедут в пригород, два месяца поживут на даче, так как ему нужен свежий воздух.

Ехали они очень долго, Олег Иванович устал, спина его разламывалась от боли, и потому в разговор жены с водителем не встречал, притворившись спящим. Но наконец машина остановилась, жена вывела его и посадила на скамейку, сказав, что пойдёт открывать ворота.

Он услышал, как хлопнула дверца машины. У него на какой-то момент прояснилось зрение, и он увидел усмешку на лице жены, сидевшей в машине, и недоумение, сменившееся ужасом, в глазах водителя. Как током ударило в виски, в затылок, голова закружилась, и разом померк свет, скрыв всё окружающее. Чтобы не упасть, Куликов ухватился руками за край скамейки.

Машина отъехала, и воцарилась тишина. Как долго он сидел в таком оцепенении, не знает. К нему кто-то подошел, кашлянул, заговорил женским голосом:

— К кому же ты приехал, милоч?

— А чья это дача? — у Олега Ивановича ещё теплилась какая-то надежда.

— Моя. Я тут живу постоянно, круглый год.

— А женщину, которая привезла меня, вы видели раньше?

— Видела один раз, она была на пирушке у моего соседа.

— А где он сейчас?

— Он уехал в отпуск к морю. На дачу не велел никого впускать, — строго произнесла женщина.

— Да вы не бойтесь, я туда не пойду. Я слышу, что тут близко проходит электричка, вы не можете добраться до станции? У меня плохо со зрением.

— Почему же не помочь, слабому помогать — святое дело. А кто же тебе эта женщина? Почему она бросила тебя?

— Это совсем чужой, посторонний человек. Я перепутал адрес, — только сейчас Олег Иванович понял, что все эти годы жил с чужим, безжалостным, жестоким человеком, и теперь для него её просто не существовало.

— Всякое бывает в жизни, — сочувственно произнесла женщина. — Тут зрячая, и то иногда так напутаешь, а вам, бедолагам, в миллион раз труднее. Тебе как удобнее — чтобы я тебя под руку держала или ты за меня возьмёшься?

— Мне все равно.

— Тогда пойдём, — женщина взяла его под руку и повела к станции. — Ты, милоч, не переживай, Господь не оставит в беде, пошлёт тебе доброго человека, только не озлобляйся на весь белый свет — добрых людей много, их больше, чем подлых.

Они по ступенькам поднялись на платформу в тот момент, когда остановилась электричка.

— В какую сторону тебе? А то вот эта идет на Малаховку.

— Мне на неё надо, — поспешно ответил Олег Иванович.

Он боялся, что женщина уйдёт и он не сможет сесть один. Ему было всё рано, куда ехать, только бы не оставаться здесь. Он взошел на площадку вагона и крикнул в пространство:

— Спасибо, мать, что довела.

— Храни тебя Господь, сынок, терпенья тебе и выдержки.

Ему помогли пройти в вагон и сесть на сиденье. Кто-то из пассажиров вложил в одну руку булочку, а в другую — крупное яблоко. И он ощутил, что голоден: под ложечкой заняло, и он с аппетитом откусил булку, а затем и яблоко. Заморив червячка,

он прислонился к стене и старался отогнать все мысли, не думать ни о чём. Его разбудили на конечной станции. Дежурный сочувствующе спросил:

— Почему ты один, браток? Уже поздно, последний автобус отошел.

— А когда будет первый?

— Утром. А тебе в какую сторону?

— Да мне всё равно. Туда, где больше подадут, — Олег Иванович пытался говорить шутливо, но у него это не получалось: голос был грустным, растерянным.

Он понимал, что кружит в Подмоскowie, а не в Воронеже, как сказала жена. Где-то недалеко был их городишко, но его туда не тянуло: если жена решила избавиться от него, то она действительно поменяла квартиру. Но почему она не отдала документы, зачем они нужны ей? Зачем? Что она может по ним сделать? Или действительно что-то сможет? Как она решилась на такую подлость? Но пока он живой, всё может открыться, и вся её затея провалится. Она не понимает этого или не хватило духу пойти на крайний шаг? А ведь могла, жестокости в ней предостаточно. Значит, не хватило ума. Он пытался отогнать эти грустные мысли, но они назойливо лезли в голову, стучались в сердце. Что делать ему? Неужели, действительно — попрошайничать?

— Пошли, браток, ко мне в сторожку, там переночуешь, а утром поезжай, куда хочешь, — дежурный взял его под руку и повёл.

Утром Олег Иванович, вооружённый вещмешком, тёплой курткой, сел в электричку, шедшую до Москвы, а затем пересел на поезд «Москва — Астрахань» и, проехав полпути, вышел на стыке двух областей — Тамбовской и Саратовской. Там и начались его скитания по городам и сёлам. Отчаяние всё чаще посещало его: страшили надвигающиеся холода, и перспектива замёрзнуть под каким-нибудь забором могла стать реальностью.

Однажды он забрёл в полузаброшенное селение, в котором из жильцов остались один восьмидесятилетний дед Евсей и три старушки: младшей было восемьдесят два, а старшей — девяносто два.

В одном из заброшенных домов крыша и стёкла были целы, а дверь открыта — она как бы приглашала его войти в дом. И Олег Иванович не стал испытывать судьбу, решил остаться на зиму в

этом доме. Пока не выпал снег, он с помощью старушек набрал себе картошки на ближайшем колхозном поле, которое было уже перепахано, но клубни кое-где лежали на поверхности. Капустой поделился дед Евсей — он помогал ему срубить кочаны. Зрение у него временами возвращалось, и тогда он видел окружающее, но словно сквозь туман.

Как-то раз зимой дед Евсей принёс крупного зайца, который попал в силки. Когда его варили, то Олегу Ивановичу казалось, что мясной дух разносился по всей округе. И сразу вспомнилась та, прошлая, жизнь, когда он с друзьями ходил на охоту, и в лесничем домике они варили уху или жарили на вертелах пойманную дичь. Что-то делают они, вспоминают ли его? Или так же, как и жена, вычеркнули из списков живых?

Так прошла зима. Но в начале марта объявился хозяин дома, решивший приспособить усадьбу под дачу. И пришлось Олегу Ивановичу вновь пуститься в странствия. Он зарос и покрылся грязью не только внешне, но, как ему казалось, и душа его зачерствела, замшела, задубела.

Надо было обращаться в военкомат, вырывать документы. Но где гарантия, что там поймут его, поверят? Да и что рассказывать? Правду? Он не хотел вспоминать об этом кошмаре, а врать, что-то придумывать он не мог.

И вот эта неожиданная встреча с Даной. Они ходят вместе три месяца, он привык к ней: она улавливала каждое его движение и подставляла свою руку или плечо. Временами у него наступало прозрение, и он рассмотрел её внешность: нежное девичье лицо с чёрными бровями и такими же чёрными глазами. Её густые, длинные волнистые волосы тоже казались смоляными. А руки были цепкими, но очень нежными и ласковыми. Олег Иванович иногда думал, что если бы жена захотела иметь детей, то у них могла быть почти такая или чуть моложе дочь или сын.

Раньше он слышал выражение «Видеть свой след», но не придавал ему значения, так как это его не касалось. А сейчас понял, что это самое большое счастье в жизни: — видеть, куда ты идёшь, кто рядом с тобой.

Что будет с ним, если Дана уйдёт? Где им зимовать зиму? Она уводила его всё дальше и дальше от дома. Почему? Стеснялась? Но он не замечал этого. Но однажды это легко прояснилось.

— Мы сейчас сядем на поезд и доедем до Ростова, — Дана уверенно вела его по перрону станции.

— Зачем мы туда поедem? — удивился Олег Иванович.

— Нам надо вырывать документы, а начнём с госпиталя. Они могут дать дубликат справки, что вы находились у них на излечении.

Олег Иванович поразился её взрослому мышлению, а в ушах звучало: «Нам вырывать...» Выходит, что она не отделяла себя от него? Он смущённо закашлялся.

— Вы что, простудились? — забеспокоилась Дана.

— Нет, нет, это я поперхнулся, ты не беспокойся.

В Ростове Дана взяла такси, и они быстро оказались в госпитале. Дана посадила его в кресло в коридоре и попросила проходившую медсестру:

— Сестричка, посидите с больным, а то его могут обидеть здесь, а мне срочно надо к главврачу.

У Куликова выступили слёзы. Медсестра села рядом и взяла его руку в свою.

— Олег Иванович, а вы не помните процедурную медсестру Любу из вашего отделения? — она сделала характерный хлопок рукой, когда делают уколы.

— Помню, особенно этот хлопок, — заволновался Куликов.

— Что с вами случилось, Олег Иванович?

— Да вот совсем ослеп.

— Кто эта девушка с вами?

— Это мой поводырь, мой ангел-хранитель.

— А где жена? Что с ней?

— Вам Дана всё расскажет.

В это время к ним подошли главврач и заведующий офтальмологическим отделением.

— Люба, помогите положить больного в первую палату, пока эта красавица будет оформляться санитаркой.

Дана взяла Олега Ивановича за руку, довела до двери в отделение.

— Вы не скучайте без меня, я быстренько оформлюсь и прибегу к вам, — она закрыла за ним дверь и бегом побежала в отдел кадров.

Когда Дана вернулась в палату, то не сразу нашла своего подопечного и только по понуро опущенной голове догадалась, что

это он: без бороды, без длинных волос на голове он выглядел лет на двадцать моложе. Она смущённо взяла его за руку.

— Олег Иванович, это я. Вас тут никто не обижал? — она строго посмотрела на соседей, молодых солдатиков. — Смотрите у меня, а то я быстро с вами рассчитаюсь.

В палате раздался смех. Дана посмотрела на себя как бы со стороны: длинный до пят широкий халат, колпак съехал на лоб.

— Смейтесь, смейтесь, завтра вы не узнаете меня, — она нагнулась к Куликову. — При мне звонили в Москву, вызвали какого-то важного профессора. И с документами обещали помочь. И ещё новость: сюда приезжали ваши друзья, разыскивали вас. Так что ждите гостей.

Дана говорила, а сама рассматривала Куликова: под сбритой бородой кожа была белой, нежной, а остальные участки лица, загоревшие до черноты, загрубевшие. И глаза сейчас совсем другие: в них появился огонек надежды, и они начинали светиться. Наголо выбритая голова молодила. Правильные черты лица, высокий рост со спортивной фигурой гимнаста — всё это, вероятно, привлекало внимание женщин.

А Дана рядом с ним казалась тоненьким угловатым подростком, на которого даже вот эти солдатики-«салаги» смотрят снисходительно. Дана от досады чуть не расплакалась, но в этот момент Олег Иванович сжал её руку, растроганно произнёс:

— Спасибо тебе, малыш, без тебя я бы пропал. Мне сразу надо было ехать сюда, вызывать друзей, они бы помогли. А я растерялся, спасовал. Но хватит обо мне. Как ты устроилась? Что там говорил главврач про санитарку?

— А меня оформили санитаркой — сутки работаю, двое отдыхаю. Через недельку смогу на двух ставках работать.

— А жить где будешь?

— Здесь кубовщицей пожилая женщина работает, вот она согласилась приютить меня.

— А почему через неделю ты будешь по две смены работать? И надо ли? У тебя же травма позвоночника, а с ним не шутят.

— Мне восемнадцать исполняется, и по закону я могу перерабатывать. А позвоночник сейчас не болит. А тут такой спортивный зал хороший — просто прелесть. Он не закрывается и вечерами, так что там можно тренироваться, мне главврач разрешил.

— Когда же ты успела всё разузнать, малыш?

— Если на ногах, то можно многое быстро сделать. За вами сейчас придут, на обследование поведут.

В коридоре послышалось: «Куликов! В смотровой кабинет!» Дана подкатила коляску к кровати.

— Садитесь в кресло, Олег Иванович, там много ходить надо, удобнее будет на коляске.

Дана вывезла его из палаты. Часа два она катала его по кабинетам, везде его тщательно осматривали. И только к обеду они освободились.

На следующий день началось интенсивное лечение. Дана успевала выполнять свои обязанности санитарки и ухаживать за Куликовым.

Она уже привыкла к нему, прикипела сердцем и не мыслила своей жизни без него. Иногда ей приходила мысль, что надо будет уйти, если вернётся его жена. Тогда она бежала в спортзал и до изнеможения истязала себя всякими упражнениями.

А Олег Иванович, заслышав звонкий, певучий голос Даны, приободрялся, подтягивался. Приезжавший из столицы профессор назначил свой курс лечения, и день ото дня Олег Иванович чувствовал себя всё лучше и лучше. Он понимал, что лечение когда-нибудь закончится, он вновь окажется на улице — без угла, без денег, а за окном уже ноябрьская стужа. Останется ли с ним Дана? И вправе ли он удерживать её рядом с собой? Он незаметно наблюдал за ней и отметил для себя, что лейтенант из соседней палаты увивается вокруг неё, а она хотя открыто не отвечает на его ухаживания, но при выписке его может уехать с ним. На душе у Куликова было беспокойно и тревожно.

В один из предвыходных дней дверь палаты открылась, и в неё шумно вошли два бравых офицера — его друзья Алексей Оленин и Борис Олегов. Два О, как он их называл, а когда они были все вместе, то образовывалось приятное триО.

— О, да он тут как в розарии лежит, — они посмотрели на Дану и медсестру, снимавшую капельницу. — Зачем ему спешить в свою квартиру, когда он тут с красотками нежится?! А мы, два дурака, спешим, торопимся отремонтировать его жильё, — Оленин обнял Куликова, а сам из-под полы достал букетик хризантем и подал Дане:

— А это тебе. Основной букет ждёт тебя в Подлипках.

— Спасибо! — Дана смущённо приняла букет и тут же строго

предупредила: Олегу Ивановичу нельзя вставать минут 30-40, а то может zakружиться голова.

— А зачем ему вставать, пусть отлёживается, — вступил в разговор Олег, — мы посидим здесь, а ты, красавица, собирай своё имущество, а самое главное — оформляй документы на выписку вот этого артиста: за отделением и главврач в курсе дела.

Дана, радостно-тревожная, выбежала из палаты.

— И все же, Кулик, ты везунчик: первая жена — красавица, а этот еще не распутившийся бутон готов вот-вот превратиться в прекрасную розу. Это тебе, наверное, за твою доброту даётся, — рассмеялся Оленин, завистливо глядя на Куликова.

— Чем это вы были заняты, что только по телефону звонили, а приехать не могли? И чью это вы квартиру ремонтировали? — Куликов радостно смотрел на друзей, которых ясно видел.

Слушай, Олег, я никак не могу взять в толк, почему ты не позвонил нам, когда случилось это ЧП? — Борис Олег отстранился от Куликова, в его голосе слышалось непонимание, досада. — Я когда рассказал своей Анюте, она сначала не поверила, а потом говорит: «Он что, своих друзей сравнивал с этой декоративной тыквой? У нас бы пожил, пока оформили ему квартиру. А он во всех разуверился. Нельзя так». Вот такой вердикт вынесла тебе Анюта. Так что квартиру ремонтировали твою, в нашем городке, на одной площадке с нами: там сдали новый дом для пенсионеров за воротами городка. Все ждут тебя.

— А как вам удалось добиться квартиры? Для этого же надо было сдать деньги или какое-то жильё? — Олег Иванович недоверчиво слушал друзей.

— Ты прав, друг наш любезный. Не научился ещё мыслить в своих скитаниях, — Олег с усмешкой присел рядом с Куликовым, затем опять вскочил и заговорил горячо, возмущённо размахивая руками: — Нет, вы мне растолкуйте, до какого же идиотизма надо дойти — с сумой по миру?! Из дома выгнала, стерва? Иди в дом инвалидов, если не хочешь бороться с ней. Документы украла, паскуда? А мы на что? Мы что, пешки какие-то? Помочь тебе не могли? Ты за кого нас принял?

— Ты чего расфырчался, как перегревшийся котёл? Сядь сюда, сядь, — Олег Иванович положил руку на плечо присевшего Олега. — Что ты хочешь взять с моей больной, израненной головы? Мне первую группу дали не за красивые глаза. Ты понима-

ешь, дружище, обида взяла верх над разумом. Беспомощность — это страшная штука. Как заклинило тогда — не знаю, что делать, куда идти. Как опавший лист летит по ветру — его кружит в круговерти, но всё же земля притягивает его, успокаивает. Вот так и я: бродил, кружил, петлял, как загнанный заяц, как будто сам от себя стремился убежать. И всё же благодаря Дане оказался в госпитале. Я и сам бы дошел до этого, но она раньше меня сообразила. Так что же вы сдали за квартиру?

— А мы на обмен сдали твоё законное жильё, — Борис стиснул руку Олега и не отпускал её, как будто боялся, что друг вновь потеряется. — Решение этого вопроса наши жены не доверили нам — сами поехали к «драгоценной» твоей, втолковвали ей, что если она добровольно не разменяет квартиру, то очень скоро окажется за решеткой: за причинение физического ущерба мужу, за кражу документов и ещё несколько пунктов перечислили. Она же сумела оформить пенсию на тебя, и получала её всё это время. Так что ей пришлось согласиться с доводами своих бывших подруг, тем более что она знала профессионализм моей Анюты как прекрасного юриста. Квартиру продали, ей купили однокомнатную в «хрущёвке», часть мебели оставили там, а часть привезли в городок. Заодно и развод вам оформили. Так что ты теперь у нас холостой, парень на выданье. Это тебе подарок от Анюты: жить вместе вы не будете, а нервы потрепать тебе она могла бы. А теперь у неё никаких претензий — вы чужие. Или ругать будешь Анюту?

— За что? За то, что познакомила, или за то, что развела? — Куликов усмехнулся. — Всё путём, так и должно быть. А как вы её нашли?

— Так чего же её было разыскивать, когда мы помогали оформить обмен, делали ремонт квартиры и сами её перевозили. Мы на другой день, когда она должна была привезти тебя, приехали в Мамонтовку с семьями — она была дома, а твой след потерялся. Ты знаешь, что она нам сказала? Что ты не захотел ехать с ней, а попросил отвезти к матери в кубанскую станицу.

— К матери?! — удивился Олег Иванович. — А она что, ожила её? Я же сам похоронил мать, когда мне было десять лет. Именно поэтому я оказался в суворовском училище. Она же знала об этом, я возил её на мамину могилку. Какое кощунство! — Куликов был возмущён до глубины души.

— Ты что раскипятился? Если бы у неё было что-то святое в душе, разве она поступила бы так подло? — в голосе Бориса вновь зазвучали негодующие ноты. — Но Бог есть, и он был на нашей стороне: мы тогда вышли от неё, остановили машину, и оказалось, что сели именно в ту самую, на которой ты ехал из Ростова. Ты представляешь, шофёр потом вернулся за тобой, но ты уже уехал на электричке. Мы с Лёшкой проехали до Малаховки, затем разыскали проводницу с астраханского поезда, в вагоне которой ты ехал, вышли на той же станции, где сошел ты, но дальше след твой терялся.

— А почему она поменялась на Мамонтовку? — Куликов от смущения закашлялся, представив, сколько хлопот он доставил друзьям.

— Сказала, что тебе надо будет лечиться в санатории и, живя рядом с ним, можно будет лечиться по курсовкам, да и она рядом с тобой постоянно. Видишь, сколько заботы у человека?

— Да-а, прожил столько лет рядом, а распознать не смог. А вы говорите — везунчик.

— Конечно, везунчик, — вступил в разговор Оленин. — Если бы Дана не привезла тебя в госпиталь, сколько бы нам ещё пришлось искать тебя? Мы же ездили в твою родную станицу, покрасили оградку на могиле твоей матушки. Наши женушки обратились на телевидение в программу «Жди меня». Сотни писем пришло от очевидцев, кто встречался с вами. Дед Евсей горюет, что не удержал тебя, не оставил в деревне: у них там жизнь налаживаться стала, переселенцы провели свет, землю обрабатывают. А тут из госпиталя пришло сообщение, что ты поступил на лечение — мы оставляли свои координаты и просили сообщить, — Оленин говорил серьёзно, а затем улыбнулся. — Да, с Даной тебе повезло, старик, умнющая дивчина да плюс к тому же и симпатюшка. Везунчик ты, так оно и есть — везунчик. Так и должно быть. Вот сейчас она оформит документы, и поедет домой. Что так смотришь на меня испуганно? — засмеялся Оленин.

— А ты уверен, что она поедет? — смущённо спросил Куликов.

— Если возьмёшь, то поедет.

— А возраст? Ты об этом подумал?

— А при чём тут возраст? Ты бери пример с Андрона Кончаловского — вспомниразницу в возрасте у него с последней женой?

— Ну-у, куда хватил. Андрон здоров, как бык. А я?

В палату вбежала возбуждённая Дана.

— Ой, Олег Иванович, на улице первый снег выпал! Там всё сияет, а от белизны даже глаза режет. Я вам очки тёмные купила, вам без них нельзя, глазкам будет больно. А солнце играет, как на Пасху. Оно чему-то радуется. Я всё оформила, вещи собрала, с тётей Полей простилась.

— Вот и хорошо. Давай здесь собирай и Олега приготовь в дорогу. А мы пойдём к медикам, поговорим за жизнь, — Олегов подтолкнул Оленина, и они вышли.

Дана поспешно складывала вещи в сумку. Куликов, сидя в постели, прикоснулся к её плечу:

— Дана...

Она вскинула голову, посмотрела на него — в её глазах стояли слёзы.

— Вы не думайте ни о чем, Олег Иванович, мне же всё равно надо уезжать домой, а то там заждались. Довезёте меня до вокзала, и я поеду, — голос у Даны прерывался, она готова была рыдаться.

— Малыш, а тебе не жаль будет своей молодости, потраченной на меня, старика? — он понял, что Дана слышала их разговор.

— Молодости? — удивлённо переспросила Дана. Она встала с корточек и села на край кровати. — Мы с вами стоим на одной дощечке, и не известно, чей край пойдет вниз первым. Вам без меня сейчас будет трудно, вы ещё не нашли опору в жизни. Когда она у вас появится, я постараюсь незаметно отойти.

Куликов взял её руки, поднёс к губам.

— Странно, мне порой кажется, что не я, а ты старше, опытнее меня. Как легко, когда рядом вот такой прекрасный поводырь.

В дверь заглянул Оленин:

— Вы готовы?

— Да, да, мы едем. — Куликов быстро оделся.

Дана вынесла сумки в коридор.

— Дана, а солнце за меня радуется, потому что я нашёл своё солнышко. Спасибо тебе, что ты есть. Пойдём, нас ждут.

Они вышли из палаты, крепко держась за руки.

Людмила КОТОВА

* * *

*Засмотрелись мальчики
На босые ножки...
Блёстки одуванчиков
В зелени травы.
Озорно-заманчиво
Сбоку от дорожки,
Удивив смотрящих всех,
Посреди Москвы,
Сбросив туфли в сторону,
Улеглась девчонка.
Ей, наверно, здорово
Ножками болтать.
Удержавшись словно бы
На границе тонкой,
Взгляду удивлённому
Противостоять.*

*Людмила Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области.
Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева.
Автор трёх поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.
Член Союза писателей России с 2001 г.*

* * *

*Есть в чистой снежной белизне
Волшебное очарованье.
И в сказку верится вполне,
И в пору загадать желанье,
Покуда в этой тишине
Летят снежинки. И покуда
Поверить можно: не во сне,
А наяву вершится чудо.*

* * *

*Не торопилась нынче осень
Вступить в законные права,
И не пускала в кудри проседь
Берёз зелёная листва.*

*И словно забавлялось солнце,
Как будто время двинув вспять,
Не вспоминая, что придётся
Ненастью небо уступать.*

*И ароматом яблок спелых
Благоухал уставший сад.
Но, лета возвестив закат,
Рябиновая кисть алела.*

* * *

*Я препятствия ставила
У себя на пути.
Всё пыталась по правилам
В этой жизни идти.
Не скрывала, не прятала
Я тебя от других.
И ночами не плакала
Из-за прядей седых.
То ль чужие, то ль близкие –
Чувства на рубеже.
Переполнена мыслями
Без волнений в душе.
Непонятны желания,
Неизвестен финал.
И никто обещания
Никому не давал.*

* * *

*Как будто не было весны –
Вновь снегопад, и хмурь, и холод.
И снова тягостные сны,
А день безрадостен и долог.
И я жалею о словах,
В которых видела начало.
И, может, в чём-то не права,
Но я жалею, что смолчала.
И в сердце вроде тишина
В который раз обосновалась.
А что вчера была весна,
Мне, видно, просто показалось.*

* * *

Я заглянула в миры параллельные,
 В каждом из них повстречавшись с тобой.
 В мире одном, не подвластная времени,
 Соединяла нас вместе любовь.
 В мире другом были просто знакомыми,
 В третьем – не знали друг друга совсем.
 Был и такой, где, засыпанный комьями,
 Ты от земных отрешился проблем.
 Был ещё светлый, с заботой и нежностью
 И притяженьем распахнутых душ.
 Был мир, испорченный чьей-то небрежностью,
 Мир безразличия, мрака и стуж.
 Я заблудилась, я всё перепутала:
 Где ты чуждой – слов ждала о любви;
 Там, где ты друг – я с речами распутными,
 Тот, где ты любишь – меня удивил.
 Переплелись параллельные словно бы,
 В жизни реальной теряю покой.
 Мне поискать бы, наверное, стоило
 Мир тот, где мы не встречались с тобой.

* * *

Я когда-нибудь устану
 Завоёвывать тебя.
 Зарубцует сердце рану,
 Что нанёс ты, не любя.
 Я тогда вздохну спокойно.
 Лягу спать – усну без снов.
 И дорогою окольной
 Обойдёт меня любовь.

* * *

То тоска, то безразличье,
 И в душе – до неприличья! –
 Пустота.
 Может, птахой легкокрылой
 За собой любовь манила –
 Да не та?
 Лишь вчера кружила рядом
 Яркой радостью для взгляда.
 Где теперь?
 То ли больше не вернётся,
 То ль крылом блеснёт на солнце?
 Верь – не верь.
 И, быть может, снова радость
 Разведёт души усталость.
 А пока
 В серо-муторном обличье
 То пустое безразличье,
 То тоска.

* * *

Излечите меня от любви!
 Я больна. Я, наверное, брежу.
 Я, безумье своё окрылив,
 Вновь в душе возрождаю надежду,
 Забывая о том, что её
 Умертвили ещё при рождении.
 Просто, может быть, сердце моё
 Слишком этого ждёт воскрешенья.
 Бестолковое, хочет любить,
 Не желая с безумством расстаться.
 Не припомнив вчерашних обид,
 Вновь готово рыдать и смеяться.

* * *

*Я хочу подарить тебе несколько лет,
Отведённых судьбою.
Даже если на дар ты положишь запрет –
Буду рядом с тобою.
В этом тоже, наверное, есть эгоизм –
Потакаю желанью.
Ты, быть может, решишь, будто это – каприз –
Без тебя ведь жила я.
Я хочу подарить, после не упрекнув,
Что дарила напрасно.
Я тебе никогда не поставлю в вину
Неслучившийся праздник.
В эти несколько лет вспыхнет радуга чувств.
Пусть погаснет когда-то.
Ни от капельки радости не откажусь,
Ни от боли утраты.*

* * *

*Прикоснуться к тебе хоть голосом,
Ощутить твоего ответ.
О земном говорить, о космосе –
Знаешь, мне ведь разницы нет.*

*И душою как губкой впитывать
Тень присутствия твоего.
Только рядом со мною был ли ты?
Или не было никого?*

* * *

*Когда тебе покажется,
Что никому не нужен –
Ты вспомни обо мне.
Когда придавит тяжестью
Непрошенная стужа –
Ты вспомни обо мне.*

*Когда от одиночества
Душа твоя тоскует –
Ты вспомни обо мне.
Когда тебе захочется
Заполнить ночь пустую –
Ты вспомни обо мне.*

*Ты позови – почувствую,
Поверь, услышу сердцем:
Ты вспомнил обо мне.
Пусть будут мысли грустными,
Пусть в полдень не согреться –
Ты вспомнил обо мне!*

*И для тебя, увидишь ты,
Вдруг станет откровеньем:
Ты вспомнил обо мне.
Есть цель, наверно, высшая
И есть предназначенье –
Ты вспомнил обо мне.*

Валентина ДОРОЖКИНА

★ ★ ★

*Душе не быть в покое, ей болеть,
Ей падать с кручи, за мечтой лететь,
Пока она невзятую вершину
Сумеет всё-таки преодолеть.*

*Ещё одну... А сколько их, вершин,
Которые преодолеть спешим?
А сколько их, невзятых, остаётся,
Когда преодолеть не удаётся?..*

*Гудок прощальный ветерок доносит.
Как жаль, что не успеть познать всего.
Но если о желанье кто-то спросит,
То я желаю только одного:*

*Чтобы душа моя была добра,
А судьбы – справедливы, хоть и строги,
Когда придёт суровая пора
Платить долги и подводить итоги.*

Валентина Дорожкина родилась в Мичуринске, окончила Тамбовский пединститут. Она автор 17-ти в основном поэтических сборников, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат нескольких литературных премий. Помимо поэзии занимается прозой, литературоведением, переводами. Много лет руководит литературно-творческим объединением "Тропинка" при областной детской библиотеке. Награждена орденом Дружбы.

* * *

*Дню наступающему рада.
Он мне хорошее сулит...
«За всё расплачиваться надо», –
Мне чей-то голос говорит.*

*Я от расплаты не бегу.
И может, ухмыльнётся кто-то,
Но я за всё плачу работой
И снова остаюсь в долгу...*

*Смеются беззаботно дети,
Цна серебристая струится –
Ведь только за мгновенья эти
Мне никогда не расплатиться.*

* * *

*Дружю с детьми и чудесами
И верю в добрую молву.
Не наблюдаю за часами,
А просто счастливо живу.*

*Люблю. Встречаю. Провожаяю
И не себе принадлежу.
Я истин не провозглашаю,
Я просто ими дорожю.*

*И на судьбу я не в обиде.
Спешу, но не бездумно мчусь:
Спешу познать, спешу увидеть,
Живу и мудрости учусь.*

*Друзьям обязана я многим.
И так хочу я жизнь прожить,
Чтоб горько не было итоги
В конце дороги подводить...*

*Не вхолостую сердце бьётся:
Не опоздать, не опоздать!
И времени не остаётся,
Чтоб за часами наблюдать.*

** * **

*Уходят и приходят поезда.
Перроны то полны, то опустеют.
А на меня, как девочка, глазееет
Знакомая вечерняя звезда.*

*О чём я думаю? О том, как я однажды
Возьму билет, поеду в дальний край.
Мне на перроне кто-то тихо скажет:
«Повремени ещё, не уезжай...»*

*Но я уже у дальнего вагона
И, торопясь, вхожу в его тепло.
И кто-то с опустевшего перрона
Мне позавидует и скажет: «Повезло!»*

*И может, это сказано не зря.
Сама твердить об этом не устану:
Ведь впереди – дороги, полустанки
И новых встреч прекрасная заря...*

*О, если бы досталась эта доля!
И ни на что б её не променять.
...Я на перроне, как во чистом поле,
А поезда уходят без меня.*

* * *

*Я ночных разговоров сторонница.
Говорят, мне к лицу бессонница.
Может быть, оттого, что ночью
Всё дневное я вижу воочью,
Замечаю без суеты,
Что острее пахнут цветы.
Ночью я по-другому живу:
Вижу звёзды и слышу траву.
Ночью я по-другому дышу,
Потому что стихи пишу.*

* * *

*Жизнь – то наказанье, то подарок,
Сочетанье радостей и бед.
Только бы прожить её не даром,
Только бы оставить добрый след.*

*Не поддаваться суетному бременю,
Душу не задвинуть на засов...
У меня в запасе много времени –
До рассвета несколько часов.*

*Здания вдали, как горы, высятся,
В окнах не видать ни огонька.
Говорят, что ночью лучше мыслится,
Ночью создаётся на века...*

*Но иные могут быть мгновения –
Ужасом повеет тишина:
Ты один, один во всей Вселенной,
И судьба твоя предрешена.*

*И хоть стань пред нею на колени,
Не прибавит часа одного.
И не знаешь: много ещё времени
Или не осталось ничего.*

* * *

*Тучей чёрною грозя,
Громяхая то и дело,
Стороной прошла гроза.
Но кого-то ведь задела?*

*«Слава Богу, миновала», –
Говорим грозе вослед.
До других нам горя мало,
До других нам дела нет...*

*Снова рвётся там, где тонко:
Сотни жертв – утечка газа...
Лишь бы в наш колодец только
Не попала та зараза.*

*Взрывы, ливни и цунами –
Вновь кому-то нелегко.
Но ведь это всё – не с нами,
Это где-то, далеко...*

*Чьи-то глянули глаза
На меня со дна колодца:
Стороной прошла гроза,
Но она ещё вернётся.*

* * *

*Друг к другу надо быть добрее.
И тот не прав, кто говорит:
«Чужая радость не согреет,
А боль чужая не болит...»*

*Конечно, если «хата с краю»,
Всё мимо сердца у таких.
А я людей хороших знаю,
Их больше, больше, чем плохих.*

*Когда беда иль неудача
Постигнет вас, без лишних слов
Они откликнутся на зов –
Они не могут жить иначе.*

*Их зависть чёрная не гложет,
Не все способны их понять.
Они не лезут вон из кожи,
Чтоб место тёплое занять.*

*За пазухой не носят камень
И не дрожат из-за рубля.
Их называют чудаками.
На них и держится земля.*

* * *

*Лежит заснеженная даль
Перед глазами белой картой.
И вдруг прорвётся сквозь февраль
Дыханье будущего марта.*

*Пусть до цветенья далеко,
И лёд не тронулся покуда,
И мучит зимняя простуда,
Но дышится уже легко.*

*Вот, робким лучиком согретый,
На подоконнике цветок
Всё к солнцу тянется и к свету,
В них жизни чувствуя исток.*

*Тепла, тепла природа ждёт –
Весенний ветер на подходе...
Наступит лето и пройдёт.
Так незаметно жизнь проходит.*

*И снова дней ушедших жаль,
И снова на душе ненастье.
Но вдруг прорвётся сквозь печаль
Дыханье будущего счастья.*

** * **

*Неимоверно много утекло –
Воды? Нет, не воды, а жизни.
Все мысли – о страданиях Отчизны.
Хлеба созрели – на душе тепло.*

*Но не отдал ли каждый колосок
Заранее живительный свой сок?
Что остаётся нам от урожая?
Одна стерня – от края и до края.*

*И поле чёрное, остатками шуриша,
Напоминает ныне поле брани,
Где завтра брата брат или убьёт, или ранит,
И обольётся холодом душа...*

*Седеют раньше времени виски.
На поле выжженном не зреют колоски.
Опять детей оплакивает мать...
А душу-то когда отогреть?*

** * **

*И голос тревожный разбился о ночь,
И «Скорая помощь» не может помочь.
Не спите, не спите спокойно, когда
У вашего друга случилась беда.*

*Вы время для друга не бойтесь терять,
Он после поможет его навестать.
Не сетуйте, если вас ночью разбудят:
Не будет потерь – и находок не будет...*

*А ветер-предатель свалить норовит,
Как будто бы к другу идти не велит.
Ползите! Пусть руки и ноги в крови,
Ведь это сейчас – испытанье любви.*

*Пусть вас не пугает худая молва,
Пусть в горле застрянут пустые слова.
Не надо страшиться ни сплетен, ни будней –
Без будней и праздников в жизни не будет...*

*И если у вас приключится беда,
От прежних удач – ни следа, ни следа,
Отбросьте сомнение горькое прочь:
Вы слышите?
Дверь открывается в ночь.*

* * *

*Какой опять разброд в умах!
А в душах царствует смятенье.
Неужто ожидает крах
Последующее поколение?*

*Не быть, как все! Как все? Не быть!
И – проклято единогласье.
И – рухнуло всё в одночасье,
И ну историю хулить!..*

*Телега прошлого прочна,
И как ей ни шибай колёса,
Как ни толкай её с откоса,
Не станет кораблём она...*

*В порыве разорвав рубаху,
Не быть, как все, – ещё не цель.
И как бы со всего размаху
Корабль не посадить на мель.*

*Ведь отличиться так легко
«Лица необычим выраженьем...»
Но до эпохи Возрожденья
Так далеко.
Так далеко.*

** * **

*Какими объяснить науками,
Откуда возникает грусть?
Наедине с ночными звуками
Теперь всё чаще остаюсь.*

*Все корабли давно отчалили,
И я одна на берегу.
О, только бы не впасть в отчаянье
И не скончаться на бегу...*

*Моя любовь, моя забота –
Судьба, планида, тяжкий крест –
Кому-то, может, надоест,
А может, и спасёт кого-то.*

**Лидия
ПЕРЦЕВА**

* * *

*Блистающий ангел-хранитель
Приставлен с высоких небес.
Незримый он мой повелитель
За правым плечом, слева – бес...*

*Крещусь и шепчу я молитвы
Тому, кто так светел и бел.
Но поле решающей битвы
В грехах от неправедных дел.*

*И черные, белые клетки
Устлали его, как в игре,
Где голый король, королева и детки,
Мечтают о лучшей поре...*

Лидия Перцева родилась в г. Йошкар-Ола, выросла в Ленинграде, где окончила университет. С 1978 г. живёт в Тамбове.

Стихи пишет с детства, публиковаться начала в 1986 г. Автор 4-х поэтических сборников.

Член Союза писателей России с 1997 г.

ХРИСТА РАДИ

*Туркменка, может быть, цыганка,
Вокруг гурьба детишек, медь.
Сидит на коврике южанка:
– Не дайте, люди, умереть...*

*И тянет руку к подаянью,
И все помянет Христа.
Не дашь – в сердцах обложит бранью.
Уж так ли скорбь ее чиста?!*

*А этот с красным носом, в тряске –
Посталкогольный, знать, синдром.
Проходим врет бесстыдно сказки
О бедах, про сгоревший дом.*

*И тоже просит подаянье,
В предожиданье – опохмел!
Идуцим в церковь – испытанье:
Подать? Пройти?.. Да как он смел*

*Просить у бабушки монетку,
Когда так пенсия скудна?!
Она не ропщет: «Небо – в клетку»,
Ей Божья Истина видна.*

*У милосердного народа,
В ком православья дух силен,
Ведется так из корня рода –
Отдай последнее, поклон...*

* * *

Глаза открыла поутру –
 Благословение беру.
 И, осенив себя крестом,
 По сердцу бью себя перстом.
 Господь, на день благослови,
 С добром, в смиренье и любви
 Дай в благодати день прожить,
 Чтоб в вечной жизни не тужить,
 Воздушных избежать мытарств,
 Попасть в одно из лучших Царств,
 Что раем названо людьми,
 Своей рукою осени...

* * *

Обниму обеими руками ствол березы
 И прильну щекой к её теплу.
 С соком вперемежку хлынут слезы,
 Я смолою шрамы сердца исцелю...

Сколько ей досталось от рожденья –
 Черный след на белом полотне,
 С рождества России до паденья –
 Не осилить разумом вполне...

А она стоит надежным шпилем,
 Крону устремляя в небеса.
 И таким родимым, чем-то очень милым
 Трогает меня её краса.

* * *

*Ходит гром да по горам,
По лужочку возле хаты.
Очень страшно в доме нам
Слушать грозные раскаты.
Стрелы молний сквозь дожди
Разрезают хмарь и тучи.
В эту пору не ходи,
Мой дружок, из дома лучше.*

* * *

*Снизошла на сердце нежность,
Приласкала, затомила.
Грубость жизни – неизбежность –
Убивает то, что мило.*

*В ожиданье – воротится
Нежность – хрупкое созданье,
Зачерпнет святой водицы,
Окропит для созиданья.*

*Вновь услышу сладкий запах
Мироточащей иконы,
На еловых колких лапах
Колокольцев перезвоны.*

*Богородица с покровом,
Солнцеликая невеста,
Нежность в души льет со Словом,
Остальному нет и места...*

БОГУ МОЛЯТСЯ

*Опушенные снегами,
Богу молятся леса.
В их безмолвно белой гамме
Непорочная краса.*

*Приклонивши долу кроны,
А верхушки ввысь стремя,
Бьют земные, бьют поклоны,
Молит Господа земля.*

*И паломник в хоре молит:
«Святый Боже, мя прости».
Знать, на то Твоя есть воля
В монастырь свой крест нести,*

*Приклонять к святым колена,
Покаянно слезы лить,
И у них всеискупленно
Грешным помощи просить.*

О БЕЗДАРНО ПРОЖИТОМ ДНЕ

*Я поминки устрою по дню,
Безвозвратно ушедшему в лету,
И улыбку с лица прогоню,
А печаль по угасшему свету*

*Расплескаю в душе и вокруг.
Упокою в листке календарном,
Соберу и родню, и подруг,
Расскажу о прожитом бездарном.*

*На канун я поставлю свечу,
Отстою литию, панихиду,*

*Три минуты в мольбе помолчу,
А слезу уроню не для вида...*

*Сожаленья свеча догорит,
Укореньем молчанье прервется,
Совесть исподволь заговорит,
Вслух напомнит – потерей зовется...*

*Покаянный канон отзвучит
По пустому, «почившему в бозе»,
Сон прервется в ненужной ночи
Без стихов, в ненаписанной прозе...*

*Успокоюсь – не даром живу,
День, конечно же, не бесконечность,
Наверстаю, взойду наяву
На вершину, где спрятана вечность.*

*Но она рассмеется в ответ:
«Как песчинка, сквозь пальцы упало
Твое время, его уже нет.
А всего-то чуть-чуть не хватало...»*

*** * ***

*Дождик, дождик – кап-кап-кап!
Капает на крыши.
Эти мокрые «кап-кап»
Мы сквозь окна слышим.*

*Монотонные стучат
К нам в стекло дождейки,
На реснички у ребят
Сели сна картинки.*

*И под дождик сладко спят
Взрослые и дети,
Сны, конечно, у ребят
Лучшие на свете.*

* * *

*Всё-то просим Господа:
– Господи, нам дай
Блага всевозможные,
На земле бы рай...*

*Хвори нас бы минули,
Детям преуспеть,
Чтоб друзья не сгнули,
Жить да песни петь.*

*И не скажем: – Господи!
Забери, что есть,
А оставь нам, Господи,
Крест, Отчизну, честь,*

*Молитвы окаянных,
Бденье до зари...
Душу покаянную,
Господи, бери.*

*Сердце расширяется
От большой любви,
Все, что причитается,
Боже, обнов...*

* * *

*«Без вести пропал... Без вести пропала...»
Как же, эта «весть», ты меня достала!
Без вести страна ты моя пропадающая,
Я живу сегодня, но уже вчерашняя.*

СПОР С ДАРВИНИСТОМ

*Мы все, сознаемся, не без изъяна,
На эволюцию различен взгляд.
Нет, я – от Бога, ты – от обезьяны,
Но Богоданной жизни каждый рад.*

* * *

*Соберу любовь ту, что расплескала,
Соберу любовь ту, что потрачена,
Предвнесу любовь Божьего начала,
Да и ту любовь, что мне предназначена.*

*Насажду сады радости-печали,
Орошу слезьми счастья и страдания,
И взойдут ростки, слабые вначале,
Расцветут цветы самосозидания*

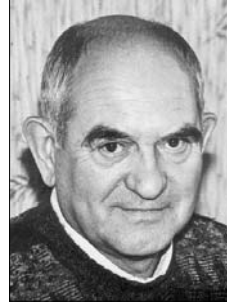
*Красоты невиданной средь уродства,
Принесут плоды горечи и сладости,
В поиске дорог, тропкой благородства
К озеру приду несказанной радости,*

*В зеркало взгляну живоносной глади,
Мудростью вод очи просветляются.
Влюблена я в жизнь, света её ради,
А любовь с потерями не считается.*

*От ошибок боль проходи-ка мимо,
Памятью и нежностью я напоена,
Даже в одиночестве, пусть незримо,
Быть в любви счастливою удостоена.*

*Воды того озера – мёды в соты,
Изольют любовь от веков вселенскую.
Детям передам все её щедроты –
Скрасьте, деточки, долю мою женскую.*

Евстахий НАЧАС

* * *

*Январь – и в берендеевских одеждах
стоят великорусские леса.
Я разным был в своих земных надеждах
и разные я слышал голоса.
Я помню свою первую дорогу,
а о последней думаю с тоской,
но одному всю жизнь молюсь я Богу
и в тишине, и в суете мирской.
Я с ней менялся, как леса меняют
свою листву, но не судьбу свою:
пусть в январе метели донимают,
зато в июне птицы гнезда вьют.
Пусть часто где-то веточка ломалась
и вянула до срока резеда,
зато не раз сквозь тучи пробивалась
высокая библейская звезда.
Я разным был: то нежным, то ранимым,
и если пил, то пил всегда до дна.
Я разным был, одним лишь было имя,
и это имя знала ты одна.*

Евстахий Начас родился в 1940 г. на Украине. Вся его сознательная жизнь связана с Тамбовщиной. В настоящее время работает редактором областной газеты "Наедине". Заслуженный работник культуры РФ.

Публиковался в центральных газетах и журналах, коллективных сборниках. Автор шести поэтических книг.

Член Союза писателей России с 1995 г.

* * *

Жизнь на земле – всегда дорога к раю,
 хотя мы и не верим в чудеса,
 но ту дорогу мы не выбираем,
 Ее нам выбирают небеса.
 В такое верить многим не по силам.
 И это, видно, самый тяжкий грех,
 о чем бы плоть без веры не просила,
 она обречена на неуспех.
 И в этом вся загадка и разгадка,
 причина пробужденья поутру.
 Порой не все в судьбе бывает гладко,
 ты падаешь, как в черную дыру.
 Тебя терзают разные болезни,
 ты веки открываешь, чуть дыша.
 На деле телу боль всего полезней,
 поскольку очищается душа.
 Без очищенья болью нету смысла
 пытаться что-то каждый раз понять.
 Вот снова в небе радуга повисла,
 чтоб в высоту свет луговой поднять.
 А перед этим землю гром дубасил
 и все вокруг окутывала тьма,
 как терриконы темные в Донбассе,
 грусть навевали мокрые дома.
 И как после библейского потопа
 вокруг стояла мутная вода...
 Забыли, как в лесу ходить по тропам,
 но понимали, что не навсегда.
 Дай срок – и небо снова прояснится,
 пока мы верим – мы не пропадем...
 И к раю надо все-таки стремиться,
 хотя туда мы все не попадем.

Я непонятным гулом был разбужен,
 как будто террорист взорвал фугас,
 я был один и никому не нужен,
 но сам Господь меня зачем-то спас.
 О чем-то ветер с темнотой в подъезде
 сердито толковали на басах.
 Я был один – жена была в отъезде,
 а мать и брат – давно на небесах.
 При жизни не уходят от расплаты,
 и на земле вершится Божий суд,
 наверно, громовислые раскаты
 кому-то наказание несут.
 А в небесах гремело и гремело,
 как будто кто-то скалы там взрывал
 и камни по их склонам обгорелым
 всё скатывал и скатывал в завал.
 А темнота была плотней перкали –
 порвать захочешь и не разорвешь,
 но в ней такие молнии сверкали,
 что брось иголку в стог, и ту найдешь.
 Я был напуган предрассветным громом,
 и не случайно, честно говоря:
 он в небесах взрывался по-другому –
 гроза была в начале октября.
 Такой грозы давно мы не слышали,
 хотя почти все лето дождик вис.
 Зарницы над Тамбовом полыхали
 и ослепляли город сверху вниз.
 Как будто в небе шла электросварка,
 которая вот-вот его снесет,
 и после каждой вспышки сине-яркой
 казалось – темнота раздавит всё.
 Жаль расставаться с миром окаянным,
 хотя на свете есть всему предел.
 Мне жаль вдвойне – я душу к покаянью
 пока что подготовить не сумел.

ЛЕРМОНТОВ В ТАМБОВЕ

«...Хотя Тарханы в Пензенской губернии...
но на Пензу ехать с лишком двести верст крюку,
то из Москвы должно ехать на Рязань,
на Козлов и на Тамбов,
а из Тамбова – на Кирсанов в Чембар...»

В. Пешков

(«Страницы прошлого читая...»)

I

*Поэты оставляют след и свет,
и надобно искать их в каждом слове...
Ни писем, ни бумаг казенных нет,
что был наследник Пушкина в Тамбове.
Но вел его неумолимый рок,
от рока и любовь спасти не в силах.
В России есть пути, но нет дорог -
метель всегда их снегом заносила.
В России человек всегда мишень
для вьюги и для пули – всё найдется...
Письмо читает бабушки Мишель –
никак внучка старушка не дождется.
Любила внука за отца и мать,
да так, что не могла им надышаться...
Родимый дом так трудно оставлять,
еще труднее к дому возвращаться.
Москва, Рязань, Тамбов, потом Чембар,
через декабрь и снежные барханы.
Спешит корнет лейб-гвардии гусар
в святую колыбель – свои Тарханы.
Арсеньева такой укажет тракт –
и Лермонтов, я верю, им поскачет.
Жизнь гения – всегда с судьбой контракт,
в котором случай очень много значит.
Сугробы, как морозные стога,*

над стылою дорогою повисли.
 Высокие, с поземкою, снега
 теснятся как и лермонтовские мысли.
 В колючем серебре Татарский вал
 вплотную подойдет к большой дороге,
 ему напомнит он молчанье скал,
 Кавказские далекие отроги.

II

Деревни – то левой, а то правей –
 заложницы российского простора.
 Вот и Тамбов, вот маковки церквей,
 горят на солнце купола собора.
 Здесь пригласит поэта на ночлег
 Грузинов – «муз прилежный обожатель»,
 и будет дом качаться, как ковчег,
 но вместо Ноя – милый провожатый.
 Они опять вернутся в пансион,
 в Москву, где он с Иосифом учился...
 Без дружбы – жизнь холодный зимний сон,
 несчастлив тот, кто с дружбой разлучился.
 Они сидели долго за столом,
 пансионеров юных вспоминая...
 По улицам тамбовским напролом
 неслась метель, сугробы подминая...

III

Жить без любви не стоит никому,
 без дружбы жизнь совсем немного стоит.
 Немало лет пройдет, пока пойму,
 что жить в Тамбове – дело непростое.
 Не отличишь канал от Цны-реки,
 как быль от вымыслов новейших,
 и в женщинах, рассудку вопреки,
 тамбовскую ты видишь казначейшу.
 Ведь кто красоток здешних не любил,
 тот к боли никогда не прикасался...
 А то, что Лермонтов в Тамбове был,

я в этом никогда не сомневался.
 Узнал «интриг секретных шесть иль пять»,
 узрел «головки милой профиль нежный...»
 Отсюда до Тархан рукой подать,
 неполный день езды дорогой снежной.
 Он был не только гений, но пророк,
 таким глядит на нас он с монумента...
 Насколько был велик при жизни рок,
 настолько велика теперь легенда.

* * *

Ворон каркнул на ольхе –
 испугался иль проснулся,
 пребывая во грехе,
 я от крика содрогнулся.
 Я ответа не найду,
 что же было в этом крике?
 Может, он опять беду
 на судьбу мою накликал?
 Может, новую напасть
 он накаркал всей России?
 Нынче трудно не пропасть,
 если нет в душе Мессии.
 Если Бога в себе нет –
 и в других не любишь Бога...
 Ворон каркнул – снег, как свет,
 потемнел вдруг у порога.
 Над землей чернела ночь,
 все деревья в ней провисли,
 но, как прежде, гнал я прочь
 угнетающие мысли.
 Ворон знает, да не всё,
 много долгих лет вещая...
 Утро день нам принесёт,
 свет надежды возвращая.

* * *

Говорят, что мы с тобой похожи,
 и находят общие черты.
 Ничего такого – всё быть может,
 всё быть может у такой черты.
 Всё быть может, сорок листопадов
 нам судьба успела подарить,
 и листвой в тамбовских палисадах
 нам дорогу к загсу озарить.
 Помню, как с улыбкой ты глядела
 на прохожих, что встречались нам...
 Вот и жизнь, родная, пролетела,
 дни листвой осыпались к ногам.
 Золотятся листья за оградой,
 как тогда, вдвоём идем к реке...
 Мы всегда с тобою были рядом,
 даже если были вдалеке.
 Только рано годы нам итожить,
 этот срок ещё не подошёл...
 Мы-то знаем, в чем с тобою схожи,
 и не только внешне, но душой.
 Даже если лес с тобою рубим,
 щепки не летят давным-давно.
 Говорят, мы те, кого мы любим,
 и другого Богом не дано.

* * *

Мне кажется порой – все это снится,
 а я на сны был с детских дней богат,
 что я вхожу в осенние светлицы,
 порог переступая наугад.
 В светлицы, что открыли мне березы,
 их много среди русских деревень.
 У всех свои невыплаканные слезы,
 свой оберег на каждый черный день.
 И верится, что в жизни все устроится,
 настолько вдруг очистилась душа,
 как будто это Пресвятая Троица
 прошла со мною рядом не спеша.
 В рябиновых светлицах свет струится
 от алых ягод, как от угольков,
 еще октябрь, их не склевали птицы,
 и до зимы еще так далеко.
 Они на каждой веточке повисли,
 над каждую рябиной вижу нимб.
 Я здесь не раз ловлю себя на мысли,
 что тьму в конце концов мы победим!

* * *

Весенние ветры меня не щадят;
 уж так каждый год повелось:
 на всех перекрестках, на всех площадях
 я слышу, как пахнут колосья.
 Как пахнет трава молодая и как
 нам пахнет звездюю криница,
 лесом – далекая Ворскла-река,
 степью – густая пшеница.
 Я слышу, как пахнут соцветья гречих, –
 то запах земли, где родился...
 Там травы в июле теплы, как лучи

земли, от которой отбился.
 Ушел за любовью, ушел без следа,
 напившись горстями у брода.
 Но где бы я ни был, я помнил всегда,
 что я из кобзарского рода.
 Я помнил стрижей отраженья в реке
 и теплые ливни косые.
 Но встретил любовь я в лесном далеке,
 посередине России.
 Где звезды мохнатые в каждом селе,
 как пчелы, бродящие в сотах.
 Я многим обязан тамбовской земле,
 я видел добро и заботу,
 прирос к ее травам,
 сроднился я с ней,
 как с берегом вербная ветка...
 Так пусть же меня не щадят по весне
 нездешние гулкие ветры!

* * *

Когда нету ни ладу, ни толку,
 когда смута в сердцах и умах,
 можно всем объявлять голодовку,
 хлеб насыщенный гноя в закромах.
 Можно хаять отцовские вехи,
 бастовать от зари до темна.
 Только в этом немного утехи,
 в этом – наша беда и вина.
 Можно верить в чужую жар-птицу,
 но поймать ее нам не с руки,
 без труда ничего не родится –
 сами всходят одни сорняки.
 Объявлять себя можно Мессией,
 только надобно помнить притом –
 все попытки лукавить с Россией
 никогда не кончались добром.

* * *

*Терновник на ветру заиндевелом
полураспят, от боли почернел.
Ни помыслом, ни словом и ни делом
не поступлюсь, не хватит ночи мне.
Не хватит дня, чтоб недруги и други
смогли понять меня, потом забыть...
На пепелище среднерусской вьюги
меня оплакивала в поле неясить.
А вьюга шелестела, как осина,
и холод шел от неба до земли,
снега вокруг смыкались, как трясина,
да только вот сомкнуться не смогли.
Сосульки вбиты в тишину, как гвозди,
но пахнет южным ветром в камыше,
в терновник падают ночные звезды
и долго-долго светятся в душе.
Не заблудиться мне в просторе белом,
сияет солнце маковым цветком,
ни помыслом, ни словом и ни делом,
ни с кондачка, тем более тайком
не очернил я прожитые годы,
что были и светлы, и непросты...
Встречались мне не только солнцевсходы
но и терновника распятые кусты.*

* * *

Прошлое – у белых лебедей,
 прошлое – у белой повилки.
 Прошлое бывает у идей,
 пусть у самых смелых и великих.
 Прошлое бывает у лесов,
 осень их горит, не затухая.
 Прошлое из многих голосов
 все кричит во мне, не затихая.
 Прошлому не скажешь: все, бывай,
 как не разведешь беду руками.
 Никогда нигде не забывай
 все, что было в прошлом между нами.
 Помни все, я так тебя молю,
 что бы там судьба ни городила,
 если скажешь: я тебя любила,
 это значит – больше не люблю.
 Обновив иль форму, или суть,
 снова в рост идея поднималась...
 Но любовь из прошлого вернуть
 никому пока не удавалось.

Николай НАСЕДКИН

ДЖУРОБ (JUROB)

Сцены виртуальной жизни
в 20-ти гликах *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИКОЛАЙ НАСОНКИН, «чайник»; 25 лет.

АННА, его жена; 25 лет.

ДЖУЛИЯ РОБЕРТС, голливудская суперзвезда; 22-32 года.

АРКАДИЙ ТЕЛЯТНИКОВ, поэт; 60 лет.

ВОВАН СКОТНИКОВ, брат Анны; 20 лет.

СНЕЖАНА МИЛОВИДОВА, редактор университетского издательства (коллега Насонкина); ей под 30.

БОМЖ, БОМЖИХА, ПРОДАВЩИЦА, ОФИЦИАНТ, БЕЛОБРЫСАЯ ДЕВУШКА и другие жители города Баранова.

* Глик – неологизм автора, получившийся в результате совокупления словечек «клик» и «глюк». Причём «глюк» не только в компьютерном смысле...

Николай Наседкин – прозаик, литературовед, драматург. Родился в Сибири в 1953 г. После окончания Московского университета с 1982 г. живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём» и др. Автор 11-ти книг, вышедших в основном в Москве.

Член Союза писателей России с 1994 г.

Пьеса «Джуроб» стала дипломантом Международного драматургического фестиваля «Любимовка-2004».

Глик первый

Однокомнатная квартира Насонкиных. Компьютер на отдельном столике (рядом — обложка журнала с портретом Джулии Робертс), телевизор, стеллажи с книгами, стол, стулья, кресла и пр. НАСОНКИН сидит перед компьютером, смотрит зачарованно на экран, то и дело кликает мышкой. На мониторе один за другим появляются изображения Джулии Робертс. Разворачивается к зрителям (кресло с высокой спинкой, вертящееся, на колёсиках).

НАСОНКИН. Я, конечно, сумасшедший. Пусть! Тем и лучше — хоть какое-то объяснение... (*Трёт ожесточённо лоб.*) Впрочем, надо попытаться с начала — ab ovo. Иначе даже чёрт ничего не поймёт. Да и самому надо всё разложить по полочкам, разобраться-вдуматься — может, всё не так дико и фантастично, как мне мнится-кажется?

А началось всё 6-го марта 98-го года — уж это я запомнил твёрдо. Я впервые увидел тогда «Красотку». Да, да! Раньше, до этого, я никогда и ничего не слышал об этом фильме. Вот что значит не иметь в доме видака и полностью зависеть от телеящика, от наружной общей антенны, которая ловит только первый и второй каналы. Больше того, я даже имя Джулии Робертс до того дня практически не знал, не слышал. Ну, что делать — лох! Одним словом, когда в телеанонсе накануне я услышал, что, дескать, завтра, в пятницу, будет крутиться знаменитый фильм-блокбастер с самой известной и неподражаемой звездой Голливуда Джулией Робертс в главной роли — я принял это, естественно, за обычный рекламный трёп. Представить дико: я вовсе и не собирался смотреть этот так нагло рекламируемый, как тогда думал, фильм!

День 6-е марта был дурацким, нервомотательным днём. (*Пересаживается за большой стол.*) Лил-хлюпал за окном нескончаемый дождь, я на работе читал-редактировал пухлый кирпич кандидатской диссертации аспиранта со спортфака (*берёт лист бумаги, читает*): «...круглый полуприсед дугой внутрь, выкрут мяча наружу, разноименный поворот на 360 градусов и передать мяч за спиной в левую руку с вывертом обратной плоскости ладони...» Бр-р-р!.. Я вылизывал-редактировал этот физкульт-бред целую неделю, автор торопил-подгонял меня каждодневными звонками

ДРАМАТУРГИЯ

— это было первое моё серьёзное задание в издательстве, и я вымотался донельзя. Когда в полседьмого вечера я очутился дома, заляпанный по пояс грязью и по самое горло делами-заботами, то вспомнил, что Анне-то своей я так и не купил даже букетика мимоз, и теперь придётся выбираться за ним под дождь завтра, в самый канун праздника. Чтоб все эти дурацкие праздники провалились куда-нибудь на фиг!..

Без скандала не обошлось: Анне Иоанновне моей не понравилось, что я «размочился» до ужина, что добавлял во время оно.

Пересаживается в кресло к телевизору. Появляется Анна, устраивается с вязанием на втором кресле. Насонкин отхлёбывает из банки какую-то гадость — джин с тоником или водку с клюквой.

АННА. Не нахлебался ещё? Деньги лишние завелись?

НАСОНКИН. Анна Иоанновна (*В сторону зрителей*: Терпеть не может, когда я так её зову!)... Анна Иоанновна, это ж я из уважения к вам, к бабам-с! Я за вас готов пить всегда и везде, не дожидаясь пошлых поводов! Что касаемо растрат, то я уже второй месяц, как вам известно, зарплату получаю и впредь надеюсь получать, так что — неужто не прорвёмся?

АННА. Зарпла-а-ату... На твою зарплату проживёшь, куда там!

НАСОНКИН. Ну, во-первых, моя зарплата всё-таки больше твоей аспирантской стипухи. Во-вторых, братан твой за честь должен почитать и дальше нам вспомоществовать, ибо, как и любой «новый русский», только возвращает нам у нас же и отграбленное. Ну а, в-третьих, если Вован твой Иванович и вправду не врёт как сивый мерин и если на самом деле подарит нам к пятилетию совместной жизни комп, то я уже с понедельника начну грести деньги лопатой — буду набирать и распечатывать тексты мегабайтами и килотоннами...

АННА (*фыркает*). Ну уж!.. (*Выходит на кухню.*)

НАСОНКИН (*зрителям*). Да, да, Джулия и компьютер в жизнь-судьбу мою вошли практически одновременно — вот в чём символика и таинственный код дальнейших событий, вот в чём суть. А не в наших глупых, надоевших, бесконечных, бессмысленных и пошло-обыденных ссорах-препирательствах двух нищих, уставших от бытовухи и друг друга, преждевременно старящихся лю-

дей. А ведь нам обоим было тогда всего по двадцать три, и мы всего пять лет как жили вместе, казалось, вчера только мы были первокурсниками, шумела наша разгульная студенческая свадьба, были безумные бессонные ночи с изматывающими до сладостного изнеможения переплетениями тел... (*Задумывается.*) Хотя, стоп: про «переплетения» я перебарщиваю. С «переплетениями тел» в семье нашей с первых дней была-ощущалась напряжёнка. Влюблённость была, секс был — переплетений и страстных стенаний не было. Вместо стонов сладострастия были охи-ахи страхов-опасений: как бы нам не забеременеть да как бы скрип супружеского нашего дивана-развалюхи соседи через стенку не слышали...

Включает телевизор. Усаживается поудобнее, гладит кота на коленях, как бы машинально отхлёбывает ещё несколько глотков пойла. На экране начинается фильм «Красотка».

НАСОНКИН (*зрителям*). Что поразительно — Джулия Робертс поначалу не произвела на меня особого впечатления. Да-да! Не знаю, была ли это задумка с белым париком удачным ходом режиссёра или так случайно получилось, без умысла, но я впоследствии убедился: Джулия-блондинка, если можно так выразиться, *менее* Джулия Робертс, чем Джулия рыжеволосая. Хотя, как я уже вскоре узнал, от природы она была светлой шатенкой — что ж, и природу можно удачно корректировать. Не вызвал поначалу симпатии, само собой, и проститутский имидж её героини — вихляющая тазобедренная походка, юбочка по самое не могу, блядские ботфорты до подмышек, нагловатый *скоромный* взгляд... (*Мечтательно, с восторгом комментирует происходящее на экране.*) Но какое-то непонятное — томительное — волнение я почувствовал в сцене, когда Ричард Гир отрывается наконец от деловых бумаг и начинает заинтересованно, по-мужски, смотреть на безудержно хохочущую на ковре перед телевизором Джулию. И вдруг как начало меняться лицо её, как зримо, физически, начал умирать-затихать смех в её горле, и вот её губы, её невероятно большой, почти арлекинский, но прекрасный чувственный рот закрылся, погасив-спрятав до конца и улыбку, а в глазах, в темноте бездонных зрачков появились отблески лёгкой досады, неизбывного стыда-смущения и, вместе с тем, ощущения своей силы, своей власти над самцом, сознания, что власть эта через минуту станет беспредельной, безграничной...

И когда Джулия на коленях, нет, даже, скорее — на четвереньках, по-самочьи, подползла-приблизилась к Гиру, расстегнула пуговицы своей блузки, показала-выставила на обозрение скромный чёрно-белый лифчик, скрывающий явно небольшую, совсем девчоночью грудь, вдруг так остро захотелось, чтобы она взяла, да и рассмеялась в лицо этому проклятому самцу-миллионеру, снова наглухо зашторилась-застегнулась, швырнула ему в лицо его паршивые вонючие баксы и с высоко поднятой головой ушла на своих фантастически длинных «гордых» ногах прочь и подальше. Но вместо этого Джулия вдруг начинает копать пальцами в районе ремня и ширинки-гульфика Гира, всё там рассупонивать-расстёгивать... Она заглядывает ему в глаза и, опять же через силу, как мне показалось, спрашивает (*из телевизора громко*):

— Что ты хочешь?

— А что ты делаешь? А что ты умеешь делать?

— Всё... Но я не целуюсь в губы...

НАСОНКИН (*зрителем с горечью*). И тут она недвусмысленно склоняется, скользит губами по его животу, потом всё ниже, ниже... Я невольно сжал-стиснул Баксика так, что котяра, бедный, рывкнул со сна и спрыгнул, ошарашенный, на пол. Я смотрел на лицо Ричарда Гира, который похабно закатил глаза от удовольствия, чуть не пристанывая, и мне было до того горько и обидно, было так чего-то до ноющей боли в паху жаль, что я скрипнул зубами. Ну ладно бы какая-нибудь сексапильная эксгибиционистка Шэрон Стоун или похотливая сучка Ким Бессинджер в этой сцене снималась — приятно было бы посмотреть. Но эта-то, эта-то Джулия — как её там? — Робертс, с её милым обликом, её добрыми, уже совсем не стервозными глазами, с её простодушным ртом, её невероятным завораживающим открытым смехом — ну зачем, зачем она на такое непотребство согласилась-пошла? Ведь это всё равно как если бы Одри Хепбёрн в «Римских каникулах» начала Грегори Пеку ширинку тереть-расстёгивать...

Потом до конца фильма я сидел, вцепившись в подлокотники кресла, словно во взлетающем бесконечно самолёте, и молил Бога, чтобы Анна моя со мной не заговаривала даже и во время рекламных пауз-антрактов. В иные моменты я, если продолжить сравнение с самолётом, словно ухал в воздушные ямы, чуть не до душевного оргазма — когда, например, Джулия впервые вышла-показалась без светлого

парика, встряхнула головой, размётывая по плечам прекрасную свою тёмно-червонную гриву, и зачем-то, как бы извиняясь, мило пояснила-призналась (*голос Джулии из телевизора*): «Рыжая!..» Или когда она у лифта, собираясь уходить прежде времени, после ссоры, но уже и поддавшись на уговоры остаться, говорит Гиру с укоризной (*из телевизора*): «Ты обидел меня? Больше так не делай...» И особенно — когда крупным планом показывали её ангельски красивые и чертовски умные глаза и когда через голос дублёрши-переводчицы прорывался её доподлинный необыкновенный колдовской смех (*смех Джулии из телевизора*) — за один этот смех можно было влюбиться в Джулию не глядя! Одним словом, она вошла-проникла в жизнь мою, в моё сознание, заполнила всё моё естество томительной болью-сладостью, словно сильное наркотическое опьянение. Моя жизнь с этого вечера разделилась на «до» и «после»...

Я влюбился в Джулию Робертс — влюбился всерьёз, влюбился отчаянно, влюбился безудержно, влюбился сумасшедше, влюбился глупо, влюбился патологически... Без-на-дёж-но!

АННА (*заглядывая на секунду в дверь*). Ты ещё биографию её расскажи!

НАСОНКИН. И расскажу! Только сначала о братце твоём пару слов. (*Зрителям.*) Через день, как уже упоминалось, я стал компьютеровладельцем, чайником. Мой, выражаясь замшелю, шурин ВОВАН (выбрали же предки имя — как предчувствовали!), несмотря на свои сопливые 20 лет, уже принадлежит к клану нынешних хозяев жизни. Он — крутой. Еле-еле кончил семь классов в своей деревне, перебрался в город, фарцевал-спекулировал, откосил от армии (я и сам не служил, но вполне честно — по здоровью), заделался вскоре совладельцем фирмы «Хакер» по продаже компьютерного железа, и вот теперь, пожалуйста, ездит-рассекает пацан на джипе «Гранд-Чероки», голова-тыковка всё время скособочена к плечу, мобильник зажимает, барсетка у него размером с портфель и набита под завязку баксами-капустой, говорит он со мной, уж разумеется, через губу, забыв, козлёнок, как я ему совсем ещё недавно сопли утирал и от дворовых малолетних рэкетиров спасал-отмазывал. Да чёрт с ним! Я ему не завидую. Я всем им, этим бритоголовым Вованам, не завидую: век их недолог — и в прямом, и в переносном смыслах. В принципе, я должен быть шураку своему и благодарным — он действительно подкидывал сестре матпомощь довольно регулярно и вот даже разорился на компьютер — ей для диссертации, мне, зятю, для приработка:

сколько ж можно из него, Вована, соки тянуть! (*Подсаживается к компьютеру.*) И вот я построил здесь для Джулии виртуальную квартиру, а вход перекрыл кодом-паролем — «jigob». Джуроб! Звучит как заклинание. Да, это волшебное, изобретённое мною слово «джуроб», словно сказочно-аладинское «сим-сим», открывало мне вход в пещеру... Нет, неправильное, тривиальное сравнение! Наоборот, этот логин-ключ открывал мне выход из тесной пещеры земного обыденного бытия в космический мир виртуальной свободы и неземного счастья. Мир, где была Джулия, Джулия, Джулия!.. (*Мечтательно закрывает глаза, затем встряхивается.*) А что касается биографии... (*Кликает мышкой.*) Вот, пожалуйста, целое досье (*читает с экрана*):

Имя: Джули Фиона Робертс (имя Джулия взяла, начав сниматься в кино).

Дата рождения: 28 октября 1967 года. (По знаку Зодиака — Скорпион).

Место рождения: город Смирна, штат Джорджия, США.

Родители: Бетти Моутс (работала секретарём в церкви), Уолтер Робертс (продавец пылесосов, умер в марте 1978 года от рака); и мать, и отец страстно любили театр, были самодеятельными актёрами.

Родные: брат Эрик — актёр, сестра Лиза.

Внешние данные: рост — 175 см, вес — 53 кг, глаза карие, волосы от природы светлые (во что верится с трудом!), но чаще — рыжие; левша.

Хобби: вязание (ха-ха!), кулинария, чтение, сочинение стихов, благотворительность.

Недвижимость: квартира в Нью-Йорке, дом в Лос-Анджелесе, ранчо в 50 акров земли в Нью-Мексико.

Домашние животные: семь собак и шесть лошадей.

Мужики: БЫВШИЙ МУЖ — певец и композитор Лайл Ловетт; ЖЕНИХИ — актёры Дилан Макдермотт, Кифер Сазерленд, Джейсон Патрик, голливудский спортивный тренер Пэт (Паскуаль) Маноччия, Бенджамин Брэтт; ПРОСТО БОЙ-ФРЕНДЫ — Лайам Ниссон, Ричард Гир, Дэниэл Дэй-Льюис, Шон Пенн, Итон Хоук, Мэтью Перри, Росс Партридж; ПОД ВОПРОСОМ (под во-про-сом!) — Хью Грант, Мэл Гибсон...

Первая значительная роль: 1988 год — красавица-португалка Дейзи в картине «Мистическая пицца». Ещё большей удачей в её кинобиографии стала роль в ленте «Стальные магнолии», 1989-й. Но подлинный триумф — образ юной проститутки Вивьен, созданный Джулией в фильме «Красотка» /«Pretty Woman»/ — 1990 год.

С тех пор снялась ещё в 25-ти фильмах, из которых самые удачные: «Коматозники», «В постели с врагом», «Дело о пеликанах», «Есть о чём поговорить», «Свадьба моего лучшего друга», «Мачеха», «Ноттинг Хилл», «Сбежавшая невеста», «Эрин Брокович».

Награды: четыре «Золотых глобуса» (премия американской кинокритики) за роли в фильмах «Стальные магнолии», «Красотка», «Свадьба моего лучшего друга» и «Эрин Брокович». За Эрин Брокович получила и «Оскар» (до этого выдвигалась дважды). Между прочим, за эту же роль получила и рекордный для Голливуда гонорар — 20 миллионов долларов!

Ещё? А вот, к примеру, фразы-фразочки из журналистских опусов о Джулии:

– Робертс часто называют недоступной, хотя, по её собственному признанию, купить её можно за один доллар — главное, чтобы ей самой захотелось продаться...

– она заводит друзей во время утренней пробежки в парке и может пригласить на ужин человека, с которым познакомилась за пять минут до этого, выгуливая собаку...

– у неё самый большой в Голливуде рот, самые длинные волосы, самые длинные ноги, самое большое обаяние...

– никто не сомневается, что Джулия Робертс — самая яркая, самая популярная, самая блистательная и самая красивая звезда Голливуда...

– её считают серийной разбивательницей сердец...

– она заводит романы со всеми партнёрами по работе, независимо от их внешности и возраста...

– когда она входит в комнату с улыбкой, такое впечатление, будто включается свет, а когда уходит — снова выключается...

– Джулия, похоже, так и не научилась до конца различать кино и жизнь...

– её героиня в «Красотке» — это оленёнок Бэмби, заблудившийся в дебрях большого города...

– ни один мужчина не может устоять перед такой фантастически красивой женщиной...

— от Джулии исходит такое обаяние, такая магия, что невозможно отвести глаза. Господи, а ещё когда она улыбается!..

АННА (*из кухни*). Между прочим вчера палиндром один узнала — как раз для тебя: «Венер хотят охренев».

НАСОНКИН. Как? Венер хотят охренев? Ну что ж, охренев так охренев! Зато — Венер! (*Зрителям.*) Жена на полном серьёзе считает, что я уже всех баб от 15 до 50 в Баранове нашем перетрахал-оприходовал, а теперь вот совсем на этой почве свихнулся — о Джулии Робертс возмечтал... А между прочим мой папеч (он у меня с юности графоманствует и сейчас в Штатах проживает), так вот, мой папаня в одной из повестушек отличный афоризм склепал-сформулировал — вот, дословно: «Если во время оргазма не теряешь сознания — для чего же тогда трахаться?» Я, впрочем, смягчил бы по форме, но ещё более ужесточил по содержанию: «Если глюки от поцелуя не ловишь — зачем тогда вообще целоваться?»

АННА (*из кухни*). Что-о-о?

НАСОНКИН. Ничего, дорогая! Я говорю — пропадай моя душа, рвись трусы на ленты!.. (*Зрителям.*) Представляю, как она сейчас скривилась-сморщилась — терпеть не может вульгарный фольклор, её прямо тошнить начинает от народного юмора. Анна моя торчит от текстов Пелевина, Сорокина и прочих постмодернистов-онанистов. А диссертацию, между прочим, Анна моя Иоанновна по Сергееву-Ценскому состряпала. Когда тему для диссертации выбирала, я пробовал пристыдить её, урезонить: мол, если тебе нравится Пелевин, почему бы тебе его не взять или вообще этот вонючий постмодернизм? Как же, пристыдишь...

АННА (*заглядывает в комнату*). Я к родителям в деревню — вернусь завтра к вечеру. Смотри тут у меня... без фокусов!

НАСОНКИН. В добрый путь, м-м-милая! (*Зрителям.*) Супружница-то моя родом из деревни Пахотный Угол, уж чего теперь скрывать-то! И фамилия девичья у неё, промежду прочим, — Скотникова. Но это, опять же, так, к слову. Хотя каламбур-переключка, конечно, получается тот ещё: Анна Скотт — «Ноттинг Хилл»; Анна Скотникова — Пахотный Угол... Сплошное кино, блин! Кстати, думаю, не надо объяснять, что такое «Ноттинг Хилл»? Мне долго не удавалось посмотреть эту картину, а я уже понимал-осознавал вполне, что именно она наиболее сильно разбередит мне тревожно-сладостно душу. И самое обидное было: какие-то чмо отвязные, снобы узколобые, она-

нисты членистоногие уже посмотрели «Ноттинг Хилл», сквозь губу о фильме этом рассуждают, снисходительно эдак похваливают и свою сучью иронию по адресу моей Джулии упражняют-испражняют, а я, как последний лох, сижу перед компом и на их вонючее слово им верю. Подонки! Ну вот, к примеру (*читает с экрана*): «Джулия Робертс поучаствовала в стряпне очередной сказки. На этот раз для мужчин («Красотка» была для женщин). Благодаря ей сказка получилась красивая, качественная, реальная (имеется в виду отсутствие волшебства, взрывов, спецэффектов и натянутого, нереального сюжета). Нереальна сама идея фильма: кинозвезда Анна Скотт влюбляется в парня на улице. Представьте, что с нами будет, если вся мужская часть населения сядет ждать халявного счастья сложа руки? Женщины, вдумайтесь! И если ваш муж (жених) мечтателен, оградите его от этого наркотика!..» А, каково? Писал это, судя по всему, большой хохотун, уже раз пять переболевший триппером, писал с большого бодуна для хохмы и для денег, а какая-нибудь дура, вроде моей Анны, и впрямь воспримет как руководство к действию... Ушла она, что ли? (*Выглядывает в прихожую.*) Ушла. Ну вот и — кайф... (*Достает из книги записку, пересчитывает.*) Вполне... (*Коту.*) Баксик, я к обеду тебе закуски принесу — не грусти!

Надевает куртку, кроссовки. Выходит.

Глик второй

Забегаловка-гадюшник. За столиком сидит НАСОНКИН, потягивает пиво из кружки, перед ним пустой стакан. Наблюдает за парочкой пьяных бомжей напротив.

БОМЖИХА (*пытаясь вырвать из скрюченных грязных пальцев собутыльника одноразовый стаканчик с глотком водки*). С-с-скотина! Скот! А ну отдавай!..

БОМЖ (*щерит чёрные пеньки оставшихся клыков, тянет свободную длань к лицу подруги, но вместо толчка-пощёчины вдруг гладит её по морщинистой грязной щеке и шамкает сквозь тявкающий смех*). Дура, Любка, ш-ш-што ты! Прямо настоящ-щ-щая дурищ-щ-ща!

БОМЖИХА (*замирая, с обидой*). Почему?

БОМЖ (*поёт*). Да патаму шта нельзя быть на швете кращи-и-ивой тако-о-ой!.. («Белый орёл», воспользовавшись оторопью грязной дульцинеи, вырывает из её цепких пальцев свою лапу с драгоценным со-судом, одним махом глотает остатнюю водку, браво крякает, за-

ДРАМАТУРГИЯ

тыкает дыру рта ошмётком застывшего чебурека, с бравадой подмигивает Насонкину.) Вот как с ними, бабами-то, надо!

НАСОНКИН (*зрителям*). Бог мой, да они, поди, в иные горячие минуты ещё и целуются?!

Бомжи исчезают. Появляется АРКАДИЙ ТЕЛЯТНИКОВ, прикид — тинейджерский: светлые джинсы в обтяжку, куртка рокерская с надписью «Playboy», адидасовский колпак-шапочка и мокасины на чудовищных протекторах.

ТЕЛЯТНИКОВ (*во всё горло*). Ха, Коля! Привет, друг, мать твою!

НАСОНКИН. Здравствуй, Аркадий!

ТЕЛЯТНИКОВ. Давно не видались — это ж ни в звезду, ни в Красну Армию! Ты чего такой хмурый? Брось, друг, на хрен! Сегодня праздник — у меня книжка вышла, бляха-муха!.. Щас! (*Устремляется к стойке*.) Я мигом, тонзилит, твою мать!

НАСОНКИН (*зрителям*). По существу, один у меня друг-приятель во всём Баранове и есть — вот, Телятников Аркадий, поэт по статусу и человек хороший по натуре. Он на тридцать пять лет подольше меня живёт на свете, однако ж душами мы, такое впечатление, ровесники, а может быть, он и помоложе ещё меня будет...

ТЕЛЯТНИКОВ (*возвращаясь, кричит*). Вот!..

Ставит на стол четыре кружки с пивом, фольговую тарелочку с сухим подлещиком, усаживается, достаёт-выуживает из-за пазухи бутылку водки и нечто вроде писательского блокнотика в обложке цвета застиранных дамских панталон эпохи развитого социализма.

НАСОНКИН. Ага, как раз... Оторви мне листок — руки вытереть, а то с салфетками здесь напряжёнка.

ТЕЛЯТНИКОВ (*вздымая тетрадочку над грязным столом*). Ты что, мать твою! Это ж — она, моя пятая книга!

НАСОНКИН (*берёт книжку в руки, с удивлением читает*). Клава Г. «Венерические стихи, или Запрезервативье»...

ТЕЛЯТНИКОВ. Ха-ха! Псевдоним, конечно, бляха-муха! Я как бы от имени эротоманки Клавы сочинял...

НАСОНКИН. Но, помилуй, Аркадий Васильич, ведь твой предыдущий сборник назывался, насколько я помню, «Преображенский храм моей души»?!

ТЕЛЯТНИКОВ. Увы! Потому и псевдоним! Иначе, мать-перемать, нельзя! Щас, дружище, только эротика, чернуха, порнуха и прочая такая хренотень спросом пользуется. Про храмы души не покупают!

НАСОНКИН. И что же, много заплатили?

ТЕЛЯТНИКОВ. Какое там, в манду! Пока ни копейки! Сам на издание угрохал две тыщи, у спонсоров навыпрашивал. Но если хорошо продастся — получу чего-нибудь...

НАСОНКИН (*обводит стол руками*). А это?

ТЕЛЯТНИКОВ. Ну, надо же обмыть книжку — обычай, бляха-муха! А финансы жинка оставила, она к дочери в Липецк на месяц укатила, так что я самостоятельный, как хер...

НАСОНКИН. Ну хер так хер — заболтались! (*Поднимает стакашек, придаёт голосу торжественности*.) За твою, Аркадий, новую книгу!

ТЕЛЯТНИКОВ (*плеснул чуток водки на бледно-голубую обложку*). Такой обычай! (*Торопливо глотает водку, запивает пивом, утирает усы, раскрывает книжку*.) Слушай, твою мать! (*Завывая*.)

*...Я тебе отдала,
Что меж ног драгоценно хранилось.
От восторга оргазма
Кружилась моя голова.
По зелёной траве
Я степной кобылицей носилась,
И степной кобылицей
Тебе отдавалась, дрожа...*

А? Как?

НАСОНКИН. Мда-а-а, круто... Я чуть не кончил!

ТЕЛЯТНИКОВ. Ну, мать твою, а ты говорил! Там дальше ещё зашибистее будет — трах-тибидох!

Читает-орёт другие стихи из книжки. Насонкин изо всех сил слушает.

Глик третий

Магазин «Интим». По стенам — календари с голыми красотками в

ДРАМАТУРГИЯ

позах, из-под стёкол витрин торчат жёлтые фаллоимитаторы и розовые вагины всех размеров, мастей и конфигураций... Покупателей нет, ПРОДАВЩИЦА — тётка лет сорока со строгим лицом учительки-классухи или, по крайней мере, продавщицы «Школьника» и совершенно блядским прикидом Вивьен из первых кадров «Красотки» — листает порножурнал, зеваёт. В дверь неуверенно заглядывает поддатый НАСОНКИН.

ПРОДАВЩИЦА. Э, эй, минутку! За вход — пять рублей!
НАСОНКИН. Ни хрена себе, музей нашли!

Достаёт деньги, платит. Тотчас зазвучала-заструилась музыка со стонами и всхлипами. Насонкин, косясь на хозяйку, тупо рассматривает коллекцию товаров. Вдруг страшно чем-то заинтересовался, наклоняется, рассматривает.

НАСОНКИН (*взволнованно*). Девушка, а это что — вот, коробка с надписью «Tactil 2000»?

ПРОДАВЩИЦА. Ну так — комплект для виртуального секса... (*Смерила Насонкина ленивым взглядом от очочков до китайских кроссовок.*) Для него компьютер нужен...

НАСОНКИН. Скажите, пожалуйста, тут указано — 22 у. е. А сколько же это стоит на наши-то?.. Я калькулятор дома забыл.

ПРОДАВЩИЦА. Ну так по курсу, там же рядом ясно указано, по-русски. Смотреть лучше надо, а то — калькулятор какой-то!..

НАСОНКИН (*всматриваясь сквозь приподнятые очки*). Шестьсот шестьдесят рэ. (*Выпрямляясь, строго.*) Если быть точным, мадам, все цены у вас указаны на чистейшем арабском. И это — факт, как говаривал один крутой товарищ-мэн в романе «Поднятая целина» нобелевского лауреата Михаила Александровича Шолохова. Это — во-первых. А во-вторых, с компьютеризацией у нас проблем как раз нету, но есть временные трудности с финансовой наличностью, поэтому мы должны с вами обеспечить кастомизацию на манер Шенгенского соглашения с целью продуктивного диалога-маркетинга. Я надеюсь, это не последний экземпляр «Тактиля»? Последний? Тогда тем более! Завтра я подъеду в это же примерно время с деньгами, и, надеюсь, вы для меня эту вещь придержите-отложите. Вот, на всякий случай, моя визитная карточка...

ПРОДАВЩИЦА (*опунев, читает*). УВД Барановской области. Отряд милиции особого назначения (ОМОН). Заместитель команди-

ра капитан Болучевский Владимир Герасимович...

НАСОНКИН (*зрителям*). Мой автор, я его «убойную» диссертацию только что редактировал. (*Продавщице строго.*) Сразу хочу уточнить: как этот «Тактиль» действует?

ПРОДАВЩИЦА (*суетливо достаёт картонную коробку с обнажённой Синди Кроуфорд на крышке, вынимает диск CD, провода с присосками*). Ну так... (*Вдруг начинает заученно, голосом киборга.*) Детям до 18-ти лет пользоваться «Тактилем» запрещено. Программа TACTIL 2000 создана по трёхмерным технологиям на базе программ типа CONAN и Xing MPEG Player, совмещающая «в одном флаконе» энцефалограф, кардиограф, реограф, полиграф, миограф плюс достижения виртуального объёмного видео и компьютерных игр-симуляторов. Сетчатый шлем из проводов надевается на голову, а контакты-присоски (пять пар) распределяются по схеме: два на ладони, два на щиколотки, два на соски, два на почки, один в район паха и один — в область, извиняюсь, промежности. Перед этим следует полностью обнажиться. Помимо Синди Кроуфорд, в программе предусмотрено тактильное эротическое общение с Памелой Андерсон и Натальей Орейро...

НАСОНКИН. Может, уж тогда и — с Джулией Робертс?

ПРОДАВЩИЦА. Нет, Джулия Робертс в реестр «Тактиля» не входит, но программой предусмотрен монтаж из видео и компьютерных материалов с любой кинозвездой или моделью. Обратите внимание, что параметрами предусмотрено также три скорости виртуального контакта с партнёршей: медленно, нормально и бешено...

НАСОНКИН (*восторженно*). Ну так обращу! Ну так спасибо! Ну так — чао, до завтра!

ПРОДАВЩИЦА (*игриво машет пальчиками*). Гуд ба-а-ай, товарищ капитан!

Глик четвёртый

Издательство. За своими столами напротив друг друга сидят НАСОНКИН и МИЛОВИДОВА. Она красива, одета вызывающе: под полупрозрачной кофточкой отчётливо видна грудь. То и дело странно поглядывает на него, усмехается.

ДРАМАТУРГИЯ

НАСОНКИН. Снежана Витольдовна, может, у меня рога растут? С чего вдруг такое бурное веселье за мой счёт?

МИЛОВИДОВА. Да как раз наоборот, Николай Александрыч, видимо, у вас, вопреки вашим уверениям, мир-лад в семье и бурная любовь... *(Насонкин смотрит, не понимая.)* Хвастаться-то этим нехорошо, Николай свет Александрыч, не по-мужски! *(Указывает пальчиком на его шею.)*

НАСОНКИН *(кидаясь к зеркалу)*. Ни хрена себе!!! *(Бормочет, рассматривая синяки-засосы на шее.)* Вот это Tactil! Вот тебе и милашка Синди — это просто вампирша какая-то!

МИЛОВИДОВА. Ну? Проснулось-таки в вашей Анне Ивановне наконец либидо?

НАСОНКИН. Какая там, к чёрту, Анна Ивановна!.. *(Вдруг неожиданно для самого себя становится перед ней как бы на колени, кладёт руки на её обнажённые ноги, заглядывает глубоко в глаза.)* Слушай, Снежана!..

МИЛОВИДОВА. У-у-у! А вот этого не надо! *(Снимает его руки с колен.)* Николай, знаешь, в чём заключается характерная особенность умных людей?.. Они не делают глупостей. В том числе и — не влюбляются. Если ты вздумаешь вторгнуться в меня всерьёз и по уши — твоё дело. Но на взаимность не рассчитывай. Я уже обожглась раз — сыта по горло... И вообще, если начистоту и чтоб все точки над дурацким і расставить: я считаю, что для здоровья надо не менее трёх раз в неделю заниматься сексом, но учти — для меня человек, не имеющий возможность пригласить даму в приличный кабак, преподнести ей букет роз и тэпэ и тэдэ — это не партнёр и вообще не мужчина, это... это... просто друг, товарищ и брат. Ха-ха!

НАСОНКИН *(помрачнев, встаёт, обтряхивает джинсы)*. Знаешь, Снежана, что сказал о вас, бабах, один умный человек? Дурнушка, которая держит себя дурнушкой, сказал он, вызывает жалость; дурнушка, которая держит себя красавицей — вызывает раздражение; красавица, которая держит себя красавицей — вызывает восхищение и даже страсть; и только красавица, которая держит себя дурнушкой — способна вызвать любовь, подлинное глубокое чувство. Так вот, Снежана Витольдовна, если начистоту и чтоб все точки расставить: вы у меня вызываете одно только раздражение, и — довольно сильное. Так что — адью и оревуар!.. *(Получилось нелепое «адьюиоеруа!..»)* Выходит и перед тем, как хлопнуть дверью, выдаёт, стараясь гово-

ритель развязно.) Снежинка! Снежана Витольдовна, а если я раздобуду пятьдесят долларов и брошу их к вашим чудесным стройным ногам за один час любви? Вы согласны Снежана свет Витольдовна отжаться мне за полсотни дурацких баксов?..

МИЛОВИДОВА. Вот когда раздобудете, Николай свет Александрыч, тогда и поговорим.

Глик пятый

Квартира. НАСОНКИН, крепко поддатый, гладит кота. Звонок в дверь.

НАСОНКИН. Ну вот, Бакс Маркович, сейчас и получим по полной программе...

С неохотой идёт открывать. Кот, задрвав хвост трубой, бежит впереди него, истошно мяукает. Входит АННА с полными сумками.

АННА. Баксик, отстань!

НАСОНКИН. О, кстати, а то мы с Баксом со вчерашнего не ели... Сальца привезла?

АННА. Тебя не касается!

НАСОНКИН (*игриво*). Меня всё касается, ибо я твой муж и повелитель.

АННА. Хренитель!

Анна переобувается, проходит на кухню, выкладывает продукты из сумок, отделяет несколько яиц, пирожков, огурчиков, помидорчиков, пучок зелени, отрезает пластик сальца и кусочек колбаски — всё это бережно прячет в холодильник, а остальное убирает обратно в сумку. Насонкин, скрестив руки на груди, прислонился к косяку, наблюдает. Кот орёт.

НАСОНКИН. Что происходит?

АННА (*даёт кусок колбасы коту*). То и происходит. Я пробуду здесь до среды, и вот это (*указывает на «Полюс»*), на верхней полке — мне еда. Остальное мама передала Вовке — ему я сейчас и отвезу.

НАСОНКИН. Ка-а-ак Вовке? А я?!

ДРАМАТУРГИЯ

АННА. А ты — где деньги на видеопорнуху и пьянки берёшь, там и на пропитание бери!

НАСОНКИН. Да какая порнуха! Ты же знаешь, я программирование хочу освоить!.. А деньги у меня, правда, украли, в троллейбусе! И Вован твой жрать этого не будет, он же теперь только устриц и красную икру жрёт!..

АННА. Ну это его, не твоё дело, что ему жрать, а я тебя, мой милый, больше содержать не намерена. Если ты хоть кусочек с верхней полки возьмёшь — ты вор и последний шакал! *(Пауза.)* Хоть бы, свинья, засосы спрятал!

НАСОНКИН. Да подавись ты своей вонючей колбасой, дура пахотная!

Захлопывает дверь в кухню, садится за компьютер, сосредоточенно работает. Через некоторое время дверь приоткрывается.

АННА. Ну что, жрать-то будешь?

НАСОНКИН *(задумчиво смотрит на неё, с сожалением цокает языком)*. Нет, жрать я не буду.

АННА. Ну хватит, хватит тебе!

НАСОНКИН. Нет, мне не хватит — пусть тебе останется. *(Опять приникает к экрану с Джулией.)*

АННА. Ну и чёрт с тобой! Он ещё кобениться будет, идиот!

НАСОНКИН *(Джулии)*. Вот такая наша селяви!..

Глик шестой

НАСОНКИН в одних трусах входит в комнату, заканчивая вытирать голову полотенцем, причёсывается, опрыскивается дезодорантом, выставляет кота за дверь, садится в кресло-вертушку, придвигается к компьютеру, прилаживает на тело присоски-контакты, надевает шлем, тянется рукой к портрету Джулии Робертс рядом с компом, нежно проводит по её губам подушечкой большого пальца.

НАСОНКИН. Здравствуй, Джулия. Ни! Ну что, родная, попробуем? Может, получится? *(Включает компьютер, запускает программу. Звучит та же порномузыка из «Интим», густые стоны-всхлипы в замедленном ритме.)* Тьфу, чтоб тебя! Совсем забыл эту Синди стереть к чёртовой матери!..

Возится с компом. Запускает программу по новой. Откидывается на спинку кресла, закрывает глаза. Свет на минуту гаснет. Зажигается вновь. Насонкин сидит за внушительным письменным столом. Он в тёмном костюме-тройке, белоснежной рубашке, галстук. Напротив него верхом на низком широком пуфике сидит ДЖУЛИЯ РОБЕРТС в прикиде из первых сцен «Красотки»: светлый парик с чёлкой, короткий белый топик, голубая пятнистая мини-юбка и ботфорты.

НАСОНКИН. Ни хрена себе!

ДЖУЛИЯ (*как бы через силу разомкнув губы, медленно, низким, почти мужским голосом.*) Ну, теперь, когда я здесь, что ты будешь делать со мной?..

НАСОНКИН. Фу, чёрт! Скорость же другая!.. (*Вскакивает, бежит к компу, регулирует, садится опять за письменный стол.*) Всё! Всё нормально...

ДЖУЛИЯ (*обычным голосом*). Ну, теперь, когда я здесь, что ты будешь делать со мной?

НАСОНКИН (*сам удивляясь тому, что говорит*). Если хочешь знать — понятия не имею... В общем-то, я этого не планировал.

ДЖУЛИЯ. А что, ты всё планируешь?

НАСОНКИН. Всегда.

ДЖУЛИЯ. Да, я тоже... Вообще-то нет, я не люблю планировать. Не скажу, что я что-то планирую... Я скорее девушка спонтанная, понимаешь, живу только настоящим... Вот такая я... Да, такая... (*Помолчав и как бы засмуцавшись.*) Знаешь, ты мог бы заплатить мне — так мы сможем сломать лёд...

НАСОНКИН (*теряется*). Увы, с деньгами у нас... (*Лезет во внутренний карман пиджака и достаёт солидный кожаный бумажник, набитый зеленью. Быстро приходит в себя — деловито и по тексту фильма.*) Полагаю, ты принимаешь наличные?

ДЖУЛИЯ. Наличные подойдут, да! (*Оживилась, встаёт, подходит к столу, усаживается на край. Берёт с достоинством сто-долларовую купюру, прячет куда-то внутрь левого ботфорта, а из другого тут же выуживает несколько прозрачных упаковок с разноцветными презервативами.*) Ладно, поехали... Выбирай, у меня есть красный, жёлтый, зелёный. Фиолетовые закончились. Но зато остался один марки «Золотая монета» — презерватив чемпионов: этот засранец ничего не пропускает! Что скажешь?

НАСОНКИН. Буфет безопасности!

ДРАМАТУРГИЯ

ДЖУЛИЯ. Я безопасная девушка! *(Берётся за ремень Насонкина.)* Хорошо, давай наденем его тебе...

НАСОНКИН. Нет!.. Я... Давай мы с тобой немного поговорим, хорошо?

ДЖУЛИЯ. Поговорим?.. Да, хорошо... Эдвард, ты в городе по делам или отдыхаешь?

НАСОНКИН. Меня зовут Николай, или, если хочешь, Ник.

ДЖУЛИЯ *(несколько секунд молча смотрит на него, переводит взгляд на входную дверь, опять на Насонкина, неуверенно улыбается.)* А что, шампанского с клубникой не будет?

НАСОНКИН *(опять на секунду потерявшись.)* Как же не будет? Лакея-официанта я убрал, а вино и ягоды — вон, на столике возле бара.

Джулия при слове «убрал» удивлённо взглядывает на Насонкина, но тот, опять как бы не замечая, открывает вино, Джулия, как и следует по сценарию, садится на приступочку и начинает расстёгивать молнию на ботфорте.

ДЖУЛИЯ. Не против, если я сниму сапоги?.. А у тебя есть жена, подруга?

Насонкин возится с проволочным хомутком и делает вид, что не слышит. Косится на обнажившиеся ноги Джулии в коротких чёрных чулках. Джулия снимает и чулки, пьёт шампанское, с удивлением глядит на хозяина.

ДЖУЛИЯ. Ты не пьёшь?

НАСОНКИН. Нет. *(Вдруг хватает бутылку, настроив до краёв фужер, медленно, с наслаждением выпивает и тут же наполняет свой бокал ещё раз. Джулия молча с явным недоумением за ним наблюдает. Он давится, кашляет, чихает.)* Всё, пардон, больше не буду! *(Пожимает плечами, мол, сам такого не ожидал.)* Когда ещё доведётся настоящее французское «Клико» попробовать?

Садится в кресло, с улыбкой наблюдает за Джулией, которая устраивается на полу, включает телевизор, заливается-хохочет своим колдовским смехом, успевая при этом прихлёбывать шампанское и заедать его клубникой.

ДЖУЛИЯ. Ты правда не хочешь выпить?

НАСОНКИН. Я же выпил... Впрочем, если угодно: нет, я опынён жизнью — неужели ты не видишь?

Джулия ложится на живот, болтает ногами в воздухе и продолжает заливаться хохотом. Но вот она, почувствовав напряжение взгляда Насонкина, отрывается от экрана сначала на миг, потом ещё раз, пристально, сгоняя улыбку с губ, смотрит на него, чуть заметно вздыхает с явным огорчением, приподымается и на коленях, даже, скорее — на четвереньках, по-самочьи, подползает, расстёгивает пуговицы своего топака, показывая-выставляя на обозрение скромный чёрно-белый кружевной лифчик, стягивает юбочку... Вдруг вскакивает, хватая диванную подушечку, подкладывает деловито под свои колени, выключает звук в телевизоре, пристраивается опять у него в ногах, начинает спускать бретельки лифчика, но, не закончив это, принимается расстёгивать на нём рубашку, ремень.

ДЖУЛИЯ *(с прidyханием, почти шепчет)*. Что ты хочешь?

НАСОНКИН. А что ты делаешь?

ДЖУЛИЯ. Всё... Но я не целуюсь в губы.

НАСОНКИН. Я тоже... *(Спoxвaтывaется.)* Впрочем... *(Но сцена продолжается далее по сценарию. Джулия прикасается губами к его груди. Насонкин вздрагивает, как от ожога. Напряжение его нарастает-ширится по мере того, как Джулия спускается всё ниже и ниже. Но вот она, словно натолкнувшись на некую границу, продолжает целовать в одно и то же место на животе — всё тише, медленнее, машинальнее. Поднимает на него недоуменный взгляд.)* Чёрт! Чёрт!! Чёрт!!! Ничего, Джул, я сделаю, я исправлю программу... Я обязательно тебя оживлю — по-нас-то-я-ще-му! *(Сидит, сжав голову руками. Встряхивается.)* А сейчас вот что: пойду — нажрусь до поросычьего визга и блядь какую-нибудь сниму...

Вскакивает, решительно одевается, выходит.

Глик седьмой

Издательство. В кабинете сидят НАСОНКИН (помятый, страдающий) и СНЕЖАНА МИЛОВИДОВА. Она демонстративно морщит носик, фыркает.

НАСОНКИН. Вот, Снежана Витольдовна, до чего может опуститься-пасть человек, если к нему БЕЗРАЗЛИЧНО относятся коллеги по работе!

МИЛОВИДОВА. Вам, Николай Александрыч, что же, всё по-прежнему жены мало?

НАСОНКИН. Увы! Увы и ах, Снежана Витольдовна, супружница моя меня бросила. Так что я теперь, можно сказать, вдовец... То есть, тьфу, типун мне на язык! Я хотел сказать — холостяк.

МИЛОВИДОВА (*недоверчиво*). Что — вы разошлись?

НАСОНКИН (*понизив интимно голос*). Да! Да!! И сегодня вечером вас, Снежаночка Витольдовна, ждут в моей холостяцкой берлоге бутылка замороженного шампанского и моё пылкое горячее сердце!..

МИЛОВИДОВА. Только сердце?

Насонкин делает вид, что обиделся — насупился, отвернулся.

МИЛОВИДОВА. Не обижайся, Колюнчик! Если ты и правда стал холостяком — мы, может, к этому разговору ещё вернёмся... А пока, ради Бога, пойдёшь пива выпей или лучше коньяку глоток...

НАСОНКИН. Во, это в точку! Почему бы мудрому совету и не последовать? Тем более если, Снежиночка, ты одолжишь мне полтинник до получки... (*Корчит умоляющую рожу.*) А?

МИЛОВИДОВА (*подумав, открывает сумочку*). Да-а-а, это анекдот: никогда ещё мужикам деньги не давала... На! Но ты упал в моих глазах, Насонкин!

НАСОНКИН. Увы! Я сейчас буду пить на твои деньги горькую и горько плакать... Спасибо, Снежан, я знал, что под твоей внешней холодной красотой бьётся горячее доброе сердце...

МИЛОВИДОВА. Иди, иди, не переигрывай!

НАСОНКИН. Пока, Жанночка... Тьфу, Снежаночка!

Сделав ручкой, уходит.

Глик восьмой

НАСОНКИН пытается открыть дверь своей квартиры, ключ не входит в скважину. Гремят запоры, дверь открывается — АННА. Смотрит совсем даже не дружелюбно. Насонкин неожиданно для самого себя приходит в восторг.

НАСОНКИН. Аннушка! Да ты ли это? Ха, вот радость!

АННА. Опять пил?!

НАСОНКИН (*серьёзно*). Ань, ну правда, хватит нам лаяться, а! Давай мириться!

АННА (*пропуская его, ворчливо*). Конечно, нагулялся, устал, выдохся, теперь — мириться... Жена всё простит, поймёт...

НАСОНКИН (*обнимая её сзади, гладит-ласкает грудь, целует в шею*). Ну хватит, хватит... Всё у нас будет хорошо!

АННА (*высвобождаясь*). Плети, плети словеса... Давай лучше умывайся скорей да за стол — голодный, поди?

НАСОНКИН. Ух и голодный! Аки волк тамбовский! (*С намёком.*) Надеюсь, ужин у нас — праздничный?

АННА (*ворчливо*). Праздничный, праздничный. Есть у меня в запасе кой-чего...

НАСОНКИН. Ух ты! Анька, да ты, и правда, — прелесть! (*Крепко обнимает.*)

АННА (*отталкивая*). Иди, иди в душ! Да и зубы получше отскобли... А то будешь на раскладушке спать!..

Насонкин, блаженно лыбясь, раздевается, бежит в ванную...

Глик девятый

Квартира. НАСОНКИН опять вытирает голову, дезодорантится, пробует с помощью ладони свежесть дыхания, садится к компу, настраивает контакты, истово крестится.

НАСОНКИН. Господи, благослови! *(Запускает программу. Напряжённно ждёт. Начинает недоумённо осматриваться. Звонок в дверь.)* Чёрт! Да какой же это гад в воскресенье роль татарина играет?!

Снимает шлем, провода, натягивает джинсы и рубашку, идёт открывать. На пороге — ДЖУЛИЯ РОБЕРТС. Она в коричневом платье в редкий белый горошек без рукавов, с широким поясом, в каком была на ипподроме в «Красотке».

ДЖУЛИЯ. Hi! *(Смотрит с удивлением на застывшего Насонкина, говорит с чуть заметным акцентом.)* Можно войти?

НАСОНКИН. Хай! Здравствуй...те! Вам сюда, сюда — проходите!

Слышно, как у соседней открывается дверь, лай-хрип большой собаки. Джулия ойкает, вскакивает в прихожую, сталкиваясь с Насонкиным, ладони её оказываются на его груди.

ДЖУЛИЯ. Excuse me! Извините! *(Смущается и начинает поправлять причёску. Что-то у неё там не получается с гребнями-заколками, Джулия вдруг выдёргивает их, встряхивает головой, распуская роскошные кудри по плечам, показывает пальцем, смущённо зачем-то поясняет.)* Red... Рыжая...

НАСОНКИН. И прекрасно, что «рэд»! Это замечательно, что рыжая! Только вы не столько рыжая, сколько — бронзовая, золотая!.. Бронз, гоулдэн — ву компронэ? То есть, тьфу! Ду ю анда-стэнд ми? Вы понимаете? Извините, мой переводчик PROMT не ахти... Впрочем, о чём это я! Проходите в комнату...

Джулия, против американских правил, сбрасывает свои белые высококаблучные туфли, а Насонкин, напротив, быстренько сует ноги в пляжные сандалеты на толстенной микропорке и сразу подравнивается в росте с Джулией. Она подходит к нему, вдруг привстаёт на цыпочки, взглядывает сверху вниз — с иронией.

ДЖУЛИЯ. Комплексы?

НАСОНКИН *(краснея)*. Это я сказал?

ДЖУЛИЯ. Нет, это я сказала. *(Садится в кресло.)*

НАСОНКИН. Осторожнее! Оно может опрокинуться!

ДЖУЛИЯ *(осматриваясь)*. Странно... Я не знаю, почему я здесь, но у меня такое чувство, что я должна здесь быть... И мне всё это *(обводит полукруг рукой)* вроде как знакомо, словно я во сне это видела... *(Смотрит на Насонкина с напряжённым вниманием.)* И вы мне странно и смутно знакомы! Кто вы? Ведь я вас не знаю? Вы — монгол?

НАСОНКИН *(с обидой)*. Почему монгол?

ДЖУЛИЯ. Ну... это... *(Кончиками пальцев натягивает кожу на висках, делает себе восточные глаза.)* Да и язык...

НАСОНКИН. Нормальный у меня язык — русский... Россия! Рашен! А разрез... У меня предки из Сибири, там у многих монголо-татарские глаза.

ДЖУЛИЯ. Россия? Сибирь?.. О-о-о, никогда не бывала, а хотела! В Монголии была, недавно, кумыс пробовала — кислый... А как зовут вас? Меня — Джулия; можно — Джули.

НАСОНКИН. А можно... мне нравится — Джул?

ДЖУЛИЯ. Джул?.. Так меня никто не зовёт... Что ж, если вам нравится, пожалуйста.

НАСОНКИН. Спасибо! А меня зовут Николай; можно — Ник.

ДЖУЛИЯ. Нет-нет, и мне тогда не надо Ник! Мне там, дома, надоели Ники! Я буду вас звать Ни-ко-лай.

НАСОНКИН. Но по-русски это слишком официально. Ты... вы ещё бы меня по имени-отчеству величать начали — Николаем Александровичем...

ДЖУЛИЯ. Вау, как громоздко! Не хочу! А как вас мама зовёт, подруга?

НАСОНКИН. Коля.

ДЖУЛИЯ. Колья? Вот это хорошо! Колья-а-а! *(Смеётся своим чудным заливистым смехом.)*

НАСОНКИН. Не «колья», а Ко-ля. С кольями у нас на Руси на врагов ходят — это дубины такие.

ДЖУЛИЯ. Ну, враги и у меня есть... Вау! Что это? *(Вскакивает с кресла, подходит к столу, склоняется, рассматривая свои портреты. Край длинного платья приподымается, открывая подколенные ложбинки — кожа на них чуть светлее, в сеточке тоненьких*

ДРАМАТУРГИЯ

голубых жилкок... Насонкин отводит взгляд. Джулия задевает левой рукой коврик с мышью, заставка-часы пропадает с монитора, открыв её портрет на экране.) Вау! Колья? (Насонкин без слов разводит широко руками, поднимая плечи: мол, что тут объяснять.) Спасибо! (Как бы про себя.) Странно, почему я говорю как-то... странно и всё понимаю?..

НАСОНКИН (*торопливо*). Дело в том, что это программа-переводчик PROMT. Я её подсоединил в LOVE 2000. Раньше это был TACTIL, а теперь — LOVE... Этот толмач PROMT нас переводит синхронно, словно в дублированном фильме...

Джулия почти не слушает его, смотрит ему в глаза — как-то странно, непонятно, тревожно для него. Вдруг она, качнувшись к нему вплотную, обнимает его за шею правой рукой, тихо и нежно прикасается к его губам своими, словно Анна Скотт. А Насонкин, ошеломлённый, совсем как Хью Грант (Уильям Таккер), даже не отвечает на поцелуй — стоит по-дурачки фертом, уперев руки в боки. Мягкие нежные губы Джулии расстаются с его («чмок!» — раздаётся трогательно и мило), и она, как бы очнувшись, чуть отшатывается от Насонкина, снимает руку. Взгляд её ласков, туманен, призывен.

ДЖУЛИЯ. Не знаю, почему, но я должна была тебя поцеловать... Странно! И — мне пора уходить...

НАСОНКИН. Нет!

ДЖУЛИЯ. Да! Так надо! (*В прихожей Насонкин падает не ловко на одно колено и помогает ей надеть королевские белые туфли — руки его ходят ходуном. Джулия нежно ерошит волосы у него на затылке и затем, когда он выпрямляется, касается указательным пальцем сначала своих губ, потом его.*) Пока!

НАСОНКИН. Пока! (*Джулия исчезает за дверью. Насонкин некоторое время стоит с полукрытым ртом, затем подходит к компьютеру и давит «Reset».*) Невероятно! Этого не может быть!!!

Глик десятый

Квартира. НАСОНКИН (в костюме, белой рубашке, галстук, штиблетах), потирая руки, осматривает натюрморт фуршета на письменном столе: запотевшая «Столичная», бутылка «Мукузани», две «Балтики»-тройки, кока-кола, салат из помидоров, колбаса, сыр,

торт «Причуда», астры в керамической вазе, толстая розовая свеча в подсвечнике. Кое-как, для проформы надевает шлем, прикладывает пару контактов на грудь поверх рубашки, запускает программу.

Появляется Джулия: в шикарном вечернем красном платье, бриллиантовом колье — в каком летала в «Красотке» на премьеру оперы в Сан-Франциско.

НАСОНКИН (*отбрасывая провода и шлем*). Здравствуй, Джул!
ДЖУЛИЯ. Ні! (*Хочет скинуть туфли*.)

НАСОНКИН. Не надо, не надо!

ДЖУЛИЯ (*улыбается*). Что, комплексы побеждены?

НАСОНКИН. Побеждены... Между прочим, наш величайший поэт Александр Сергеевич Пушкин был ниже красавицы жены на целых десять сантиметров и, несмотря на это, — счастлив. Вот, посмотри... те — репродукция с известной картины «Пушкин с женой на балу». (*Показывает как бы случайно оказавшуюся на книгах журнальную вырезку*.)

ДЖУЛИЯ (*рассматривает*). Красивая!.. Пушкин... Пушкин... Я не слышала.

НАСОНКИН. Да вы там, поди, совсем русскую литературу не знаете!

ДЖУЛИЯ. Нет, зачем же? Я, например, ещё в шестнадцать лет «Идиота» Достоевского прочла и — в князя Мышкина влюбилась. Да, да!

НАСОНКИН (*возбуждаясь*). Джулия, Джул! Да ты знаешь, Достоевский — это!.. А, впрочем, ты знаешь! Давай лучше, Джул, выпьем, а? Нам надо выпить, Джул! Вино, Джул, это замечательно! Мне сразу легко и на «ты» будет! Впрочем, я уже на «ты», эк-сьюзми! Хотя и ты уже на «ты» — вери гут!..

ДЖУЛИЯ (*увидев вошедшего в комнату Бакса*). Вау! Какой кэт? У меня дома есть его братан...братишка...братик... Да, братик: такой же пушистый и рыжий — в меня... Ха-ха-ха! А у тебя собаки, лошади есть? У меня уже целые своры и табуны — ужас!..

НАСОНКИН. И у меня ужас. А как же! Собаки — табунами, лошади-жеребцы — сворами... На ранчо, в Сибири.

ДЖУЛИЯ (*заминяя неловкость, нагибается к коту*). А как же у нас зовут этого красавца?

НАСОНКИН. Вообще-то Баксом Марковичем, но для близких можно и — Жидёнком.

ДЖУЛИЯ. Жи-дён-ком?! Это от слова «жид», да? (*Выпрямля-*

ДРАМАТУРГИЯ

ется, так и не взяв kota.) Колья, да ты, оказывается, антисемит? Вау!

НАСОНКИН. Ну что ты! Постой! Никакой я, к чёрту, ни антисемит, что ты, Джул! «Антисемит» вообще неправильное слово! Видишь ли, Бакс попал к нам котёнком от отца, вернее, от его Сони... ну, с которой он от нас сбежал в Америку...

ДЖУЛИЯ. Твой отец в Америке?

НАСОНКИН. Да, в Нью-Йорке живёт. Может, твой сосед... Хотя нет, конечно! Ну, короче, фатер упросил нас взять котёнка — жалко, вот и взяли. Я и подумал: смешно будет, он же сибирского kota из себя корчит, а я его, когда чересчур заносится, — Жидёнком. Ну для смеха — Соня-то еврейка...

ДЖУЛИЯ. Не надо, Колья, мне не нравится. У меня много друзей евреев.

НАСОНКИН. Хорошо, хорошо! Какой разговор! Я его буду теперь Гоем звать... Тьфу, прости, эксьюзми! С чувством юмора — напряжёнка! Что ты будешь пить? Вот грузинское вино «Мукузани»... Грузинские вина, между прочим, лучше всех итальянских и французских вместе взятых. *(Берёт бутылку, уже откупоренную и даже обёрнутую салфеткой, наполняет узатый бокал до половины, подаёт Джулии, плескает и себе, смотрит с благоговением, как она подносит горяче-красное вино — любовный напиток! — к губам.)*

ДЖУЛИЯ *(делает глоток, кривится)*. Вау!

НАСОНКИН *(быстро дегустирует напиток в своём бокале и впадает в оторопь)*. Да-а-а, если это «Мукузани», то я тогда точно Ричард Гир! Пардон, Джул! То есть, опять эксьюзми! Это наши торгаши вонючие!.. *(Шустро убирает бутылку и бокалы.)* А вот за водочку я отвечаю — настоящая «Столичная», в фирменном магазине брал!..

ДЖУЛИЯ *(бесшабашно машет рукой)*. Давай водочки!

НАСОНКИН *(льёт в хрустальные рюмки водку, в фужеры кока-колу)*. Прошу!

ДЖУЛИЯ. А кока настоящая?

НАСОНКИН. Настоящая, настоящая, не бойся! У нас когда в Новороссийске ваши первый завод пепси-колы смонтировали и уехали, он через три дня встал. Приезжает ваш американский специалист, всё проверил и говорит: «Ребята, у нас техника так покурачки сделана, что, если написано положить полтора килограмма»

ма сахара, надо положить ровно тысячу пятьсот граммов — ни грамма меньше!» Так что пепси с колой наши научились точно по рецептуре делать, без воровства.

ДЖУЛИЯ. Это же непатриотично — такие анекдоты рассказывать!

НАСОНКИН. Какой анекдот — это реальный случай!

ДЖУЛИЯ. Тем более! *(Машинально расправляет ладонью платье на талии и чуть ниже, на бедре.)*

НАСОНКИН *(дрогнувшим голосом)*. Я хочу выпить за тебя, Джул!

ДЖУЛИЯ *(вдруг скидывает туфли, приближает своё лицо вплотную к его)*. А я хочу выпить на брудершафт... Хорошо? *(Сплетают локти, пьют, целуются.)* Слушай, зачем ты мне нужен?

НАСОНКИН. Боюсь, я этого не знаю...

ДЖУЛИЯ. Я тоже... *(Снова приникает к его губам — целуются до остановки дыхания.)*

НАСОНКИН. У меня там пельмени есть, на горячее!

ДЖУЛИЯ. Я вегетарианка!

Снова целуются — жадно, непрерывно. Не отрываясь друг от друга, оказываются на диване. Насонкин шарит по телу Джулии, ищет застёжку.

НАСОНКИН. Джул! Джулия!.. А ты, правда, выходишь замуж за Брэтта?

ДЖУЛИЯ *(резко отстранившись)*. Что?! А вот это, милый мой, тебя совершенно не касается! *(Отталкивает его рукой, резко встаёт, поправляет причёску, платье, идёт к столу, надевает туфли, берёт сумочку, наклоняется к компьютеру и раздражённо бьёт тычет пальцем в «Reset».)*

НАСОНКИН *(умоляюще)*. Джул!!! *(Свет гаснет.)* Ну вот и всё — The end! Конец фильма!

Глик одиннадцатый

Квартира. НАСОНКИН и ТЕЛЯТНИКОВ пьют. На столе — батарея пустых водочных и пивных бутылок. Насонкин встаёт, покачиваясь, подходит к компу, включает.

ДРАМАТУРГИЯ

НАСОНКИН. Сейчас, друг Аркадий, я тебе форточку в веб-пространство открою. Ты ж никогда в Интернет голову не высовывал, а? Щас, дружище!..

ТЕЛЯТНИКОВ. Давай, в лорингит твою мать! Давай, в твой сраный Интернет высунись! (*Видит на мониторе Джулию Робертс.*) О, бляха-муха, опять эта баба! Ты чё это везде её понаразвешивал?

НАСОНКИН. Это не баба, Аркадий Васильич, это — Джулия Робертс.

ТЕЛЯТНИКОВ (*передразнивая*). Джю-ю-юлия Ро-о-обертс! Баба как баба — сучка смазливая...

НАСОНКИН. Смазливая?! Что бы ты понимал со своей Клавой Гэ! Сейчас я тебе покажу!

Запускает в режиме слайд-шоу фотогалерею портретов Джулии.

Телятников разваливается в его кресле, крутится-качается из стороны в сторону, то и дело подпускает комментарий.

ТЕЛЯТНИКОВ. А, вот здесь она ничего, мать её!.. И тут — вырез хорош!.. Вот это ноги!.. А грудёшки, на хрен, маловаты!.. (*Насонкин морщится, но терпит.*) Ну-к, тормозни вот эту, бляха-муха! (*Рассматривает полуобнажённую Джулию, цокает поганно языком.*) Не, сиськи всё же позорные, но — забирает!.. (*Старый хрен опускает руку поверх джинсов на своё хозяйство и начинает мать-оглаживать.*) Гляди ты, аж встал... Щас бы сюды её, а? Вот бы зашибись!..

Насонкин, словно протрезвев, выпрямляется, хватая гостя за шкирку двумя руками, разворачивает вместе с креслом, сдёргивает с сиденья и тычком задаёт начальное ускорение по направлению к двери.

НАСОНКИН. Во-о-он!

ТЕЛЯТНИКОВ (*упираясь в косяки руками*). Ты чё, сдурел, мать твою?! Из-за бабы! Из-за картинки!

НАСОНКИН. Во-о-он я сказал!!! (*Выволакивает Телятникову в прихожую, выталкивает за порог, выбрасывает вслед куртку и туфли, захлопывает дверь, переводит дух.*) Всё, последнего приятеля-собутыльника потерял! Так мне и надо! Ишь, додумался — стриптизёр хренов!..

Подходит к столу, берётся за бутылку, но, словно забыв о ней, смотрит долго на компьютер. Запускает программу. Берётся было за шлем, но машет рукой. Садится в кресло и закрывает глаза. Появляется ДЖУЛИЯ — в белом махровом халате, на голове тюрбан из полотенца («Красотка»).

ДЖУЛИЯ. Hi! Привет!

НАСОНКИН *(открывая глаза)*. Здравствуй, Джул! Здравствуй, моя родная!

ДЖУЛИЯ. Вау! Коля, да ты выпил? Ты очень много выпил! Зачем, почему это?

НАСОНКИН. Потому что дурак! Ах, Джулия, ты бы знала, какой я дурак!

ДЖУЛИЯ. Знаю. *(Садится в кресло, показывает на халат, тюрбан.)* Извини, я только что из ванны! Так всё неожиданно... Коля, я тебя очень, очень прошу: не надо про мою ТУ жизнь расспрашивать. Хорошо? Я же не интересуюсь, где твоя жена...

НАСОНКИН. Нету у меня жены. Не-ту! Мы с ней разводимся...

ДЖУЛИЯ. Всё! Не хочу ничего знать. Иди ко мне... *(Насонкин, опустившись рядом с креслом на ковёр, берёт её руку, прикасается к тыльной стороне губами, осторожно целует раз, другой, затем поворачивает и начинает медленно сладко целовать тёплую ладонь...)* Ты бы знал, как мне приятно, когда ты целуешь мне руку...

НАСОНКИН. Неужели никто тебе руки не целует?

ДЖУЛИЯ. Целуют, да всё напоказ или в шутку. А вот так, как сейчас ты... Целуй, Коля, целуй! И... не только руки... *(Наклоняется, целует его в губы. Когда после поцелуя она начинает выпрямляться, рука Насонкина случайно цепляет медальон на её шее, тонкая золотая цепочка рвётся-лопается.)*

НАСОНКИН. Ой, прости!

ДЖУЛИЯ. Ничего... Если б крестик — плохая примета...

НАСОНКИН. Джулия, а почему ты крестик не носишь?

ДЖУЛИЯ *(протягивая за медальоном руку)*. Это сложный вопрос.

НАСОНКИН. В нём, наверное, портрет?

ДЖУЛИЯ *(досадливо)*. Да. Но тебе не надо смотреть... Коля, ты опять?!

Насонкин две секунды колеблется, отдаёт медальон и снова припадает горячим ртом к тёплой женской ладони. Губы его соскальзывают, припадают к ямочке чуть выше правого колена — поднимается с поцелуями всё выше и выше, раздвигая полы халата. Смотрит умоляюще на Джулию.

НАСОНКИН. Можно?.. *(Джулия хмельно улыбается, вдруг тянет свободный конец пояса, развязывает его. И тут — настойчивые звонки в дверь.)* Господи, да кого это чёрт принёс?! Я сейчас! Сейчас! Не волнуйся!

ДЖУЛИЯ *(вскакивая, запахивает халат, хватая его за руку)*. Не открывай! Нельзя открывать! Опасно!

НАСОНКИН. Ну что ты, здесь же не Нью-Йорк. Да и день на дворе... *(Открывает, даже не глянув в глазок.)*

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Насонкин?

НАСОНКИН. Насонкин, Насонкин! В чём дело?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. В тебе, козёл!

От жуткого удара в лицо Насонкин опрокидывается.

Глик двенадцатый

Квартира. НАСОНКИН лежит на ковре посреди комнаты, лицо в крови. На экране монитора плавают цифры заставки-часов — вечер. В кресле мирно спит Бакс. Насонкин со стоном приподнимается, смотрит на компьютер, на кота, в прихожую на дверь.словно раненый герой боевика, только, в отличие от него противно кряхтя и охая, почти ползком добирается до компа, шевелит-тревожит мышь: на экране появляется Джулия в виндовских облаках.

НАСОНКИН. Значит, перезапуск был!.. *(Морщась, хватается за правый бок.)* Господи, да разве это сейчас главное?! У тебя, парень, может быть, печёнка порвана и жить тебе осталось с полчасика... Чёр-р-рт! *(Доковыляя до стола, берёт бутылку — она пуста; на дне — окурки.)* Вот скоты! Сперматозоиды вонючие! Козлы! Мало им хозяину квартиры кости переломать, они его же водку за его здоровье выжрали! Чтoб у них пищевод с прямой кишкой места поменять! *(Подумав, берёт телефон, набирает номер.)* Алло! Это Николай.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Наконец-то! Дождались, слава Богу!..

НАСОНКИН. Галина Юрьевна, лирика потом. Где Анна?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Аня моется...

НАСОНКИН. Пусть она мне срочно позвонит, когда намоет-ся. *(Набирает новый номер.)*

ГОЛОС ВОВАНА. Хэллоу!

НАСОНКИН. Хреноу! Что ж ты, волк позорный, делаешь!

ГОЛОС ВОВАНА. А, это типа ты, чё ли? Ну чё, блин, поучили маленько? Почему, в натуре, хату не освобождаешь, а? Анька же сказала тебе — съехать...

НАСОНКИН. Слушай сюда, Вован, я тебе русскую народную сказочку про хату расскажу. Жил, короче, один раз такой пацан, типа Заяц. Держал недвижимость — правильную реальную хату, как, ну, блин, бунгало, ваще. А рядом, два лаптя по карте, одна Лиса-кидала крутилась — ну, типа, деловая, блин, в натуре, Анной Иоанновной звать...

ГОЛОС ВОВАНА. Ты чё там базаришь не по делу? Когда хату освободишь, в натуре?

НАСОНКИН. Слушай, ты, кретин вонючий, твои качки-киллеры бритоголовые сделали меня инвалидом! Я сейчас вызываю «Скорую», в больнице обязательно спросят, что да как, и сообщат в ментовку. Учти, я скрывать ничего не буду...

ГОЛОС ВОВАНА. Чё ты, блин, на понт-то берёшь? Пару раз ему по рёбрам пнули...

НАСОНКИН. Всё, я предупредил. Сухари суши!

ГОЛОС ВОВАНА. Стой! Не звякай в «Скорую», я щас типа подъеду — побазарим! Я тут рядом...

Не успевает Насонкин толком приладить трубку, телефон звонит.

ГОЛОС АННЫ. Алло, алло! Коля? Это я! Тётя сказала, ты звонил. Звонил?

НАСОНКИН. Да, я звонил. Чтобы сообщить тебе пренеприятнейшее известие: меня сейчас увезёт «Скорая помощь», так что тебе придётся заботы о Баксике на себя взять...

ГОЛОС АННЫ. Постой, какая «Скорая»? Что случилось?!

НАСОНКИН. Это ты у братана своего спроси...

ГОЛОС АННЫ. Сейчас, сейчас я приеду!..

В незапертую дверь вламывается ВОВАН (в кожаной куртке,

ДРАМАТУРГИЯ

спортивных штанах с лампасами, с барсеткой). Увидев Насонкина, на секунду застывает, таращит зенки.

ВОВАН. Вот лохи, в натуре! Я же, блин, предупредил — припугнуть токо!..

НАСОНКИН. Конечно, ты же у нас не кровожадный. По крайней мере человека замочить самолично вряд ли сможешь, ну разве что по пьяни на своём джипе вонючем сбить-переехать...

ВОВАН. Да ты чё, в натуре!..

НАСОНКИН. Ладно! Скажи лучше, сколько ж ты им бабок кинул?

ВОВАН. Да сотню всего, блин! Я ж говорю: только припугнуть да пару раз по рёбрам, а они, лохи, по полной программе оттянулись!..

НАСОНКИН. Не хочу тебя на понт брать, Владимир Иванович, но за такое сейчас — я в газете вчера только читал — до пяти лет дают...

ВОВАН. Да ты чё, братан! Да я же не виноват, в натуре...

НАСОНКИН. Это ты прокурору расскажешь!.. Хотя ладно, ты же меня знаешь, я — добряк из добряков. Вот что, «Скорую» мне вызвать всё-таки придётся — на работу я завтра пойти не смогу, так что надо больничный оформлять. Но там я скажу и ментам потом буду твердить, что меня в подъезде какие-то пьяные отморозки избили. Годится?

ВОВАН. Колян! Братан! В натуре! Блин! Да ты!.. Да я!..

НАСОНКИН. Да мы с тобой! Ты этим лохам за поломку моих рёбер, говоришь, сотню отвалил? Ну так, думаю, справедливо будет, если на их починку ты пару сотен выложишь — в больнице сейчас, сам знаешь, без денег делать нечего...

ВОВАН (*поскучнев*). Да откуда ж... (*Спихватывается, раскрывает барсетку, вынимает две зелёных сотенных*). На уж...

НАСОНКИН. Ну вот и чудненько! А теперь, пока наша Анна на подходе да «Скорая» на подъезде, принеси-ка, Владимир Батькович, из своего передвижного офиса чего-нибудь взбодрительного — твои шакалы-то всю мою водку вылакали.

ВОВАН. Из какого, блин, ещё офиса?

НАСОНКИН. Ну из джипа твоего, из «Гранда» твоего, из «Чероки»!

ВОВАН. А-а-а, так бы и базарил. Щас, это я пулей.

НАСОНКИН. Стой! У тебя ж всегда с собой «колёса» есть? Высыпь-ка одно.

ВОВАН. Вместо водки, что ли?

НАСОНКИН. Вместе. Вместе с водкой. Перед водкой... Какая разница! Давай... без лишнего базара.

Вован, дав Насонкину таблетку, убегает, слышно, как в коридоре он сталкивается с Анной. Её крики-охи: «Как он? Что с ним?..»

НАСОНКИН (*глотает таблетку, запивает водой, обращаясь к портрету Джулии на экране*). Прощай, Джул! Не скучай тут без меня! (*Выключает компьютер.*)

Глик тринадцатый

Квартира. АННА перед накрытым по-праздничному столом. Скрежет ключа в замке. Бросается к двери, открывает. На пороге — НАСОНКИН. Неприятно удивлён.

АННА (*испуганно*). Ты чего?

НАСОНКИН (*бурчит*). Ничего. (*Раздевается, треплет Баксика по загривку, идёт в ванную.*) Чёрт, воды же ещё нет! (*Возвращается, распечатывает бутылку, наливает в две рюмки, выпивает свою, закусывает.*)

АННА (*глухо*). Ты хочешь, чтобы я... ушла?

НАСОНКИН. Хочу.

Наливает уже в фужер, пьёт. Анна напряжённо думает, затем порывисто встаёт, одевается и уходит. Уже из проёма дверного обернулась — так глянула, что Насонкин ёжится. Входная дверь хлопает. Насонкин хватается за кота, прижимает, гладит.

ДРАМАТУРГИЯ

НАСОНКИН (*Баксу*). Что ж, Рубикон перейдён, с прошлым покончено! Давай-ка, брат, ещё немножко за новую жизнь, да и на этом завяжем...

Выпивает, машинально закусывает, даёт коту еды. Звонок в дверь.
Появляется ТЕЛЯТНИКОВ.

ТЕЛЯТНИКОВ. Привет, болящий, мать твою! Ты чего это учудил, а? Решил, бляха-муха, ему морду бить за тогдашнее, а он — уже готовенький! Прости, друг, сегодня только из Липецка приехал — не знал, тонзиллит твою, что ты в больнице! Кто это тебя? За что? Что за мудошлёпы?

НАСОНКИН. Да ладно — уже разобрались. Это ты меня прости, Аркадий Васильич! Видишь, как Бог меня за тебя наказал — три недели отвалился.

ТЕЛЯТНИКОВ. Брось, бляха-муха! Я и сам старый дурак! Чего привязался к этой твоей бабе (*кивает на портрет*)... Всё, всё! Не бабе — девчонке! Кто хоть она такая — я забыл?

НАСОНКИН. Джулия Робертс... Ты что, даже «Красотку» не смотрел?

ТЕЛЯТНИКОВ. Да не смотрю я, в манду, эту забугорную муть! Артистка, говоришь? Мне тоже когда-то нравилась эта... Как же её?.. Нонна Мордюкова! Во баба! Знаешь?

НАСОНКИН. О да! Нонну Мордюкову я знаю: действительно, уж баба так баба!.. Стоп, Аркадий, а чего это мы насухую-то? Ну-ка! (*Плескает в два фужера.*)

ТЕЛЯТНИКОВ. Во, бляха-муха, это совсем другой коленкор! А ведь и у меня с собой е, как хохлы гутарят, — в больницу к тебе прихватил... (*Достает из карманов куртки бутылку портвейна и яблоко.*)

НАСОНКИН. Нет, нет, это ты спрячь. Нам сейчас водки хватит, да и мешать не стоит. Ну — поехали. За здоровье! (*Выпивают, занюхивают хлебом.*) Как, Аркадий, пишется-сочиняется?

ТЕЛЯТНИКОВ. Хреново! Стихи совсем перестали печатать, а если печатают, то платят — мандавохам на смех.

НАСОНКИН. Что, и за откровения твоей Клавы Гэ мало кинули?

ТЕЛЯТНИКОВ. Куда там! Как раз — кинули! Вон *(кивает на портвейн)* едва на «чернила» хватает, а сигареты уж стрелять приходится... Коромысло им в пах! А вот раньше!.. Раз, помню, приехал из Воронежа после выхода очередной книжки, пришёл к ребятам в редакцию молодёжки, уже поддатый, конечно, бляха-муха, и на спор весь пол в кабинете сплошь устелил четвертными купюрами — гуляй, братва, мать вашу!..

Насонкин вдруг совсем перестаёт слушать гостя, смотрит, не отрываясь, на портрет Джулии, встаёт, подходит, проводит подушечкой большого пальца по её губам.

НАСОНКИН. Хай! Я соскучился...

ТЕЛЯТНИКОВ. Та-а-ак! Понятно! *(Наливает себе, заглатывает.)* Всё, я пошёл — учёный уже, бляха-муха!

Насонкин, не замечая исчезновения Телятникова, включает компьютер, смотрит на портрет Джулии Робертс.

Глик четырнадцатый

Квартира. НАСОНКИН сидит перед компьютером с полузакрытыми глазами и фантазирует-бредит вслух, не замечая, что уже запустил программу, что ДЖУЛИЯ уже в комнате, позади него в кресле, хочет окликнуть его, но при первых же его словах замирает, слушает. Одета она точь-в-точь, как Анна Скотт в начальной сцене «Ноттинг Хилла», когда впервые заходит в магазин Таккера: чёрный беретик, белый тонкий свитерок под чёрной кожаной курточкой, тёмные брюки, чёрные кроссовки.

НАСОНКИН. Не будет одеяла. Я отброшу одеяло прочь. Я сначала всю-всю её рассмотрю, налюбуюсь... А затем начну это упоительное путешествие. Я буду целовать лицо: глаза, нос, губы, мочки ушей — тихо, нежно, не торопясь... Затем исследую губами всю шею, спущусь в тёплую впадину подмышки, полную упоительных запахов... После этого совершу восхождение пересохшими губами на холмик груди, дотошно обследую напрягающийся под поцелуями тёмно-ро-

ДРАМАТУРГИЯ

зовый стыдливый сосок... Затем соскользну по влажной ложбине живота к нежной ямочке, которую столько раз видел на экране — всю исследую кончиком языка, зацелую, оближу, заставляя Джул сладко поёживаться от щекотки... Потом... Потом мне придётся свернуть чуть вправо, специально обогнуть-миновать соблазнительный курчавый мысочек (это — на потом, это — финал пьянящего путешествия!), проследовать по бесконечному матовому бедру к чуть приподнятой милой коленке и дальше — к узкой длинной ступне... Джул под моими ласками опьянеет, голова её начнёт медленно перекачиваться по подушке то в одну, то в другую сторону, напряжённая рука, когда я вернусь к пропущенному мысочку, начнёт нервно гладить мой затылок, прижимая моё лицо, мои ненасытные губы к своему сладкому лону всё теснее, теснее, теснее... Дыхание её будет становиться всё слышнее, надрывнее и вскоре начнёт прерываться всхлипами, хриплым шёпотом...

Под Джулией скрипит кресло. Насонкин испуганно встряхивается, оборачивается, вскакивает, густо багровеет.

НАСОНКИН. Джул?!

ДЖУЛИЯ. Прости, я тогда так внезапно исчезла — не попрощавшись...

НАСОНКИН. Не попрощавшись?

ДЖУЛИЯ. Ну да, в дверь же позвонили... Не хочу, чтоб меня видели. Почему тебя так долго не было?

НАСОНКИН. Меня?! Хотя, да, конечно... Джул, а ты не помнишь про медальон?

ДЖУЛИЯ. Какой медальон? Этот? Что я должна про него помнить?

НАСОНКИН. В нём, наверное, портрет?

ДЖУЛИЯ. Да. Но тебе не надо смотреть. Будь умницей, Коля!.. Понимаешь, всё зашло так далеко, что я не знаю — почему мы с ним до сих пор вместе... Ну а ты — влюблён?

НАСОНКИН. А вот на этот вопрос нет достойного ответа... Тьфу, это же Таккер говорит... А я? Ну конечно! Ты же это видишь!! Ты это знаешь!!!

ДЖУЛИЯ. Я о тебе думала...

НАСОНКИН. Да?!

ДЖУЛИЯ. Каждый раз, когда я пытаюсь завести нормальный роман с нормальным человеком — происходит катастрофа...

НАСОНКИН. Анна, мне очень приятны твои слова.

ДЖУЛИЯ. Почему Анна? Ты уже с женой меня путаешь?!

НАСОНКИН. Никакой жены у меня уже нет, и ты это знаешь. А слова про «нормальный роман с нормальным человеком» говорит твоя Анна Скотт Уильяму Таккеру, и ты их сейчас просто повторила...

ДЖУЛИЯ. Нет, не просто! Я их именно СЕЙЧАС сказала и именно ТЕБЕ... Между прочим, всё уже на свете сказано и повторяется...

НАСОНКИН. Что ж, тогда продолжим по сценарию: что тебе приготовить — чай? кофе? ванну?

ДЖУЛИЯ (*смеётся*). Вау! Да ты все диалоги помнишь наизусть? Только Хью про кофе не упоминал, и вопрос этот звучал раньше... А, впрочем, я не о том... Да, ванну было бы неплохо...

НАСОНКИН. Вау?! Кстати, ты прости, мне бы тоже потом не мешало — я из больницы...

ДЖУЛИЯ. Ой, Коля — «вау»? Представь, если я начну говорить: чаво? У нас это дурацкое «вау» говорят только девочки-подростки, дешёвые проститутки да манерные педики... Ужас, откуда оно опять ко мне прилепилось? Я ведь давно уже его не употребляю... (*Подумав, вдруг грозит шутливо пальцем.*) Коля, это твои штучки! Перестань меня зомбировать!..

НАСОНКИН. Так как насчёт ванны?

ДЖУЛИЯ. Как, она ещё не набирается?!

Насонкин секунд десять смотрит ей в глаза, срывается с места, летит в ванную, слышен шум воды. Вбегает в комнату, запыхавшись, будто ванная находится по крайней мере в соседнем доме.

НАСОНКИН (*кричит*). Всё! Всё готово! Сейчас, только полотенце!..

Джулия сидит на диване, зажав кисти рук меж колен. На крик Насонкина улыбается. Он распахивает дверцу шифоньера, копается в белье, находит полотенце, словно рыбак-счастливец громадную щуку, несёт его в вытянутой руке в ванную. И — застывает. Джулия, стоя спиной к нему в нише, укладывает свитерок на стул рядом с диваном. Ослепительно-белая полоска лифчика резко выделяется на матово-загорелой коже. Она расстёгивает пояс брюк, наклоняется, снимает их, также вешает на спинку стула, стягивает

ДРАМАТУРГИЯ

следом чёрные колготки, остаётся в белых трусиках, поднимает руки, высвобождает волосы, стянутые резинкой, встряхивает головой, поворачивается и видит Насонкина. Она тянется за одеждой, но спохватывается, просто прикрывает грудь поверх лифчика ещё и ладонями, смотрит с явным смущением.

ДЖУЛИЯ. Вот... решила здесь... В ванной места мало... *(Смущение её уступает место горделивому спокойствию, она выпрямляется, убирает руки. Идёт к ванной, на ходу быстрым движением растёгивая лифчик, просто, обыденно, совсем «по-семейному» говорит.)* Ну, идём? *(Выхватывает у него из рук полотенце, исчезает в ванной, оставив дверь открытой. Шум воды стихает. Выглядывает.)* Ну, что, так и будешь стоять?

НАСОНКИН *(разводя руками, делая нелепые жесты и округляя глаза)*. Что, и мне раздеваться?!?

ДЖУЛИЯ *(внятно, почти по слогам)*. Коля, ты должен немедленно раздеться и идти сюда.

НАСОНКИН. Совсем раздеться?!

ДЖУЛИЯ. Нет, носки можешь оставить — если ты привык мыться в носках!

НАСОНКИН. Но я хотел позже...

Осекается под её взглядом, ковыляет в нишу, стягивает ватными руками с себя брюки, рубашку. Подходит к столу, делает из горлышка пару добрых глотков. Осматривает свои семейные трусы, бросается к шкафу, выуживает голубые плавки...

Глик пятнадцатый

Квартира. Поздний вечер. НАСОНКИН лежит в постели. Из кухни появляется ДЖУЛИЯ с подносом, одетая, как в аналогичной сцене «Ноттинг Хилла» — в одной мужской рубашке.

ДЖУЛИЯ. Завтрак в постель.

НАСОНКИН *(блаженно лыбясь)*. Какой же завтрак? Ужин!

ДЖУЛИЯ. Всё равно! Или сначала — под душ?

НАСОНКИН (*глянув на часы*). Да воды уже нет, теперь только в шесть утра дадут.

ДЖУЛИЯ. Почему только в шесть?

НАСОНКИН. Потому что экономят шибко.

ДЖУЛИЯ. Кто?

НАСОНКИН. Да кто, кто! Наши чинуши... в кожаных пальто! Они почему-то уверены, что с десяти до двенадцати, с четырнадцати до восемнадцати и по ночам люди у нас не пьют чай, не стирают, в туалет не ходят, пожары не тушат и уж тем более душ не принимают... Радетели хреновы!

ДЖУЛИЯ. А мэр что же, не знает об этом?

НАСОНКИН. Мэр?.. Вот у вас в Нью-Йорке кто мэр?

ДЖУЛИЯ. Рудольф Джулиани, чудесный человек! Мы его зовём просто Руди, Руди Джулиани.

НАСОНКИН. Ну вот видишь, ДЖУЛИЯ, разве может человек с фамилией ДЖУЛИАНИ быть плохим человеком и мэром?

ДЖУЛИЯ (*со смешком пытается стащить с него одеяло*). А может, мы пока без воды обойдёмся?

НАСОНКИН (*удерживая край*). Что ты! Погоди! Надо ж поесть!..

ДЖУЛИЯ (*с притворным ужасом*). Коля, что я слышу?! Ты мне отказываешь? Ты уже меня не хочешь?!

НАСОНКИН. Джул, ну не смейся, не надо...

ДЖУЛИЯ. Всё! Всё, не буду. Давай, и правда, хоть кофе выпьем. (*Наполняет из турки чашки.*)

НАСОНКИН (*садясь на постели*). Джул, а я ведь всё мечтаю угостить тебя твоим любимым блюдом — французским тостом. В Интернете выискал... Всё у меня есть или достать могу: и сливочное масло, и яблоки, и сахар, и яйца, и молоко, и даже сахарная пудра... А вот что такое «круассаны», коих надо четыре штуки, — хоть убей, нигде узнать не могу

ДЖУЛИЯ (*смеётся*). Глупый! Это обыкновенные французские булочки... Я, и правда, их люблю — когда свежие, с хрустящей корочкой... Чтобы в следующий раз как миленький угостил меня круассанами с яблоками! (*Поднимает руку, чтобы поправить волосы.*)

НАСОНКИН (*шутливо вытягиваясь и козыряя*). Есть! (*Быстро наклоняется и целует-чмокает сквозь рубашку её левую грудь.*)

ДЖУЛИЯ (*прикрыв ладошкой место поцелуя*). А, кстати, ты не знаешь, Коля, куда в тот раз подевался мой лифчик?

НАСОНКИН (*делая лицо валенком*). Какой лифчик? Не знаю я никакого лифчика! Что я, пацан какой, что ли, лифчики тырить! Может, он куда за диван завалился, может, под подушкой остался... Ха, лифчик!.. Вы, между прочим, Джулия Уолтеровна, как нам отлично известно, в манхэттенском закрытом клубе «Хогз энд Хайферс» (если я правильно произношу) сняли и подарили хозяину в коллекцию личных вещей голливудских знаменитостей, вот именно, свой лифчик!.. И не стыдно?

ДЖУЛИЯ. Вау! Какие гадости ты про меня знаешь! А ведь после того случая и поползла сплетня, будто я гольшом на столе в ночном клубе танцевала... Никаким не гольшом! Сняла лифчик скромно, за дверь, в пустой комнате... Что, я виновата, да, если традиция такая?

НАСОНКИН. Ну вот, сейчас мы опять, как в «Ноттинг Хилле», разыграем сцену: ты будешь каяться в грехах молодости, я — тебя успокаивать... Знаешь, мы с тобой, наверное, так от кино никогда и не уйдём!

ДЖУЛИЯ. Да-а-а... От кино не уйти... Ты знаешь, а я ведь вообще не понимаю — живу я или снимаюсь в каком-то непрерывном сериале... Другие актёры, смотрю, всё время как перед объективом, даже когда не снимаются, а я, наоборот, про камеры вообще забываю даже на площадке... Не представляю, как это — играть роль... (*Смеётся.*) Помню, даже напугала Ричарда в «Красотке», ну в той сцене, где я ему ширинку расстёгиваю: он, бедный, аж отталкивать меня начал...

НАСОНКИН (*криво усмехаясь*). А что, если б не оттолкнул?

ДЖУЛИЯ. Коля, ты смешной! Но раз тебе так интересно — ответчу: я бы, конечно, и сама потом остановилась, но обнажила бы конец Гира перед камерой до конца — это уж точно! (*Заливается смехом.*)

НАСОНКИН (*с восторгом*). Я вот вспомнил, Фёдор Михайлович сказал однажды: хочешь узнать человека до конца — посмотри, как он смеётся... И ещё, Джул (*вскакивает от возбуждения*), вот что я подумал: тебе же надо играть женщин Достоевского! Да, да! Настень-

ку!.. Полину!.. Дуню Раскольникову!.. Настасью Филипповну!.. Грушеньку!..

ДЖУЛИЯ. Да-а? (*Ласково убирает чуб с его лба.*) Да-а?.. И сниматься у русских режиссёров?.. И жить в России?..

НАСОНКИН. Ну не обязательно... Снимают и у вас там кино по Достоевскому — Настасья Кински вон в «Униженных и оскорблённых» Наташу сыграла...

ДЖУЛИЯ. А тебе нравится Кински?

НАСОНКИН. Да при чём тут «нравится»? Хотя, да, в ней что-то есть притягательное...

ДЖУЛИЯ. А ещё кто тебе нравится?

НАСОНКИН (*ёрничая*). Памела Андерсон!

ДЖУЛИЯ (*мрачно*). Я так и думала... Конечно, там есть на что посмотреть! (*Показывает на грудь*) Не то что у меня...

НАСОНКИН (*начинает бурно целовать её лицо, плечи, грудь*). Джул!.. Смешная!.. Да какая Памела!.. Да разве есть на свете женщина красивее тебя!.. Что ты!.. Дурочка!.. Ты — божественна!.. Ты — совершенство!..

ДЖУЛИЯ. Да? Да? (*Смеётся, поднимает обеими руками над головой свои густые роскошные волосы.*) Скажи, а какая причёска мне лучше — длинная или короткая?

НАСОНКИН (*блаженно лыбясь*). Ты сама знаешь, какая — любая.

ДЖУЛИЯ. Нет, ну правда, какая?

НАСОНКИН. Ну, если честно, мне не очень нравится, когда ты делаешь волосы тёмными и гладко зачёсываешь...

ДЖУЛИЯ. Да-а-а?! Я так причёсываюсь только по самым торжественным случаям, когда надо выглядеть этакой великосветской дамочкой...

НАСОНКИН. Вот именно! И ты тогда какая-то чужая, холодная и, между прочим, старше выглядишь...

ДЖУЛИЯ. Хорошо, такую причёску я теперь буду делать только по самым, самым торжественным поводам — когда буду получать ещё «Оскар». Хочу выглядеть при этом надменной, холодной и величавой... Ха-ха-ха! (*Вдруг осекается.*) Колья, а который час?

НАСОНКИН. Начало первого.

ДРАМАТУРГИЯ

ДЖУЛИЯ (*вскакивая*). Ночи?!

НАСОНКИН. Ночи, ночи! Ты что, Джул, роль Золушки играешь?

ДЖУЛИЯ. Какой Золушки! Ты этого не чувствуешь? Не понимаешь?.. Я должна, я обязана вернуться максимум через восемь часов. Коля, ты, прости, ламер какой-то! Запомни, у нас с тобой всегда есть и будут только эти восемь часов — восемь часов разницы между вашим и нашим временем — понял?..

НАСОНКИН. А если больше? А если комп почему-либо сам вырубится-отключится — что тогда?..

ДЖУЛИЯ. Тогда ТАМ меня на сутки потеряют! Тогда ТАМ сорвутся съёмки! Тогда ТАМ будет много недоразумений и неприятностей!.. Вернее — уже начались! (*Закрывает лицо руками, через пару секунд машет решительно рукой.*) А, ладно!

НАСОНКИН. Что? Что?

ДЖУЛИЯ. Ничего, Коля, не страшно, я просто возьму себе выходной.

НАСОНКИН. Как выходной?

ДЖУЛИЯ. Так, обыкновенно, как Эдвард в «Красотке»... Имею я, наконец, право хотя бы сутки отдохнуть от работы и провести их с... милым сердцу человеком?

НАСОНКИН. Имеешь! Ох как имеешь!!!

ДЖУЛИЯ. Ну вот, ещё целую ночь и целый день я буду у тебя... У-ух, надоем!

НАСОНКИН (*осыпая её лицо, плечи, шею поцелуями*). Надоешь, надоешь!

ДЖУЛИЯ (*мягко отстраняясь*). Подожди, подожди, Коля, у нас же сегодня вся ночь впереди! Пойдём-ка лучше сообщение отправим, чтобы ТАМ особо уж сильно не всполошились.

Идут к компьютеру. Насонкин вызывает Outlook Express, Джулия присаживается на кресло, ёжится. Насонкин порывается что-нибудь подстелить на сиденье — она останавливает его жестом, быстренько настукивает мэйл (Насонкин деликатно старается не читать) и пытается сразу отправить.

НАСОНКИН. Минутку, Джул, забыл предупредить — ещё надо подключиться к Интернету.

ДЖУЛИЯ. А зачем ты отключаешься?

НАСОНКИН. Видишь ли в чём дело, у меня лимит — двадцать часов в месяц, так что, если я не буду отключаться, я двадцать девять дней из тридцати буду сидеть без Интернета. *(Пытается подключить — модем попискивает, хрюкает, перебирая номера.)* Да, у нас выход в Интернет — это проблема! У провайдера моего всего двадцать линий, а нас таких вот, с пентюхами — пара тысяч, так что надо ловить момент и свободную, так сказать, кабину. Ничего, ничего, провёмся! Только, ещё заранее скажу, потом не удивляйся, когда провёмся в веб-пространство — полёта не получится: в Интернете мы не летаем, а ползаем по телефонным линиям-проводам... Впрочем, мыло довольно шустро шмыгает, на то оно и мыло... Во, есть!

ДЖУЛИЯ *(отправив мэйл, улыбается)*. Коля, ну-ка выдавай тайны: на какие сайты ты ко мне в гости ходишь?

НАСОНКИН. О-го-го! У меня, знаешь, ссылок на тебя сколько — выбирай! *(Кликает мышкой.)*

ДЖУЛИЯ *(пробегая взглядом по экрану)*. О, вот эта! Я люблю этот сайт — juliafan.com! *(Вскоре звучит музыка, на экране томительно медленно раскрывается страничка.)* Да-а-а... *(Резким щелчком закрывает браузер.)* Знаешь, Коля, когда у нас там будешь — сам увидишь, КАК должны странички раскрываться...

НАСОНКИН. У вас? Там?

ДЖУЛИЯ *(смеётся)*. Ну а как же. Не век же мне к тебе в гости заявляться, должен и ты когда-нибудь у меня побывать...

НАСОНКИН *(смотрит во все глаза, наклоняется, нежно её обнимая)*. Знаешь что, Джул, а давай-ка всю ночь у компьютера просидим — это ж так интересно!

ДЖУЛИЯ. Давай! *(Смеётся, прогнувшись в кольцо его рук, откидывает лицо, подставляя губы.)* Давай!

Насонкин жадно прикикает к её губам.

Глик шестнадцатый

Квартира. НАСОНКИН и ДЖУЛИЯ спят. Он приподымает голову, смотрит с опаской на Джулию, осторожно начинает выбираться из-под одеяла. Она шевелится, не открывая глаз, потягивается — всласть, пристанывая.

ДЖУЛИЯ. Вставать будем?

НАСОНКИН. Ты спи, спи! Мне Бакса покормить нужно...

Кот из-за двери орёт, словно подтверждая. Насонкин, прихватив брюки, выходит на кухню. Джулия проворно вскакивает, набрасывает его рубашку, заправляет-складывает диван, хватая свою одежду, исчезает в ванной. Насонкин возвращается в брюках, с двумя чашками дымящегося кофе на подносе, смотрит в сторону ванной.

НАСОНКИН (*как бы про себя*). Надо пошустрей диван заправить... (*При виде заправленной постели застывает.*) Ни хрена себе!

Входит Джулия. При виде удивлённой физиономии Насонкина прыскает.

ДЖУЛИЯ. Ты же сам этого хотел, Коля! Ну, признавайся!

НАСОНКИН. М-м-м...

ДЖУЛИЯ. Знаешь, я что-то ни с того ни с сего вспомнила одну историю — про Марлен Дитрих и Ремарка. Их с первой же встречи просто потащило друг к другу, но они долго скрывали свои чувства. Потом Ремарк всё же не выдержал и признался: «Марлен, я вас безумно люблю, но... я импотент!» И закрыл глаза — ну, думает, сейчас размажет смехом. И Марлен действительно засмеялась, но... радостно. И воскликнула: «Слава Богу! Мне так опротивело играть роль страстной ненасытной женщины!» Между прочим, они потом долго были вместе и счастливы... Вот так, Коля! (*Дурашливо давит указательным пальцем на кончик его носа.*)

НАСОНКИН (*напыщенно, почти на полном серьёзе*). Я бы не хотел, чтобы в моём присутствии произносили слово «импотент»!..

ДЖУЛИЯ. Но ты же не импотент, чего ж волноваться?.. (*Поднимает руки вверх, сдаваясь.*) Всё, всё, не буду! И вообще, Коля, мы что-то на сексе заикнулись. А ведь секс, постель в отношениях между двумя людьми — это не самое главное... Ты согласен?

НАСОНКИН (*жарко*). Абсолютно! На все сто!!

ДЖУЛИЯ (*стоя спиной к нему, рассматривает корешки книг на стеллажах*). У тебя бывало так? Ты находишься с человеком в комнате наедине, вы даже не касаетесь друг друга... Вы даже не разговариваете... Вы просто сидите в креслах, может, читаете книги... За окнами темно, шумит дождь... Ты оторвёшься от книги, взглянешь на него и вдруг чувствуешь, как будто волна тёплая прокатилась где-то там, внутри, в душе, и про себя воскликнешь: «Господи, как же мне хорошо! Как я люблю его!...» И он, почувствовав твою волну, поднимает на тебя взгляд и улыбается... (*Проводит пальцем по корешкам книг, оборачивается.*) Бывало?

НАСОНКИН. Я понимаю, о чём ты... Я хочу, чтоб у нас так было... Я об этом мечтаю! (*Резко меняет тон, грозит ей пальцем.*) Джулия Уолтеровна, да вы, и вправду, стихи тайно пишете?

ДЖУЛИЯ (*кривится*). Ну я тебя умоля-а-аю, не зови меня Уолтеровной! А стихи я, может, и пишу, но это так, не серьёзно... А вот читать и слушать очень люблю! Особенно — Уитмена и Неруду. У тебя, случайно, нет?

НАСОНКИН. У меня, случайно, Неруда есть! (*Снимает томик с полки, раскрывает наугад, с чувством декламирует.*)

— Люблю любовь, где двое делят
хлеб и ночлег.
Любовь, которая на время
или навек.
Любовь — как бунт, назревший в сердце,
а не сердечный паралич.
Любовь, которая настигнет,
любовь, которой не настичь...

ДЖУЛИЯ (*деликатно*). Да-а, стихи трудно переводить... Вау, Коля, да у тебя и наши есть! Это же, если я не ошибаюсь, — Фолкнер? А это вот — Сэлинджер?..

ДРАМАТУРГИЯ

НАСОНКИН. У нас всё есть! И вообще, мы — самая читающая страна в мире!..

Звонок в дверь. Насонкин, удивлённо глянув на Джулию, показывает жестом, мол, не волнуйся, идёт к двери, заглядывает в глазок.

НАСОНКИН. О Боже! Это мой приятель, поэт... Прости — его оправдать невозможно!..

Появляется Телятников и, сразу видно, «производит впечатление» на Джулию не слабже, чем Спайк на Анну Скотт в аналогичной сцене «Ноттинг Хилла».

ТЕЛЯТНИКОВ (*как всегда — во всю глотку*). Здорово-о-ово, Николай! А ты, смотрю, не один, мать твою!!! Да вы просто как Пушкин с Наташкой! А ну-к, знакомь со своей красоткой, бляха-муха! (*Шепчет ему на ухо так, что на всю округу слышно.*) Нашёл похожую на ту, из компьютера? Вижу! (*Повернувшись к Джулии, подкручивает ус.*) Привет, я — Аркаша!

ДЖУЛИЯ (*прикусив губу, во все глаза смотрит на «Аркашу», который в два раза её старше и почти вдвое ниже*). Arkasha?.. Do you understand English?

НАСОНКИН. No! Аркаша понимает у нас только фарси, идиш и санскрит, ну и немножко язык птиц... (*Подхватывает ошарашенного Телятникова под локоть, уволакивает в кухню.*) Пойдём, пойдём, Аркадий, если по делу — там поговорим! Мы с Юлей сейчас уходим, уже опаздываем!

Уходят. С кухни отчётливо слышен их диалог, хотя они и пытаются говорить тихо.

ТЕЛЯТНИКОВ. Друг, выручай, бляха-муха! Тридцатник всего!..

НАСОНКИН. Аркадий, ей-Богу — ни рубля! Хоть шаром покати! А до зарплаты ещё три дня — сам думаю, у кого перехватить...

ТЕЛЯТНИКОВ. А у бабы у твоей?

НАСОНКИН. Ты что?! А ну тиш-ш-ше! С ума совсем сошёл!

ТЕЛЯТНИКОВ. Ладно-ладно!.. Прости, друг! Такая хрень пошла — похмелиться не на что! В аппендицит твою мать! Ладно, бляха-муха, пойду к нашему классику Заскорузлычеву, может, у него, кур-куля, разживусь... (*Уходит.*)

НАСОНКИН (*возвращаясь в комнату*). Извини, Джул...

ДЖУЛИЯ. Коля, это ты меня извини, но хочу спросить, вернее, сказать: у тебя, я давно заметила, трудности с деньгами...

НАСОНКИН. Всё! Всё! Запретная тема! Давай о другом... Слушай, Джулия, а что, если мы пойдём гулять, а? Действительно, сидим взаперти, как арестанты...

ДЖУЛИЯ. Ой, и правда! Давай прокатимся на машине по тво-ему городу, а? Я хочу увидеть город, в котором ты живёшь. Как он называется — Ба-ра-нов?

НАСОНКИН. Да, город Баранов. Такое вот название. Его при советской власти переименовали в Вавиловск, а теперь вот опять вернули дореволюционное... Только, Джул, насчёт машины...

ДЖУЛИЯ. Коля, у тебя нет машины?!

НАСОНКИН (*усмехаясь*). Увы, нет! Да и вообще, я — автосемит... То есть, тьфу, автопацифист... Короче, я люблю ходить пешком! И, между прочим, терпеть не могу женщин за рулём...

ДЖУЛИЯ (*с иронией*). Вау?!

НАСОНКИН. Да, да! Женщина, по моему глубокому убеждению, если она ЖЕНЩИНА, в любом случае и всегда должна сидеть, плотно сжав колени. А в машине, за рулём, давя на педали, она в любом случае и всегда сидит враскоряку, расщеперившись, похабно!..

ДЖУЛИЯ (*смеясь*). Ну, ну, Коля, какой ты... суровый! Я, между прочим, за рулём только в брюках езжу.

НАСОНКИН. Неправда.

ДЖУЛИЯ. Ну вот, Коля, мы с тобой уже совсем как муж с женой — сидим в четырёх стенах и по каждому пустяку спорим... Пойдём, пойдём — как это? — на люди, на свежий воздух.

НАСОНКИН. О, как раз — вспомнил: у нас же в городе сегодня — закрытие кинофестиваля «Золотой витязь»: это ж по твоей части! (*Смотрит на часы.*) Как раз должны успеть. Только...

ДЖУЛИЯ. Что?

НАСОНКИН (*смотрит на компьютер*). Как же мы?.. Нам же...

ДРАМАТУРГИЯ

ДЖУЛИЯ. А вот давай и проверим! Если мы его (*кивает на комп*) пленники — мы просто не сможем уйти и всё. Но я думаю, что дело не в расстоянии, не в пространстве, а только — во времени... (*Решительно, хватая Насонкина за руку.*) Пошли!

Держась за руки, медленно продвигаются к двери, открывают, выходят. Слышны их удаляющиеся шаги и радостный смех.

Глик семнадцатый

Последний ряд Концертного зала. Слышно, как на сцене представляют актёров: «...Народный артист... Евгений Матвеев... Заслуженная артистка... Федосеева-Шукшина...» НАСОНКИН и ДЖУЛИЯ сидят с краю. Рядом с ними — БЕЛОБРЫСАЯ ДЕВУШКА.

НАСОНКИН (*Джулии — сконфуженно, кивая на сцену*). Конечно, это не Венеция, не Канны... Здесь, конечно, в основном третьеразрядные российские актёришки, какие-то хохлы, поляки, югославы... Но, видишь, видишь, приехали и некоторые настоящие наши кинозвёзды, вон ещё Георгий Жжёнов... Тебе бы, Джул, на Московский фестиваль поглядеть — там поприличнее. И почему ты никогда к нам не приезжаешь? Вон даже в Монголии совсем уж зачуханной побывала...

ДЖУЛИЯ (*с любопытством глядя на сцену, улыбаясь*). Теперь приеду! Если пригласят, конечно! (*Взрыв оваций. Белобрысая девушка вскакивает, что-то вопит.*) Кто это?

НАСОНКИН. Барбара Брыльска, польская кинозвезда — когда-то гремела у нас в Совке, считалась супер-пупер...

БЕЛОБРЫСАЯ ДЕВУШКА (*буквально плачет, прижав кулачки к подбородку*). Барбара! О Барбара!.. Хосподи, это же сама Барбара Брыльска!.. Не-ве-ро-ят-но-но!!! (*Обращаясь к Джулии.*) Ой, а как вы думаете, она будет потом автографы раздавать?

Джул смотрит на Насонкина вопросительно.

НАСОНКИН (*«переводит»*). Она хочет автограф Барбары Брыльски заполучить.

ДЖУЛИЯ. Спроси её, а мой автограф она не хочет?

НАСОНКИН. Девушка, а вы хотите, моя спутница даст вам автограф?

Барановская киноманка негодуяще на них зыркает, мол, шутники хреновы, и пересаживается чуть дальше на свободное место.
Насонкин с Джулией фыркают, зажимая смех.

ДЖУЛИЯ (*указывая на сцену*). Это кто — в сутане? Актёр?

НАСОНКИН. Нет, не актёр, но — ряженный. Наш епископ барановский — Парфений. Во всех тусовках крутится, суетной жизнью живёт...

ДЖУЛИЯ. Знаешь что, Коля, уж извини, но что-то, и правда, не очень интересно. Пойдём? Нам уже и поесть пора... (*С намёком.*) Кстати, Коля, а что у нас сегодня на обед?

НАСОНКИН (*помрачнев*). Щас чего-нибудь по дороге купим, колбасы...

ДЖУЛИЯ. Никакой колбасы! Ничего не надо покупать. У нас же сегодня выходной и праздник! Веди меня в — как это у вас? — в трактир! (*Выбираются из зала. Насонкин мнётся.*) Вот что, Коля, если ты сейчас же, немедленно не доставишь меня в самый лучший ресторан вашего города — я обижусь!.. (*Машет рукой.*) Эй, taxi, taxi!

НАСОНКИН (*в сторону зала*). Интересно, сколько у меня — рублей сто?

Слышен рёв подъезжающего авто, уже за сценой голос Джулии:

ДЖУЛИЯ. Какая странная машина...

НАСОНКИН. Это иномарка такая, типа “Zaporogetz”...

Хлопает дверца. Машина с натугой отъезжает.

Глик восемнадцатый

Столик в пустом ресторане. НАСОНКИН и ДЖУЛИЯ заканчивают обед, пьют кофе и ликёр. Неподалёку дежурят два официанта в бабочках.

ДЖУЛИЯ. Коля, зря всё-таки ты от устриц отказался. Ну ведь, признайся, ты их никогда не пробовал?

НАСОНКИН. И не хочу! Чтобы я, как твоя Вивьен в «Красотке», начал устрицами в этих вон (*кивает на гарсонов*) гавриков пулять? Джул, пойдём лучше домой...

Один из официантов подсакивает, ставит на стол блюдце со счётом.

НАСОНКИН (*посмотрев бумажку*). Ни хрена себе! 8623 рубля 50 копеек!

ДЖУЛИЯ (*смотрит счёт, наклоняется к Насонкину*). Коля, это сколько в долларах? Ты знаешь курс?

НАСОНКИН. Сколько, сколько... Если по 30 рублей, значит, — почти 290!

ДЖУЛИЯ (*пошарив в сумочке на коленях, так же скрытно, за столиком, передаёт ему пачку долларов, перехваченную поперёк лентой, шепотом*). Я знаю, у вас по вашим смешным правилам — кавалер платит. Только, Коля, три сотни и — ни центом больше! Нечего повозахать. Я тебе скажу по секрету: обед неплохой, но три сотни баксов он не стоит!..

Насонкин, взяв в руки деньги, вдруг совершенно наглым развязным жестом подзывает официанта, плюёт на пальцы, вытаскивает из пачки одну за другой три бумажки и небрежно отмахивается.

НАСОНКИН. Сдачи не надо!

Лакей презрительно хмыкает, с кривой усмешкой принимает деньги. Насонкин тянет было ещё одну бумажку, но Джулия накрывает его руку своей, мягко останавливает. Когда официант отходит, Насонкин хочет отдать пачку Джулии, она снова его останавливает.

ДЖУЛИЯ. Нет, нет, Коля, это — тебе. И не спорь! Я давно хотела тебе подарок сделать. Я тебя прошу: купи машину, пока недорогую... Ну нельзя без машины, как ты не понимаешь! И питаться, Коля, надо — это здоровье! Я очень, очень — ты меня слышишь? — очень хочу, чтобы ты не отказывался... Я обижусь! Ты не виноват, что у тебя денег нет, как и я не виновата, что они у меня есть. Ты что, не понимаешь — я специально для этого деньги взяла. Ты думаешь, я каждый день с собой пачки долларов наличными ношу? Всё, всё, не хочу ничего слышать — это тебе! *(Прерывая возражения, обнимает его и, не обращая внимания на лакеев, целует.)*

НАСОНКИН *(жарко отвечая на поцелуй)*. К чёрту деньги! К чёрту устриц! Джул! Родная моя!.. Боже, как я тебя... ай лав ю!

Глик девятнадцатый

Другой день. Квартира. В кресле сидит ДЖУЛИЯ (одетая, как Эрин Брокович) мрачнее тучи, гладит Бакса на коленях. Шум входной двери. Появляется пьяный НАСОНКИН с бутылкой в руке.

ДЖУЛИЯ. Ну, и что это значит? Ты же сказал, что уходишь на десять минут?!

НАСОНКИН *(бурчит)*. Меня, между прочим, с работы попёрли...

ДЖУЛИЯ *(не слушая)*. Знаешь, Коля, мне что, больше делать нечего, как кога твоего здесь ласкать?

НАСОНКИН *(взрываясь)*. Конечно, ведь ТАМ есть получше кого ласкать-гладить!.. Видел я, читал вчера в Инете, что у тебя помолвка скоро... Не хотел говорить, да — ладно уж...

ДЖУЛИЯ. Вау! Ты опять?

НАСОНКИН *(судорожно сковыривая пробку с бутылки)*. Не опять, а снова! Между прочим, если ОН тебе, и правда, платиновое обручальное кольцо с бриллиантом в три карата подарил — могла бы и похвалиться... Как-никак, мы с тобой... друзья! *(Вынимает из серванта фужер, наливает больше половины, пьёт.)*

ДЖУЛИЯ *(встаёт, сбрасывает кога)*. Знаешь что, я не собираюсь здесь смотреть, как ты будешь напиваться...

ДРАМАТУРГИЯ

НАСОНКИН (*отставляя бутылку и фужер*). Джулия! Джул! Всё, не буду! Но ты скажи мне — зачем? Неужели ты не видишь — он же тебя за дуру держит! Буквально за дуру! Ты что, не знаешь, не веришь, что он до сих пор названивает этой своей — как её?..

ДЖУЛИЯ (*гневно выпрямляется, смотрит сверху вниз*). А вот это тебя не касается!.. Слышишь? Ты меня очень хорошо слышишь? Пошёл ты знаешь куда?.. (*Срывается на крик.*) Ты что себе позволяешь, а?! Мне такой мужской шовинизм — как это? — на хрен не нужен! Я что — ТЕБЕ принадлежу?..

НАСОНКИН (*умоляюще*). Джул!..

ДЖУЛИЯ. Да, он подарил мне кольцо за пять тысяч баксов, а ты такое подарить не можешь!.. И вообще, Колья, за-пом-ни: твой уровень — Анна Иоанновна!.. (*Насонкин, начав было опускаться на колени, застывает в нелепой позе.*) Не смей — ты меня хорошо слышишь? — не смей меня больше вызывать! Даже если и приду — только хуже будет!..

Бьёт по кнопке компьютера. Свет гаснет.

Глик двадцатый

Квартира. НАСОНКИН сидит на диване, зажав голову руками.

Поднимает взгляд, тоскливо осматривает комнату. Достает из-под подушки чёрный ажурный лифчик, зарывается носом в одну чашечку, другую, жадно вздыхает.

НАСОНКИН (*сам себе или зрителям*). Ну не снилось же мне всё это?! Вот этот чудный милый лифчик с трогательными небольшими чашечками, уже зацелованный мной, — он что, и в ТОМ мире сейчас на Джулии?.. И — помнит ли она сейчас, знает ли обо мне вот именно в данную секунду, находясь в ТОМ мире?.. Особенно, когда целуется-обжимается с этим своим... Чёрт, лучше об этом не думать! (*Пауза.*) Как же жить теперь? Как?! (*Звонок в дверь. Вскрывает, летит, открывает. Голос: «Вам повестка, распишитесь».* Возвращается с листком бумаги в руке, с недоумением читает.) «Суд вызывает вас в качестве ответчика...» Ни хрена себе! Вот тебе и Анна Иоанновна!..

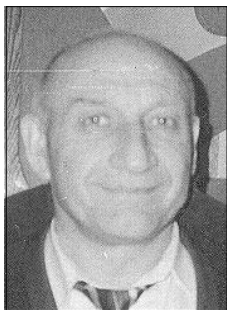
Всё! Хватит! К чёрту! Решено! *(Раскрывает кейс, складывает в него дискеты, видеокассеты, пачку денег, паспорт, бельё, снимает портрет Джулии, целует.)* Да и разве я смогу теперь без тебя, родная моя, жить? *(Подумав, снимает с полки и кладёт в кейс книгу.)* Ничего, ничего, Эдичка Лимонов ТАМ выжил, выживу и я!.. *(Осматривается.)* Та-а-ак, Баксика соседям сдам... А, вот ещё что... *(Набирает номер.)* Аркадий, ты? Слушай, через двадцать минут жду тебя у нашего гастронома — дело денежное и суперважное. Хочешь приличную книжку издать? Тогда торопись! *(Кладёт трубку, достаёт из дипломата доллары, отсчитывает несколько бумажек.)* Всё, сейчас с другом Аркадием попрощаюсь, прихвачу бутылочку шампанского, вмажу на дорожку, на новую счастливую жизнь и... *(Размышляет.)* Главное, уйти-нырнуть в программу с головой, а потом изловчиться и стереть её как бы изнутри...

И тогда — всё *(зрителям)*, ребята, покедова! *(Жадно осматривается вокруг.)* Прощай и ты, Расея-матушка!..

Good-bye!

Свет медленно гаснет.

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

МУРАТОВ*

Историческая повесть
(фрагмент)

Белоснежная стремительных линий императорская яхта «Штандарт» громадной чайкой со сложенными крыльями мягко качалась на почти полном штиле. В нескольких милях пилил небо зубчатый Кронштадт. Погода и смута в России пошли «на ведро», подняв настроение венценосца.

Император мучился не только животом, но и головой, мучительно гадая: чего же он такого съел, отчего его так немилосердно прослабило? Доктор Боткин по своей обычной настырности пичкал каким-то белым воньким порошком, но облегчения не наступало.

День 2 сентября 1906 года выдался погожим, как обычно на стыке лета и осени. Перед очередной ежегодной смертью природы всё пахло особенно сильно — растения, море, воздух. Скоро холода, ледяные ветры, снег, тяжёлые шубы, сапоги на меху и бесконечные насморки.

* Муратов Николай Павлович — тамбовский гражданский губернатор с 1906 по 1912 г.

Владимир Селивёрстов имеет юридическое образование, много лет работал на высоких должностях в органах тамбовской милиции. В настоящее время занимается адвокатской практикой.

Начинал как писатель с детективов, но в последнее время увлёкся краеведческо-исторической темой.

*Автор четырёх книг прозы и нескольких публикаций в журналах.
Член Союза писателей России.*

— Нельзя ли стакан холодной минеральной воды без газу? — попросил царь.

Придворный лекарь в знак согласия щёлкнул пальцами матросу, тот стремглав кинулся в трюм. Николай поморщился: сколько раз прошено не щёлкать раздражающе и зляще. Как всё же неистребимы привычки у людей и причём почему-то именно неприятные. Мысли перекинулись на собственную персону: у тебя у самого-то вредностей хоть отбавляй. О-хо-хо, все мы в рабстве у страстей своих! Самодержец усмехнулся своей застенчивой, чуть печальной улыбкой. Расшатались нервы! Как там цесаревич? Вчера опять синячище на ноге образовался, вспух страшновидно. Бедный мальчик! Родился на страдания и мучения. Распутин хоть и распутен, но один он в силах помочь.

Вседержитель всероссийский с умильной благостиею вспомнил вчерашний свой указ о помиловании двух злодеев, убивших тверского вице-губернатора. « Да, все грехи мои меньшие, нежели душу загубить Божию!» Но тут же заколебался, заметался сердцем: правильно ли, праведно ли, справедливо ли, прозорливо ли ухранил их от виселицы? Но выше справедливого возмездия и наказания может быть только прощение — милостивое помилование. На то он и царь, чтоб казнить или миловать!

В абсолютную тишину моря проник низкий гудок. Со стороны Петербурга ходко шёл паровой катер со столбом дыма, напоминавшим трость с белым набалдашником.

Не успели склянки отбить десять, как на борт после семафорного позволения, гремя железом трапа, поднялся министр внутренних дел Пётр Аркадьевич Столыпин и с ним незнакомец, такой же крупный, только моложе — человек в вицмундире прокурорского ведомства с академическим значком в петлице. Увидев визитёров, Николай вспомнил, что сегодня он утверждает гражданских губернаторов и поморщился, но пересилил себя и встретил гостей всё той же чуть застенчивой, немного печальной улыбкой.

Бывший саратовский губернатор, четыре месяца осваивающий кресло первого министра, вытер загорелую бритую голову чёрным шёлковым платком с кружевами. «Видно, подарок супруги», — подумал царь, памятуя о трогательных отношениях в семье министра МВД. Нежно любивший свою Аликс, он и в других це-

нил обожание жены. Верный супруг — верный слуга Отечеству и престолу.

Столыпин повёл ладонью-лопатой в сторону спутника. Тот во фронт по-солдатски не вытянулся, просто подобрался уважительно и представился мягким грудным баритоном сильного человека:

— Статский советник Муратов Николай Павлович.

В каюте, отделанной красным бархатом, бронзой и уставленной мебелью чёрного дерева, все трое уселись вокруг инкрустированного перламутром круглого столика, игравшего всеми цветами радуги в лучах солнца, проникающего в окна.

Николай, уже решивший про себя, что кандидат ему пришёлся по душе, предложил:

— Ну что ж, Николай Павлович, пока нам готовят чай, расскажите нам свою жизнь. Я смотрю, мы с вами одних лет?

— Ваше величество, всё докладывать согласно формулярному списку или только... квинтэссенцию биографическую?

— Конечно, подробно. Я никуда не спешу. Да и вас в губернаторы не каждый день сватают. И император вам, надеюсь, ещё не надоел?

Все коротко рассмеялись и длинно заулыбались, особенно император. Лицо его сделалось таким располагающим и дружеским, что Муратов почувствовал, как разжалось напряжение, сжимавшее голову, как отпустил горло спазм, и легко заговорил:

— Род веду я свой, Ваше величество, из потомственных дворян Рязанской губернии. На свет матушка родила меня 25 января 1867 года.

В этом месте царь кивнул, подтверждая равенство возраста.

— В Императорском лицее правоведения прошёл полный курс наук, по окончании коего в 1889 году утверждён в чине титулярного советника кандидатом на судейскую должность.

— Ого! Значит, круглым отличником за реферат? Похвально! Прошу прощения, продолжайте, пожалуйста.

Муратов от царской похвалы потерял нить рассказа о собственной жизни, сбился.

— В боевых действиях не участвовал. Женат на потомственной дворянке Марии Васильевне Ненароковой (произнеся девичью фамилию супруги, только сейчас оценил он её звучную красоту, соответствующую и внешности, и характеру — Не-на-ро-

ко-ва). В браке с нею прижиты три дочери: Тамара двенадцати лет, Нина — десяти и Марина — четырёх.

Монарх снова прервал рассказ:

— Пётр Аркадьевич, пошлите от моего имени супруге Николая Павловича французские духи... Ну, какие нынче в моде, а девочкам по кукле, да непременно моргучих и с голосом...

Муратов кивнул в знак благодарности и продолжил:

— Послужной мой список начинается с 1890 года, когда был я командирован сначала исполняющим делами мирового судьи, а потом следователем Лякумского отдела. Через три года переведён следователем судебным второго участка Покровского уезда Владимирского окружного суда. В 1895-м удостоен чина коллежского асессора. Через год вне срока за усердие в службе произведён в надворные...

Мелькнула мысль: «Эти чины ему присваивал уже нынешний император, сидящий напротив, самый главный человек в Российской Империи». От этой простой мысли у Муратова перехватило в горле. Он откашлялся и продолжил:

— В 1899-м назначен товарищем прокурора Московского окружного суда. Тогда же почтён вами, Ваше величество, статским советником. Последние два года в соответствии с вашим указом — прокурор Тверского окружного суда...

Царь смотрел на Муратова и думал: «Вот такие, как этот умница, и творят “именем Его императорского величества” правосудие на Руси, судебное дело. Тысяча с небольшим и олицетворяют его, самодержца, перед народом, вынося смертные приговоры или оправдывая... Хотя именно этот, сидящий напротив, из порядочных. Порядочных... рядочных... ядочных... Целый ряд таких рядовых правосудия... прямосудия... левосудия... кривосудия...»

— Сколько же человек вы на эшафот отправили? Хотя, если быть точным, преступников закона.

— Семерых.

— М-да-а... И скольких из них я помиловал?

— Ни одного.

— Значит, мы с вами убили семерых людей?

— Если не считать того, что эти семеро отправили на тот свет шестнадцать человек в совокупности... И по закону, а не по нашему с вами желанию, им полагалась смертная казнь.

— Если бы вам, Николай Павлович, вновь пришлось бы обвинять их, для скольких вы бы снова попросили виселицу?

— Для двух, пожалуй бы, нет. Да, скорей всего, отправил бы на бессрочную каторгу.

— Спасибо за искренность: не каждый бы решился на такие слова, да ещё со мною. Вы кавалер? И по какому орденству?

— Святая Анна второй и третьей степени.

Император поднялся, за ним встали и остальные.

— Ну что ж, Николай Павлович, повелеваем вам с сего числа исполнять должность тамбовского губернатора. Тяжёлую ношу и тяжёлое бремя взваливаете вы на свои плечи, но (император, подойдя, приобнял Муратова) вы человек могучий не только телесно... Полагаем вам содержание... э-э-э... Пётр Аркадьевич, помогайте...

Столыпин отчеканил:

— Жалованье в 4750 рублей и столовых 550. Губернаторская квартира служебная в десять комнат с горничной и дача загородная с прислугой. Госпитальных на поддержание здоровья 1500 рублей.

Государь, по всему видно, уже решил распрощаться, но вдруг, почти у трапа, спросил:

— Вот вы отбываете на новое место службы во вверенную вам огромную губернию, а что знаете про неё? Какие планы, а может, и мечтания есть заветные?

Муратов не вчера узнал о предстоящем губернаторстве, последнюю неделю прожил в столице, днём знакомился с меморандумами по Тамбову в МВД, а вечерами сидел в гостиничном номере и читал словари да справочники, изучал всё связанное с будущим местом службы. Но сейчас, как часто у него бывало, в нужный момент голова оказывалась пуста и наполнялась лишь «задним умом» после, когда поздно и ненужно. Потому и вывалил первое, пришедшее в голову:

— За последние сорок лет в Тамбовской губернии, Ваше величество, дворяне потеряли почти половину земли, удержанной ими после реформы шестьдесят первого года. Она перешла в руки купцов-предпринимателей.

— Вы против купцов, фабрикантов и капиталистов?

— Не купцы, а продавцы плохи. Дворянство вырождается физически и умственно. Энергичных среди них единицы, всё больше

чиновники и шнуры канцелярские, жалованьем довольствующиеся. А ведь это и есть цвет русской нации...

— Ну, это вы, милостивый государь, далеко уехали!.. — с улыбкой возразил Николай.

Когда Столыпин с Муратовым уже отплывали от «Штандарта», царь крикнул вслед:

— Берегите себя от террористов!

* * *

Император как в воду смотрел. Накликал. Не успел новоиспечённый губернатор сесть в курьерский «Петербург — Тамбов», как к нему в купе, затянутое малиновым плюшем и бесконечно раздвинутое бесчисленным повторением зеркал, без церемоний вошёл жандармский полковник. Он щёлкнул каблуками, брякнул шпорами и, поклонившись, представился:

— Устинов Николай Евгеньевич, начальник губернского жандармского управления высочайше вверенной вам губернии. («В Ы С О Ч А Й Ш Е» он произнёс буквораздельно и буквозаглавно.) Вследствие полученных агентурных сведений стало известно, что в Тамбов прибыло несколько членов боевой организации с вполне определённой целью: совершить покушение на вашу персону. По согласованию с полицмейстером в ожидании вашего прибытия с 28 на 29 сего сентября, сего дня, то есть уже того дня, как сообщили по беспроволочному телеграфу, в городе в охранном порядке чинами общей полиции при участии нижних чинов вверенного мне управления проведено четыре обыска.

Полковник вдруг изумился: брови его поползли вверх, глаза вылупились, губы собрались в куриную гузку и выплюнули слова:

— И что же вы думаете? Оружия и взрывчатых веществ обнаружено не было, но найдено множество воззваний, прокламаций и различной нелегальщины.

«Нелегальщина» в его устах прозвучала намного опаснее и грознее, нежели «оружие».

— Это не всё! Одновременно в Козлове изъяты три фунта пороха и прокламаций примерно столько же. Тамошний улов по крупнее и поопаснее! Задержаны Василий и Николай Летуновские, ученики шестого класса коммерческого училища, Сергей

Алексеевич Мосолов и назвавшаяся православной Евгения Александровна Введенская 19-ти лет. По нашему соображению, они готовили взрыв вашего вагона, а в случае неудачи должны были применить револьвер для лишения вас жизни.

Муратову надоело суесловие жандарма.

— Ну и что же вы предлагаете?

— Они ожидают вас с поездом в 12 часов, а надо следовать со следующим, в 16 часов 20 минут. Иначе за вашу безопасность не поручусь.

— Я смотрю, вы вообще ни за что поручиться не можете! А ежели следовать четырёхчасовым — гарантируете сохранность моего бесценного тела?

Полковник проглотил обиду.

— Вполне и определённо! Всё взвешено, продумано, определено, ваше превос...

Полковник запнулся, вспомнив, что губернатор пока лишь статский — в одном с ним чине по «Табелю о рангах», но, рассудив, всё равно тот генералом станет, закончил, сделав вид, будто поперхнулся:

— ...ходительство.

* * *

Муратов бродил по своему служебному кабинету и наслаждался. Всем! Высокая должность, большая жизнь впереди (нет и сорока!), высокие лепные потолки, громадная зала — чуть меньше малой для собраний в губернском правлении. Штилеты тонули в мягком ворсе необъятного бухарского ковра с неведомыми цветами. В воздухе плавал тот неповторимый и устойчивый аромат, который он обонял только у высших чиновников, а последний раз у Столыпина. Так пахнет Власть: гербовой краской на двуглавой печати, пылью ковра и паркетной мастики.

Со стен на него взирали бывшие хозяева губернии — кто с усмешливой укоризной, кто строго, но ободрительно. Вдоль стен выстроились ряды дубовых гнутых стульев. Зачем так много? Да если собрать одних только столоначальников, то не менее сотни наберётся, пожалуй. Устроившись в мягком, приятно полуобнявшим его чресла кресле с кожаными подлокотниками, пробитыми

медными гвоздями, не желая нарушать насладительного одиночества, вызывать секретаря не стал, потянулся за весомой, из малахита, пишущей ручкой, стукнул дятлом стальное перо в хрустальную чернильницу и написал на жёлтой китайской бумаге с вензелями МВД и губернского правления: «Прибыв сего числа и войдя в управление высочайше вверенной мне губернии, уведомляю всех для дачи надлежащих на этот счёт распоряжений...»

Муратову бывать в здешних местах никогда ранее не приходилось, даже проездом. В глаза ему бросились грязь, тоскливая запустелость, обшарпанная неухоженность домов и казённых зданий и какой-то тягучий, тяжёлый запах замшелой прелости, стоявший повсеместно: и на улицах, и в помещениях — неважно, будь то жилища или присутственные места. Город будто облили помоями. За общественное благоустройство отвечал вице-губернатор. Потому как отвечал сей чиновник за свои обязанности из рук вон плохо, Муратов решил для начала ознакомиться с его формуляром, а потом уж и вживе с самим. Иногда в бумагах написано больше, чем на лице нарисовано.

Так, Тарасенко-Стрешнев Иван Аполлонович... Наградила же судьба отчеством! Сошлись рядом русский Ванька и греческий бог. Дальше — 56 лет. Да уж — не мальчик, но муж. Не молод, но и не стар. Однако ж прыти особой и рвения неустанного не жди. Из дворян Скопинского уезда, где и родовое именье есть в 750 десятин. И там же прикупил ещё 500. Не бедный, и далеко! Так... Воспитание получил в Императорском московском университете, окончивши со степенью кандидата. Далекое не дурак. Дослужился в МВД до коллежского секретаря. Вдруг уволился по прошению. С чего бы? При такой прыткой карьере. На родину потянуло — в родные пенаты и родительское гнездо? Становится скопинским мировым судьёй, потом директором уездного тюремного комитета и затем же — председателем земской управы... Все ступени прошёл. В 1893-м надворного получил. Через год на государственную службу возвращается — в департамент торговли и мануфактур. В 1895-м — коллежский советник. Потом в МВД перешёл старшим редактором Центрального статистического комитета. В 1899-м — статский советник. Чины вперёд времени хватал. Явно не Обломов! С 1902-го — вице-губернатор Уральской области. Полгода исполнял обязанности военного губернатора там же. Да, с таким ухо остро держать надо. Крым и Рым, огонь

и воду, через медные трубы и игольное ушко, как в ворота Моршанские проскочит.

Потом в Астрахани — виц. В Тамбове с 24 июня 1906 года. Действительного статского уже три месяца как получил. На чин выше его, Муратова. На такого где сядешь, там и слезешь. Далеко не уедешь — он сам привык погонять. А здесь, в Тамбове, не кучера, а лошади ломовые нужны. Битюги тяжеловозные. Дел невпроворот. Хлебная губерния, а голодает через год. С земцами вкуче крестьянам агропомощь оказывать надобно и наисрочно. Сеть агроучастков налаживать. Двадцать два уже в наличии, больше бы пустили, да на каждом должен агроном с помощником быть, а где их взять-то? А полеводство поднимать — сил у крестьянства маловато. Одна треть земельки арендуемой в бедняцких хозяйствах в нищете бьётся — от посева до укоса. Ведь арендная плата, как железная дорога появилась, в пять-шесть раз возросла. Каждый четвёртый двор — безлошадный!

А смута среди крестьян? Вихри революционные бушуют уже третий год. За прошлый год более 150 экономий разгромлено. Помещикам вред ущербный нанесли почти в два с половиной миллиона рублей. Только кто эти рубли и как считал?

А здоровье народное? Медицина сама на ладан дышит. В губернии всего 65 больниц. Земские врачи с ног валяются, где уж им больных на ноги ставить! Недавно в Липецком уезде заехал в больницу и ужаснулся. Доктор — молодой человек, только после университета. Приём производит в старой избе, где фельдшер с семьёй живёт — тут и хозяйство, и медицинский инвентарь. Теснота, скученность. Больные и в дождь, и в снег очереди на улице ждут. А если тяжёлый? Может и не дожждаться. А мёртвого тоже некуда — моргов нет. Вспомнились слова врача:

— Иногда до 150 человек в день бывает. Как тут обследовать больного, в жалобах его разобраться, диагноз поставить? После обеда у меня одно желание: скорее приём закончить и — лечь, лечь, лечь... Глядь, в амбулатории опять битком...

Мысли снова метнулись к бунтующему крестьянству. Откуда только эта зараза — хуже холеры с чумою! — к нам в Россию православную перекинулась? Вспомнил ту же поездку по Липецкому уезду. В селе Пятницком красный флаг поднялся вроде над зажиточным домом. Проверили: столетний мещанин Кузнецов, хозяин грамотный и дальновидный, а собрание крестьян собрал

противоправительственное. Третьего дня вспомнил о нём — дал команду освободить. Если таких справных старцев в остроге держать, то кто хлеб растить будет?

А вице-губернатор неизвестно каков душой, а лицом чист, всегда трезв и, самое главное, на его, губернатора, место не зарится: возраст не тот — вверх карабкаться поздно. Значит, не в соперники-враги, а в сопутники-соратники запишем.

В дверях появился секретарь и доложил:

— Его превосходительство вице-губернатор просят принять.

— Приси.

* * *

Потекла то шагом, то рысью, то аллюром провинциальная жизнь. Но большей частью она течение имела без волн, как и текущая вдоль Набережной Цна. Всё время без остатка у Муратова было заполнено общением с людьми. Через край и до отравления. К вечеру он уже ни на кого смотреть не мог, даже на себя самого в зеркало — тошнило от множества людских лиц.

Неглубокая городская речушка, берущая начало в сорока верстах от Тамбова — в Верхоценье Сампурской волости, для властей городских и мошенников всех мастей в прямом и переносном смыслах была золотым дном.

Сегодня, 1 ноября 1906 года, выпал обычливый день. Затянувшийся ремонт квартиры начальника губернии портил ему настроение — ни семью перевезти, да и самому в комнате отдыха за служебным кабинетом на диване ночевать обрыдло донельзя. Губернатор кинул взгляд на список запланированных на сегодня встреч и вспомнил, что сегодня он принимает предводителя дворянства, гофмейстера двора Его величества князя Николая Николаевича Чолокаева. Приглашён он был со всеми церемониями и реверансами, положенным столь уважаемому и почтенному человеку. Шутка ли — в 77 лет предводительствовать и председательствовать!

Перед тем, как увидеться с князем воочию, Муратов запросил его формулярный список. Из него явствовало, что тот в 1851 году окончил полный курс Московского императорского университета. После долгой службы во благо Российского государства вы-

шел в отставку, но дома не осел, избран был мировым судьёй Моршанского округа, став тогда же почётным попечителем реального училища в том же городе. А в 1891 году как избрался предводителем губернского дворянского собрания, так и бессменно, через три года до нынешнего, пять раз уже остаётся. В 1896-м пожалован в действительные статские. Содержание не получает — должность хоть и почётная, но общественная, безвозмездная...

Всё это промелькнуло в голове губернатора, пока от резных дубовых дверей к нему шествовал гофмейстер, кавалер многих орденов и почётный гражданин князь Чолокаев. Старый князь не столько соответствовал, сколько стремился выглядеть потомственным аристократом старинного рода монголо-мордовской знати, испокон веку жившей в Диком Поле. В Петербург, ко двору, он не появлялся по причине слабой переносимости длинной тряской дороги уже лет как десять. Оставшееся стремление в высший свет проступало через тайные его к этому средства — высокие каблуки опойковых мягких кавалерийских сапог, крашенные хной редкие волосы, согбенную преклонными годами спину держал жёсткий корсет китового уса, впалую старческую грудь исправлял ватный подстёг. И весь он при ходьбе тянулся вверх, но жалкие эти потуги превращались в журавлиную поступь подагра. Своедумного покроя «мундир» — широкие бриджи и длинный узкий сюртук — украшался нагрудным орденским иконостабом: Святого Владимира 2-й и 3-й степени, Святого Станислава 1-й и 2-й, Святой Анны 1-й. Ниже молодцевато позвякивали несколько медалей.

Долгий перечень наград занял в огляде губернатора несколько мгновений. Вот и ещё одна слабость старика — ко всякого рода отмечаний, выделений и знаков заслуг. Да ладно — чем бы старик ни тешился, лишь бы не нюнился.

Предводителем князь был не только по должности, но и по призванию, и от слияния этих двух причин получал, служа дворянскому сословию, истинное и глубокое наслаждение. Власть предводителя была столь же безграничной, сколь и необязательной ни для чьего исполнения. Важность для Муратова он представлял только с одной стороны: будучи гофмейстером двора имел в Зимний свободный доступ и мог при случае замолвить доброе словечко, а со зла и брякнуть чего-нибудь вредоносное или написать императору в собственные руки. Потому губернатор, зная

слабость вдовствующего бездетного старика, сохранившего ещё интерес к женскому полу, просил полицмейстера Старынкевича, великого мастера не только по сыскной, но и по женской части, направлять в просторный двухэтажный особняк князя на Долевой платную филёрку посмазливей, чтоб единожды в неделю после баньки тело его, от долгой жизни расслабленное, в молодость вернула хоть на часок. Зазорного в этом губернатор ничего не видел — какие у старика ещё радости остались? Прогулки вечерние по Набережной от дома до Солдатской церкви?

Оба всё знали и молча кивали друг другу, признаваясь в благодарном взаиморасположении.

Чолокаев сел, устремил свои запорошённые пеплом долгой жизни бесцветные глаза на казавшегося ему юношей Муратова. «Мне бы его года! Сколько ему — тридцать пять? Сорок?..»

— Сколько вам лет, Николай Павлович, разрешите поинтересоваться на правах старого человека?

— Тридцать шесть. Не первой уже молодости. А насчёт вашей старости в городе легенды ходят — вы наш местный неувядаемый Эрот, — подлил лести в огонь губернатор.

— Мне семьдесят восьмой, и я считаю себя не последней старости! Ха-ха-ха... — смех получился скрипучим, дряхлым.

— Всё относительно, дорогой князь. Для двадцатилетнего юнца, к примеру, мы оба старики.

— Да, это верно, всё относительно — всех когда-нибудь отнесут...

— Николай Николаевич, — сменил тему Голицын, — я слышан о вашем патриотизме. Мне даже передали ваши слова о том, что Дикое Поле — лучшее поле в России.

— А вы что, сомневаетесь? Дикое Поле давно уже не дикое. Наша губерния, дражайший Николай Павлович, — житница и кормилица всяя Руси. Мы сейчас на коне — в мукомольном деле и крупяном бум небывалый переживаем. Три тыщи мельниц круглый день крутятся — за год сорок миллионов пудов хлебушка перемальвают. Сахарок четыре завода варят, скоро ещё один — Новопокровский, мощности превеликой — прибавится. За прошлый год девятьсот тыщ пудов сладкого песка получено. А винокуры наши скоро водки дадут больше, чем воды в Цне. Считаю пятьдесят заводов круглые сутки курят. Пять миллионов вёдер в год — всю Россию напоить можно!

— Всё это замечательно, Николай Павлович, если забыть, что в Тамбове до сих пор ни внутригородского транспорта гужевого, ни канализации, я уж не говорю про электрическое освещение... Провинция! Захолустье! Темнота в прямом и переносном, но непереносимом смысле. Высшего заведения ни единого не имеется.

— Ну это вы уж загнули. Где это вы в губерниях университеты видели? В Казани да во Львове. Единицы. Зато у нас средних заведений восемь — да каких! Екатерининский учительский институт — один из лучших в России. Мужская гимназия, духовная семинария, реальное училище. Для дамского полу четыре — Александринский институт благородных девиц, женская гимназия, епархиальное училище и фельдшерская школа...

— Я побеспокоил вас, князь, чтобы посоветоваться, — сказал Муратов. — Представьте себе, что вы на моём месте — губернатор. На какие стороны жизни губернской вы обратили бы особое внимание, чем бы занялись прежде всего?

— Самое опасное — эпидемия революционная. Вот мы с вами об учебных заведениях вспомнили. А знаете ли вы, что Екатерининский институт, фельдшерская школа и духовная семинария революционизированы донельзя? Ещё в июне, четыре месяца тому, восстал 7-й кавалерийский полк, присланный в Тамбов для усмирения крестьян. Начало сему бунту положил арест солдата, кажется, Нефёдова, у коего обнаружена листовка эсеров. Так социал-демократы тут как тут: собрали толпу и к штабу — освободить! Отменить позорные обыски в казарме и ночные поверки!.. полдня орали как оглашенные. Ну, командир полка проявил слабость, жидковат в коленках оказался: вместо того чтобы взять бунтовщиков под караул, освободил Нефёдова или как его там... Бессильная власть рождает неповиновение, особенно в армии. Дальше такая катавасия заварилась, что будь здоров! Солдаты в строй не стали, кинулись митинговать. Подавай им казарменный быт лучший, и на подавление крестьян они не пойдут. Командир восьмерых заводил арестовал, да без толку — конвой их в тюрьму не повёл. Нижние чины винтовки похватили и — к штабу. Пришлось пехоту вызывать 217-го Крымского, 218-го Борисоглебского, драгун нежинских и сотню казаков из 2-го полка. Перестрелка дня два длилась. Война губернского масштаба!

Князь помолчал, вспоминая, затем встрепенулся и продолжил:
— Кавалеристы командира борисоглебцев убили, одного нижнего

чина ранили. Одни борисоглебцы по бунтарям и палили. Начальник гарнизона приказал открыть орудийный огонь по восставшим, да только командир батареи не решился стрелять без поддержки пехоты: только начни — тут же растерзают! Лишь когда Можайский полк из Орла прибыл, тогда и сложили оружие бунтовщики. Военный суд осудил сотни три. Кого к одиночному заключению в военной тюрьме, двадцать к каторжным работам и сотню к строгому аресту. Да что толкуто! Армия ненадёжна. Пока что внутренне, но придёт время, она и против внешнего врага штык в землю...

— Хорошо — в землю, а то против офицеров повернут, — задумчиво сказал Муратов.

— Слава Богу, с июля утихомириваться стало. Вы нам спокойствие привезли долгожданное. Да, губернатора ждали долго. После Владимира Фёдоровича фон дер Лауница полгода прошло, вице-губернатор устал один в двух лицах потеть.

Князь помялся, побарабанил сучковатыми пальцами по столу и, решившись, выговорил:

— Николай Павлович, как вам известно, в ряде волостей продолжают возмущения, бунты локальные, а в тюрьмах — губернской и уездных — сидят ныне более 11 тысяч крестьян. Они ожидают суда за выступления против помещиков. Так вот, по моему глубокому убеждению, каждый день в наших острогах рекрутируются новые революционеры и рождаются партийные вожаки. Эсеры специально арестовываются для пропагандирования людской массы. А где легче всего агитировать против правительства? Конечно, в каталажке, там все жизнью недовольны.

* * *

Доклады и меморандумы начальников ГЖУ (губернское жандармское управление) и ГПУ (губернское полицейское управление) приводили Муратова в тихое бешенство. Его охватывала бессильная злоба не против революционеров-боевиков, а против этих начальников. Про офицеров, филёров и нижних чинов он не думал — каков поп, таков и приход.

Взять хотя бы длящееся с первого дня его губернаторства дело о покушении на его персону. Уже тогда ему стало ясно, что в губернии хозяйничают террористы, бомбисты, разные анархисты, а не за-

конные власти. Кто за кем гоняется и кто кого ловит — непонятно. За прошлый год боевики более десятка чиновников на тот свет отправили. А суд к смертной казни одну убийцу Луженовского Спиридонову приговорил, и той командующий Московскими войсками мгновенную смерть на тюрьму заменил бессрочную. Пули бумагами подменяются. Вот как, к примеру, эта, совершенно секретная:

«Сообщаю вам, что в охранном порядке по известному делу арестовано ещё пять человек. У трёх обнаружены боевые патроны, причём пули надрезаны.

1. Дочь умершего надворного советника Богословского. Родилась 17 июля 1884 года. По народности великоросса, подданства российского, православная. Проживает постоянно в деревне Семёновка Кирсановского уезда. Без определённых занятий. Средства получает от матери, которая владеет 420 десятинами земли. Окончила курс в Александринском институте благородных девиц в 1894 году. В 1904 году была в Париже, где прослушала курс естественных наук. В боевую дружину вступила два года назад под влиянием известной террористки Спиридоновой, убившей подполковника Луженовского.

Богословская, по агентурным данным, готова совершить на вас покушение. Арестованная содержится в губернской тюрьме и взята в активную внутрикамерную разработку двумя опытными агентами.

Умысел свой сия особа совершенно не скрывает и смертной казни не боится, рассуждая весьма цинично, что-де жизнь царского слуги-правителя губернии стоит в десять раз дороже, нежели её смерть. По месту пребывания Богословской — в доме Богдановой по улице Араповской, где она снимала квартиру, был произведён обыск с обнаружением патронов.

2. Евгения Фёдоровна Иванова, представившая паспорт Новоместного волостного правления Паневежского уезда Ковенской губернии от 7 июля 1906 года за № 137.

3. Потомственный почётный гражданин Аполлинарий Николаевич Соколов, представивший бессрочную паспортную книжку, выданную Тверской духовной консисторией от 5 августа 1905 года за № 431.

4. Пётр Михайлович Васнецов, представивший паспорт № 7337,

выданный в Ростове-на-Дону.

5. Мещанин Трейлис.

Все, кроме Трейлиса, полиции ранее известны не были...»

Муратов представил красивое — римского легионера — лицо шефа жандармов Устинова. Ему бы в актёры — первых любовников и императоров представлять. А он в розыскные драмы играет совершенно бесталанно.

После третьей встречи с Устиновым Муратов понял, что тот не воспринимает его серьёзно, а иногда попросту издевается. Вся же эта история с покушением, скорее всего, его легенда и выдумка, чтоб держать губернатора в узде и делать вид удачного сохранения и охранения его особы.

Во время этого доклада Устинов повёл себя со столь развязной фамильярностью, что Муратов с трудом сдерживал себя, чтобы не вспылить. Чтобы успокоиться, задал досужий вопрос:

— Скажите, полковник, какова цель вашей службы и чего бы вы желали в ней достичь?

— Станный вопрос для бывшего прокурора. Мы с вами не только тёзки, но и сподвижники, так сказать, двигаем одно дело — ведём войну с лицами, поползновения совершающими через границу закона.

Муратову, внимательно следившему за подвижным лицом Устинова, пришла в голову мысль: полковник опаснее любого террориста.

— Сколько же вы имеете выслуги в корпусе жандармов?

— Такого корпуса, к сожалению, давно нет. А зря! Обоюдоострый орган был. Авторитет и сила государства на двух министерствах жиждется — внешнем и внутреннем. Внешнее подобно коже у человека — малейшее воздействие извне чувствует; а внутреннее — сердце: жизнью всё тело питает.

— Жиждется или зиждется? — съязвил Муратов.

— Не форма важна, а содержание. Бенкендорф с Дубельтом лучших офицеров гвардии в Третье отделение брали, мозги и честь нации, потому и не убивали тогда ни царей, ни министров.

— Не потому, — возразил губернатор. — Время другое было — богобоязненное.

— Бога не боялись с самого начала, — не поддался Устинов.

— С распятия история начиналась: первые террористы на тай-

ную вечерю собирались — древнейшая профессия. Проституция и терроризм — вот на чём мир испокон веку держится. Вся и разница: террорист приносит страдания, а проститутка — удовольствие.

Тут полковник скакнул мыслью с проституток к русскому народу:

— А русский народ — самый умный изо всех. Вот ответьте мне на один вопрос: почему английские сапоги из свиной кожи сразу промокают, а лапти наши по любой грязи — и хоть бы хны, а? Сие есть тайна сверхъестественная! Так же, как и душа русская. Вернёмся к нашим баранам. Вернее, к моим: у меня в управлении сплошные бараны, кои ни бе, ни ме, ни кукареку.

— Вы, господин полковник, или демагог, или человек безответственный. Я вас о другом спрашиваю: как мы до такой жизни докатились, что власть вынуждена от боевиков прятаться? Кто за кем охотится: полиция за злодеями или они за нами?

— Конечно, они за нами. Вам и мне, Муратову и Устинову, смертные приговоры вынесены Тамбовским городским комитетом партии эсеров. Осталось только привести в исполнение. И приведут — будьте спокойны и уверены. Ни один пока от них не ушёл: два вице-губернатора — Богданович и Луженовский, губернатор фон дер Лауниц...

— Ваше идиотское ёрничанье не что иное, как прикрытие полного бессилия, — повысил голос губернатор.

— Не только моё, но и всего МВД, — спокойно ответил Устинов. — Только в текущем году эсеры горы трупов наложили по всей России. Перечесать?

— Не надо. Вы лучше бы сосчитали, сколько боевиков удалось уничтожить. Может быть, тоже горы? Вот взяли бы да и ликвидировали всю тамбовскую боевую группу — подчистую и до последнего члена.

— Это уж извольте, позвольте и увольте! Вы что же, призываете к внесудебной расправе? Мы не бандиты с большой дороги.

— Да уж куда вам с большой — с самой маленькой: где никто не ходит и где неопасно. Страна в дом умалишённых превратилась. Быть преданным престолу и Отечеству опаснее стало быть, чем революционером. Театр абсурда, где главные роли принадлежат убийцам, а вы — жандармы — жалкие статисты! Ваша стратегия порочна в корне. Ваши усилия направлены на охрану высших чиновников, а не на искоренение этой эпизоотии. Да, да, они не люди, а взбесившиеся животные. Вы защищаетесь, обороняетесь, а надо наступать. Как

чуму изводят? Уничтожают заболевших свиней. Так и тут — те же законы.

— Николай Павлович, честное слово, не хотел вас никаким боком задеть и никоим образом обидеть. Надеюсь, заслужу прощение, если сообщу весьма приятное известие. По своим каналам мне стало доподлинно известно, что на столе Его величества находится указ о вашем производстве в действительные статские.

И действительно Муратов пыл утратил, сник, сгорбился. Ждал, жаждал этой вести. Губернатор и не генерал — всё равно что кучер без лошади, лошадь без упряжи — так, ни рыба ни мясо.

Отмахнулся от хитреца прощающим и отпускающим жестом. Вдогонку, когда за Устиновым уже закрывалась тяжёлая высокая дверь, крикнул:

— Вы мне, полковник, представьте все бумаги по факту покушения на мою персону. От начала до конца.

В ответ то ли слышалось, то ли и впрямь прозвучало:

— А конца-то пока нету...

Мария ЗНОБИЩЕВА

Мария Знобищева — самая молодая из поэтов Тамбовского края, пишущих на профессиональном уровне. Она родилась 25 мая 1987 года в Тамбове. Здесь окончила с золотой медалью школу №24 и стала студенткой Института филологии ТГУ имени Г. Р. Державина. С 5-го класса занимается в литературно-творческом объединении «Тропинка» областной детской библиотеки. Её стихи уже несколько лет печатаются в местных газетах, в столичных журналах «Детская литература», «Костёр», «Ромео и Джульетта», «Детская роман-газета» и др.

В 2001 году Мария Знобищева заняла первое место в номинации «Поэзия» на межрегиональном конкурсе-фестивале «Начало», проходившем в Рязани; в 2002-м она стала лауреатом премии комитета природных ресурсов по Тамбовской области за лучшее художественное произведение о природе родного края. Через год юная поэтесса привезла из Нижнего Новгорода сразу три диплома. Информация о достижениях тамбовской школьницы была опубликована в газете «Литература» издательского дома «Первое сентября». Её стихи напечатаны в нескольких книгах, выходящих в Москве, в том числе и в книге «Новые имена России», выпущенной в 2003 году, когда Мария стала победительницей I Всероссийского поэтического конкурса «Моя мечта — моя Россия», проводимого в рамках президентской программы «Одарённые дети».

У Марии Знобищевой вышли четыре поэтических сборника. За особые успехи в литературе она стала обладателем стипендии имени С. Н. Сергеева-Ценского. В сентябре 2004 года ездила в составе творческой группы в Смоленск, где представляла в авторском исполнении стихи, посвящённые Великой Отечественной войне.

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России,
руководитель литературно-творческого
объединения «Тропинка».

* * *

*Стряхнув с ресниц седые стаи рос,
Земля воскресла, став добрей и шире.
Раз навсегда принявшей всё всерьёз,
Мне с этим миром жить хотелось в мире.*

*Кленовых звёзд пугливые глаза
Кололи злыми льдинками закаты,
А осень змейкой зыбкого «нельзя»
Спала в луче забытого когда-то.*

*Не думалось, что бывший бездной мир –
Вот этот луч на тонкой паутинке.
А мы к нему пришли совсем детьми,
Под летним ливнем снявшими ботинки.*

*Смеялись годы – жадно, дотемна,
Опять свои игрушки предлагая,
Но песня в сон души влилась одна,
А выпорхнула, дикая, – другая.*

* * *

*Сколько жизней прожито... А может,
Им итог ещё не подведён.
И, вживаясь в запах книжной кожи,
С тишью ночи в новый путь пойдём.*

*Там светло и летне от ромашек.
В них остаться б нам и ждать, когда
Счастье ручкой детской помашет,
В новые поманит города.*

*А потом огни чужих пророчеств
Разжигая собственным «люблю»,
Парус из надежд и одиночеств
Своему бы выткать кораблю.*

*Плыть и петь всю ночь бы, до рассвета,
В искрах озарений, бурь и слёз,
Навсегда почувствовав, что это –
До последней дрожи и – всерьёз.*

** * **

*Тревожа листья красным сапожком,
Идёт по залам осени пешком
Октябрь. И пахнет яблоком и снегом.*

*И, вырастая вдруг то тут, то там,
За ним апрель крадётся по пятам,
Фуражку снов подбрасывая в небо.*

*Никто не понимает, где конец
Аллеи разгоревшихся сердец,
Кленовых, золотых, остроконечных.*

*И руки у апреля холодны,
И может, слишком долго до весны,
Но сны из глубины легки и вечны.*

** * **

*Войдя, как в сказку, в комнатку Вселенной,
Я шторы развела по сторонам.
Повеяло весной благословенной,
Священной и назначенной не нам.*

*На свет из тихой спальни летела
Подбитой птицей полночь, а под ней,
Как без души оставленное тело,
Чернел потухший город без огней.*

*И чтоб уйти куда-нибудь от боли,
Метались чьи-то тени по углам.
И медленно сползая с антресолей,
День вытек, разорвавшись пополам.*

*А комнатку никто на ключ не запер,
И до рассвета друг за другом шли
На дивный в окна вылившийся запах
Разбойники, шуты и короли.*

** * **

*Небо немо от любви и боли –
Может быть, на миллионы лет.
Небо укололи, раскололи,
Распорол. Неба больше нет.*

*Но оно осталось на портрете
В маленькой гостиной у трюмо,
Чтобы новым утром в детях встретить,
Вырвавшись из рам, себя само.*

*Скомканной салфеткой, каплей чая
На бесстрастной плоскости стола
Небо успокоилось, встречая
День, в котором слишком много зла.*

*И пока, забытое, лежало
В голубом морщинистом тепле,
Люди вдруг увидели, как мало,
Мало было неба на земле.*

* * *

*Синяя птица –
На каждой странице.
Ночь на ресницах,
И птице не спится.*

*Птица – на плечи,
Кротко, как вечер,
Сядет, лепечет
По-человечьи.*

*Буквы круглее,
Птице теплее.
А по аллеям
Утро белеет.*

*Мы дочитали
Сказку о дали
И о печали,
И о начале.*

*Спит моя птица,
А на страницах
Давние лица,
Милые лица...*

* * *

*Сегодня темно, чтобы что-то писать,
А утро не скоро воскреснет.
Но можно баюкать всю ночь чудеса
Какой-нибудь старенькой песней.*

*И можно стоять у слепого окна
В тоске позапрошлого века,
Пока поднимает, гудя, тишина
Небесное Виево веко.*

*Там в даях осенних, где пляшут огни,
У окон такие же люди.
И ночи поверив, вот так же они
Печалются, хмурятся, любят.*

*Но окон немного. За ними опять
Лишь те, кто светлеет от ночи.
...Сегодня темно, чтобы что-то сказать,
А завтра... Ночь станет короче.*

ИМЕНА

*Нам кажется, что всё имеет имя,
Но имя – ртуть, стремнина и огонь.
Есть имена и лица – клясться ими,
Как для удара заносить ладонь.*

*Рука не для удара, но для дара
Неведомого. Легче будет нам
Добро земли, как в ночь перед пожаром,
Ссыпать в ладони нашим именам.*

Алина ЕВЛЮХИНА

Алине Евлюхиной только что исполнилось 22 года — самый что ни на есть поэтический возраст. Стихи всерьёз она пишет уже несколько лет, но публикациями пока не избалована: самая значительная из них — подборка в областной газете «Наедине».

И это (трудность публикаций) вполне объяснимо. Дело в том, что Алина уже несколько лет посещает известную в Тамбове литстудию «Академия Зауми» (АЗ), где в чести поэзия, скажем так, нестандартной формы и усложнённого содержания. Среди своих учителей в литературе юная поэтесса числит Марину Цветаеву, Михаила Кузьмина, Бодлера, Рембо, а самый любимый её поэт из русских классиков — Евгений Абрамович Баратынский, тоже поэт явно не самый доступный для массового читателя.

Одним словом, сразу предупреждаю, что стихи Алины Евлюхиной не каждому (далеко не каждому!) придётся по нраву или, скажу точнее, не сразу раскроются. Но вдумчивый читатель увидит в её строфах биение живого сердца, неподдельное чувство, искренность, романтичность и своеобразную красоту ритмики и образности подлинной поэзии.

Алина Евлюхина в этом году оканчивает Институт филологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, пишет дипломную работу (сопоставление творчества Николая Васильевича Гоголя и Оскара Уайльда), но не забывает и о поэзии.

Сейчас у Алины накапливаются стихи для первого поэтического сборника. Данная публикация в альманахе — генеральная репетиция, своеобразный экзамен перед этим судьбоносным событием.

От души желаю Алине взаимопонимания и сердечного отклика со стороны ценителей поэзии.

Николай НАСЕДКИН,
председатель правления
Тамбовской писательской организации.

А. Д.

*Послан небом. Диагноз ясен:
Кровь твоя в моих жилах скользит.
Выбор точен и небо застит:
Лунный образ в груди зашит,*

*Опоясан, обвеян, узок
Для сверлящих вороньих глаз,
Раззадачен, извечен в рубке,
В вихре пляски упрямых мачт.*

*** * ***

*В краю, где невест за гроши продают,
Холодных касаний слепая волна,
Полночных молений лелеемый плод,
Сидела, мечтала, стонала она.*

*– Я – ветвь Иггдрасиля; я – Роза ветров,
В безумной толпе я – мерцающий блик
Из красного дерева или стекла.
Кляните меня, я – бессильный «язык»,*

*Я – кровь соловья в дебрях синей луны,
Я – плоть тростника в маске сизых озёр,
Я – зуб, омертвевший под гнётом десны,
Я – ваша тоска и мольба, и... позор!*

ТЕБЕ

*Самой крупной Вселенной мало,
Чтобы выплеснуть дрожь людскую.
Чтобы нежность излить такую,
Тень моя твоим гребнем стала.*

С. Д.

*А ты – в самое сердце!
Жаль, что не выше.
Я же лелеяла мысль...
Я же взбиралась на крыши,
скользя по эпохам, телам и печатям,
как старая рыхлая Смерть...
Я же не знала, –
а, может, не надо
по крыше к тебе
и опять – босиком.
Ты – изгнан из рая,
я – гостья из ада,
где, жаркое, стонет стекло.
А ты – возвращаешь
под кровли чистилищ,
печатей, эпох и тел,
не внемля, не зная,
но зная и внемля:
Любовь – это сладкий удел...
Я – гостья из рая,
ты – призрак из ада
на ложе... Истлел балдахин...
Я быстро сгораю,
ты – теплишься рядом
ребром опустившихся крыл...*

* * *

*Незванные боги – ты и я.
Кто нас слепил –
податливых на ласку,
на провокацию
и ложь носящих маску,
доверчивых, как малое дитя?*

* * *

*Хватит другим забирать
мою нежность,
хватит другим целовать
мои губы!
Тенью твоей
не святой, не безгрешной
в вязком овраге,
слезой твоей стану,
стану твоей
одиноким молельней,
дерзким папирусом,
жрец вавилонский,
бабочкой-куколкой
в солнце апрельском,
пыльным хвостом
в недра глаз твоих кану!*

* * *

*Лист – исписан твоей рукою.
Ткань стиха оставляет вечность
Не для них, а для нас с тобою.
Хрупок дом из допетой песни.*

*Заспан долг. Позабыты музы,
Повзрослевшие с первым снегом.
Страсть бессмертна в стихах, наверно,
Завещая чернилам нервы.*

* * *

О Сатана, избавь меня от долгой муки!
Ш. Бодлер

*Разверни папирусы мои,
Бинты отдели от тела!
Я так долго спала,
Что не помню, как пахнет река.
Я так бредила долго тобой,
Мефистофелем наречённым,
Что забыла, как пить из сосуда...
Развяжи же руки мои!
Я – воскресшая плоть,
Я – священная жизнь,
Наречённая Spero*.*

* Spero (лат.) — надеюсь.

* * *

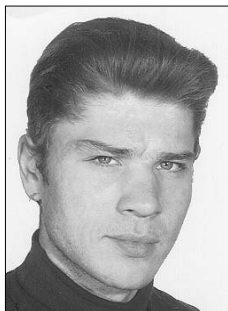
*Мысли птицами бьются
о стенки колодца,
и течёт неустанно безликий мотив,
вдохновенно ликует, вдохновенно смеётся
мой герой, мой Учитель, внезапно открыв
сети книжной премудрости, сети молитвы,
трепет масляных красок на измятом холсте.
Я – пытаюсь забытья, не сумев повернуться
проигравшим затылком к окаянной мечте.*

А. В.

*Не к лицу поэтам сюртуки.
Весь в пыли слугитель скромной музыки,
Рваный китель, ворот заскорузлый,
Вместо спичек – ржавые клинки,*

*Вместо торта – каменная соль
Застоялась в холодильном кубе.
Море ссадин – как у лесоруба,
Только глубже внутренняя боль.*

*Только слаще пламенная речь
Без помех и жёваных бумажек,
Из души текущая и даже
Из сердец дерзающая течь.*

Алексей БАГРЕЕВ

Алексей Багреев родился в 1979 году в Ленинграде. Вскоре семья переехала в районный посёлок Инжавино Тамбовской области, где будущий поэт окончил среднюю школу № 1 и в настоящее время работает.

Алексей пишет стихи, прозу, рисует. Его стихи публиковались в районной газете «Инжавинский вестник», областной газете «Наедине», коллективном сборнике инжавинских авторов «Не бывает несчастной любви». В 2004 году вышла первая книжка Алексея «Сломанные крылья». Она заканчивается стихотворением, в котором есть такая строчка: «И я расправлю сломанные крылья».

Я рада, что молодой поэт и вправду продолжает расправлять крылья своего таланта, о чём свидетельствует вот этот второй его сборник.

В чём заключается талант писателя? Наверное, в умении донести до читателя свои чувства и переживания, в умении не сфальшивить, передавая душевное состояние своего литературного героя.

На мой взгляд, таким даром и обладает Алексей Багреев.

Стихи Багреева не всегда воспринимаются читателем из-за кричаще-порой ощущения безысходности, потому что защитные свойства человеческой психики таковы, что он стремится оградиться от чужой боли. И всё же стихи Алексея затрагивают душу и не позволяют оставаться безучастным.

Совсем недавно в издательстве Тамбовского отделения Литфонда России вышла вторая поэтическая книжка Алексея — «Чужие лица», которая стала ярким подтверждением таланта молодого инжавинского поэта.

Впереди у Алексея Багреева, верится, новые книги, новые творческие достижения.

Людмила КОТОВА,
член Союза писателей России,
руководитель литобъединения «Откровение».

* * *

*Боль в груди как застывший металл,
И отхлынула кровь от лица,
И как будто немного устал –
Только боли не видно конца.*

*Бьёт по рёбрам тяжёлый набат,
Я зажал тела дрожь в кулаках.
В чём ещё я теперь виноват,
Что набат отдаётся в висках?*

*Слышу, падает крик с высоты,
А за окнами воеет зверьё.
Ну когда успокоишься ты,
Сумасшедшее сердце моё?!*

* * *

*Опустошённость как слова пророчества,
И страх с тоскою шепчут: согреши.
И хочется трусливо одиночества,
Чтобы не видеть слабости души.*

*А там, в душе, мечта от безысходности
Разбила в кровь сухие кулаки.
И сумрак в перевозданной однородности
Оскалил ядовитые клыки.*

*И хочется холодного забвения,
Что было – никогда не вспоминать.
Не знать ни боль, ни радость, ни сомнения,
И времени течения не знать.*

Н.

*В твоих руках тоска растаяла,
Как странно мне о ней забыть.
Ты на печаль печать поставила,
Чтоб я не смог себя сгубить.*

*Прости моё непонимание,
Но для чего, подняв из тьмы,
Ты, злое полюбив создание,
Спасает сердце от зимы?*

*Я не желаю знать грядущее –
Нам не понять его, не счесть.
Давай с тобой оставим лучшее,
Давай оставим то, что есть.*

* * *

*Помнишь звёзды чистые и яркие?
Небосвод был светел и суров.
Мы с тобой стояли, взявшись за руки,
На пересечении миров.*

*Я тебе читал стихи забытые,
Рифмы сочиняя на ходу.
И луна, туманами умытая,
Подарила нам с тобой звезду.*

*Ты тогда сказала что-то странное,
Я же неумело пошутил.
И звучала, как струна гитарная,
Музыка непознанных светил.*

* * *

*Зимний ветер в любви объяснялся реке,
Позабыв про снега и метели.
А за быстрой рекой тополя вдалеке
Серебристой листвой шелестели.*

*Было лето, июль. Ветер нежно приник
К беспокойной стремительной влаге.
А усталый сверчок, будто дряхлый старик,
Бормотал что-то в тесном овраге.*

*Было лето, жара. Зной спускался с небес,
Ветер трогал прохладные воды.
А вдали за рекой зеленеющий лес
Слушал песню любви и свободы.*

НЕ ДАНО...

*Я хотел написать добрый стих
О прекрасной и светлой любви.
Я хотел написать для других,
Как поют по весне соловьи.
И как эта их песня легка,
Как прекрасно небес полотно.
Только вдруг задрожала рука,
И почудилось мне – не дано.
И опять на тетрадных листах
Мир холодный и мрачный возник.
И с усмешкой на бледных устах
Мне тоска показалась на миг.
Что ж, выходит, опять не до грёз?
Словно всё уже предрешено.
И вдруг стало обидно до слёз:
Неужели и впрямь не дано?..*

* * *

*Чёрное, белое – смешано золотом,
Переплетается с кровью роса.
И высекает серебряным молотом
Струи упругие в небе гроза.*

*Чёрное, белое – алое зарево,
И бесконечность смеётся в глаза.
Всё перемешано, мутное варево,
И потемнели в углу образа.*

*Чёрное, белое – нет равновесия,
Ворон удачу унёс на крыле.
Всё то, что будет, туманом завесили
И закружили в безумной петле.*

* * *

*Не стучи тяжёлым молотом
По вискам.
Не трави ты душу холодом,
Грусть-тоска.*

*Что там сыплется да колется –
Маета.
Кто-то там надрывно молится
Неспроста.*

*Рвётся в небо лист берёзовый –
Не у дел.
Весь какой-то жёлто-розовый
Полетел.*

*Снова дождик льёт за окнами,
Снова грязь
Мутно-серыми волокнами
Поднялась.*

*Что там в омуте колышется?
Соль, вода?
Что-то мнится, что-то слышится -
Ерунда.*

*Тяжело дышать с надрывами -
Воздух крут.
Мысли старыми нарывами
Вены рвут.*

*Всё разломано, расколото -
Недосуг.
И завыл в лесу от голода
Серый друг.*

РОДИНА

*Родина моя вечная,
Сколько же пришлось вытерпеть?!
Сколько развелось нечисти,
Чтобы плоть твою вытоптать!
Сколько развелось погани
На груди твоей праведной!
Как же все хотят походя
Через кровь твою прыгнуть в рай!
Родина моя светлая,
Верую в тебя истово.
Без тебя не зрю света я,
Родина моя чистая.
Родина моя! Господи!
Каждый твой рассвет помню я.
Верю - от твоей поступи
Задрожат враги тёмные.
Время пролетит мглистое,
И пройдут года снежные.
Родина моя чистая,
Родина моя нежная.*

Геннадий ГРЕЗНЕВ

Имя Геннадия Грезнева ещё мало известно тамбовскому читателю. Он молод. Недавно вернулся из армии, успешно прошёл творческий конкурс и поступил в Литературный институт имени Горького — сейчас у него позади уже первая студенческая сессия.

Юношеская запальчивость, ёмкость, языческая метафоричность и упругая энергетика его стихов не оставят равнодушным как искушённого любителя поэзии, так и простого читателя.

В творчестве Геннадия Грезнева счастливо сошлись две стороны — это молодость и талант. Талант глубинный, идущий из истоков былинного творчества, ещё не замутнённый искусом учёности и лженоваторства. Знакомясь с творчеством начинающего поэта, явственно ощущаешь плотность бытия и неистребимую русскую силу, выраженную в строчках метафоричных и образных.

Стихи Гены настолько живописны и зримы, что зарифмованные и незарифмованные строчки чувствуешь на ощупь. Как тут не вспомнить прекрасного русского поэта, незабвенного Павла Васильева, который, на мой взгляд, благотворно повлиял и влияет на творчество Геннадия Грезнева. Скорпись и гладкопись — эти извечные враги литературы, да и любого творчества, никак не присущи поэзии молодого тамбовского поэта.

У него пока нет ни одной изданной книжки, да и публикаций в периодике не так уж много. Но я верю, что уже вскоре мы будем наслаждаться, знакомиться с первым сборником Геннадия Грезнева, потом со вторым, десятым... С вдохновением у него, слава Богу, всё в порядке.

А пока хочется пожелать талантливому парню успешной учёбы в престижном Литературном институте, поэтического размаха и ещё большей смелости в своих творческих устремлениях.

Аркадий МАКАРОВ,
член Союза писателей России.

БАЛЛАДА О СВЯЩЕННОЙ ЖЕРТВЕ

1

*Она взошла
на горб утёса –
бледна
и, как цветок,
чиста
А в это время
кисть поднёс я
к лицу
безликого холста...
Ваятель редкостных этюдов –
я
предзакатною порой
на берег вышел и...
О, чудо
открыл мне взор пытливый мой...
Стояла на краю обрыва,
взор устремляя с высоты....
Узрев,
я начал торопливо
дарить холсту
её черты...
А Музу
в облаченье белом
ласкал злой ветер,
веселясь,
бесстыдно облегая тело
и погружая сердце
в страсть.
Манящий лик,
что грусти верен,
отчаян;
тело чуть дрожит...*

*О да!..
В вечерний час
на берег
она пришла
покинуть жизнь!
Что стало пагубной печалью?
Кто из живущих был жесток?
Но я –
свидетель был случайный
и правды знать
никак не мог.
А может быть,
в другом причина?..
У мглы морской –
иная статья:
там –
волны,
валуны,
пучина,
и ни один земной мужчина
её не смог бы так ласкать.
...Стояла в отречение полною,
не замечая сумрак дня,
ни трав с камнями,
ни волны,
ни птиц,
ни ветра,
ни меня.
И вот закат сдавил гроздь солнца
меж облаков,
как в пальцах рук...
Пусть зарево,
как хмель, прольётся,
залив утёс
и всё вокруг!
Всем телом я её возжаждал –
омытую вином зари.
Но не спасти её мне важно –
такой сюжет дан лишь однажды,*

и я обязан был
 творить!
 Сам сатана дал страсть порыва,
 но нет шедевра без него!
 ...Переступив порог обрыва,
 исчезла Муза в бездне волн.

2

Всё это –
 дело дней минувших.
 Прошли года...
 Течение лет,
 как камни,
 стачивая души,
 творенья рук людских порушит,
 стерев с истории наш след.
 Но есть,
 что неподвластно тленью –
 не зря прожитых дней залог –
 моё великое творенье
 в потоке лет
 я не сберёг...
 Был тяжкий год...
 Что мне осталось!
 Раб нищеты,
 я так был слеп,
 что жаждажить
 попраля святость –
 картину
 я отдал за хлеб.
 За это
 буду я наказан,
 спустя, наверно,
 века,
 но, осознав,
 я понял сразу,
 как власть забвенья нелегка!..
 Лишь плод искусства не стареет.

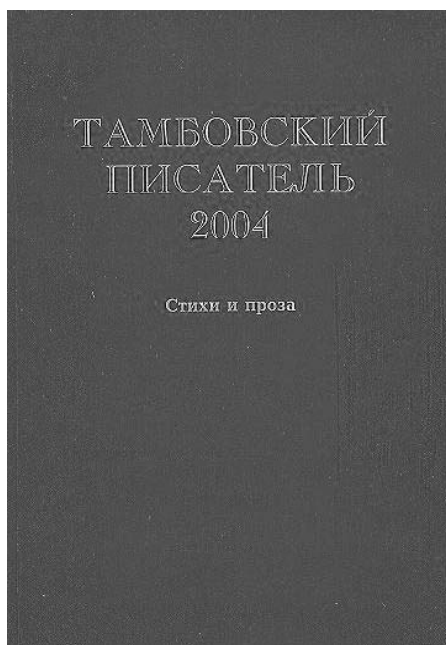
Стеревши вековую пыль,
его повесят в галерее,
на созерцание толпы...
А там
на плавающем небе,
как в море,
рыжих туч волна.
И на скалу –
прибрежный гребень
взошла пропащая она...
Черты лица
хранят след муки,
и, как лоя в ладони медь,
она протягивает руки –
вот-вот обнять готова смерть.
Но перед тем
как мёртвой будет –
пойдёт к ценителю на суд...
Её обсудят
и осудят,
но, восхитясь ей,
вознесут.
В давно минувший вечер грустный
её я жизнью пренебрёг,
но дал ей вечно жить в искусстве,
в сердцах
и в памяти эпох!
А под холстом
дурною вестью –
как рвущий душу волчий вой –
слова: “Художник неизвестен”...
Клеймо забвенья моего!
...Когда костлявою десницей
меня сдавил предсмертный страх,
я отдал всех картин царицу...
Я выбрал жизнь –
самоубийца!..
Я имя погубил в веках!!!

* * *

*Мораль страшна
(её нам мир дал):
ты мыслишь воплотить сюжет
в великий плод,
 что был невидан,
но Аполлон –
он хищный идол –
в обмен на славу
 жаждет жертв!*

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ОДИН СБОРНИК

ТАМБОВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-2004. Стихи и проза.
Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения
ОООП Литфонд России, 2004. 640 с.

1. ДЕФИЛЕ ИДУЩИХ ВМЕСТЕ

Вышел в свет солидный сборник стихов и прозы местных членов Союза писателей России «Тамбовский писатель-2004». Прежде такие книги называли «братскими могилами». Это когда из экономики под одну обложку запихивали несколько авторов, чтобы никого не обидеть. На антологию такие издания не тянули, ибо антология предполагает какое-то объединяющее начало. А здесь неизвестные герои под вечно тлеющим огнем русской литературы.

На братских могилах, как известно, не ставят крестов. Не будем ставить крест на «Тамбовском писателе-2004» и мы.

1.

В книгу вошли «произведения прозаиков и поэтов, членов Тамбовского отделения Союза писателей России». Так сказать, творения идущих вместе под одним союзным знаменем. В начале сборника даже приведено постановление правления Союза писателей РСФСР от 11 ноября 1960 года о создании в Тамбове отделения СП РСФСР.

По скромности внешнего оформления «Тамбовский писатель» напоминает статистический сборник, а по солидности и цвету обложки — «Историю КПСС».

Аллюзии такого рода появились не случайно: публикации каждого из 33-х авторов предпослана статистическая справка, из которой можно узнать, сколько и каких объемов книг издал автор, в каких журналах печатался, когда вступил в Союз писателей.

Кстати, в нынешней России количество писательских союзов перевалило за десяток, но членство в любом из них — еще не гарантия остаться в истории отечественной литературы. Как рассказывают, в 70-е годы на отчетном собрании Тульской писательской организации председатель с гордостью сообщил, что до революции в губернии был лишь один писатель, а советская власть подарила тульскому краю аж одиннадцать творцов. Докладчик, правда, не уточнил, что тем единственным писателем был Лев

Толстой. Так что не прошло и трех десятилетий, как тамбовские переплюнули тульских втрое...

В сборник, как надо понимать, вошли лучшие произведения тамбовских членов Союза писателей, и большинство из них публиковались. Оценивая художественные качества сборника, легче всего отделаться дежурным: неоднозначно, неравноценно, наряду с удачами имеются и недостатки. Можно было сказать, что идущие вместе не всегда идут в ногу. Но вот ведь закавыка какая: в литературе интересен как раз тот, кто идет не в ногу, кого вечно заносит со столбовой дороги в буераки, в хибары стационарных зрителей.

В «Тамбовском писателе» собраны авторы, считающие себя поэтами, и стихи действительно талантливых авторов, хорошая проза и рассказы с несмыслимой печатью районной газеты, а то и просто вещи, не имеющие отношения к литературе. Присутствуют и такие диковинные жанры, как «рассказ-быль», «этюды о войне», есть даже рассказ, который можно определить как святочный. Но замечу, что в отличие от многих книг, выходящих в столичных и местных издательствах, «Тамбовский писатель» добротнo отредактирован, в нем практически нет опечаток и грамматических ошибок, что радует. Печалит же другое.

Нынче литература в России – дело безопасное, но и не прибыльное. Все то, что опубликовано в тамбовском сборнике, могло быть напечатано и в 60-е годы. Например, тогда подобные стихи, обличающие поджигателей войны, хлестали со страниц газет и журналов бурным потоком:

*Безумцев убеждать напрасно.
Безумство всякое опасно.
Вдвойне опаснее оно,
Поскольку вооружено...*

Про кого это сегодня? Может быть, про чеченцев? Или про наших вояк, вооруживших террористов? В сборнике то и дело натыкаешься на опусы, годящиеся разве что для школьного рукописного журнала, отредактированного учительницей, воспитанной на хрестоматийных образцах соцреализма. Иногда авторов спасает самоирония. Но когда отсутствует и она — туши свет.

И вот ведь парадокс: у талантливого поэта Анатолия Остро-

ухова за десять лет вышло всего три тоненьких книжки. Стихи традиционные для российского поэта с его бесприютной и вечно тоскующей душой. Но они сотканы из живой ткани, для которой нет ни определения, ни цены.

Не так уж много книг и у Аркадия Макарова, хотя первая вышла в далеком 1978 году. А стихи-то добротные, мускулистые, что есть признак настоящей поэзии. Недавно поэт заявил себя как крепкий прозаик. Его современная сказка «Про мужика и Михаила Архангела», вошедшая в сборник, написана без ужимок, без «кубыть» и «надьсь», но она в лучшем смысле народная.

Муза — дама своенравная, иной раз она не подпускает к себе не только членов Союза писателей, но и лауреатов. Поэты же, а равно и те, кто претендует на это звание, — народ обидчивый, легко ранимый. Поэтому сразу же приношу свои извинения тем, кого ненароком задел нелицеприятным словом, но, как говорил классик, не могу молчать!

Знаю множество людей, пишущих эпиграммы, стихотворные приветствия и всякую другую квазипоэтическую дребедень для друзей, для официальных юбилеев по случаю, скажем, 80-летия системы дополнительного образования или 5-летия фирмы «Рога и копыта». Иногда получается талантливо, забавно, но все одно для внутреннего употребления, для одноразового использования. Иногда мне кажется, что госслужащие оттого плохо работают и берут взятки, что, запершись в кабинетах, кропают стихи, чтобы потом издать их за счет взяткодателей.

Евгений Боев, издавший 12 сборников и даже двухтомное «Избранное» объемом в 806 страниц, пожалуй, самый плодовитый автор сборника. Его конек — стихотворная миниатюра. Приведу первую:

*Счастливая мысль,
что я тоже помру,
все тушей своею
склоняет к добру.*

Больше ничего цитировать не буду, ибо остальное в том же духе. Подвергать критическому разбору его стихи — все равно, что грызть кисель. Нет сопротивления материала ввиду его отсутствия, нет предмета для обсуждения. Но допускаю, что у приведенного автора есть свой читатель. Может, даже несколько.

Писать стихи, в общем-то, грех невеликий. Но чтобы их печатать, надо обладать уверенностью, что у тебя есть что сказать, что тебе дано поручение *свыше*. Без этой уверенности выходить в свет — срам крошечный.

Произведения Лидии Перцевой в советские времена ни в жизнь бы не напечатали, несмотря на их навязчивую нравственность и пресловутую духовность. И даже не потому, что стихи слабые, замешанные на воде. Не напечатали бы по причине банальной — уж очень часто, к месту и не к месту автор обращается к Богу. Для советского поэта это было недопустимым, а с точки зрения канонического православия поминать Господа всеу — грех. «Стонет в покаянии Россия...», — информирует автор. Да не стонет она в покаянии! Она привычно ворчит, надеется на всезнающих знахарей от политики, на ловких финансистов из МММ, таскает по митингам потрепанные портреты Сталина, пьет горькую, ворует, подличает, завидует более удачливым соотечественникам! Низы кивают на вороватых чиновников, те на так называемых олигархов, власти уже много лет ищут для народа объединяющую национальную идею. А Россия, то ли от безверия, то ли по привычке, как и сто лет назад, продолжает петь и плакать под забором. Сергей Есенин это хорошо понимал и насчет будущего страны не обольщался. Хотя Россию любил искренне...

Понимаю авторов детективов, дамских романов и всякой другой бандитско-ментовской чернухи, которой полны книжные развалы. Они пишут для заработка — есть спрос, есть и предложение. Причем иные их книги сделаны достаточно профессионально, талантливо. Но, насколько мне известно, в писательские союзы они не рвутся.

Есть на российском книжном рынке и качественная проза, на которую тоже имеется спрос. Идет нормальный литературный процесс, переоценка былых достижений, открытие новых имен. Появились новые имена и в Тамбове. Например, молодой прозаик Алексей Шепелев, написавший и выпустивший в Москве вроде бы гениальный роман. Не читал, поэтому судить о нем не буду. Однако роман отмечен какой-то очень престижной премией, попал к какому-то десятку лучших произведений. Но ни в какие писательские союзы Алексей тоже не вступает. А отчего? «А оттого, что мне это не для чего!» — ответил бы на подобный вопрос персонаж драматурга Александра Сухово-Кобылина.

На поэзию же спроса, который был, скажем, в 60-е годы, сегодня нет. И причитать по этому поводу, рвать волосы на причинных местах, обвинять читателей в отсутствии духовности, а власть — в равнодушии к талантам бессмысленно. Всему свой черед. Есть время собирать камни, есть время камни разбрасывать. А иногда полезно просто помолчать.

2.

Сегодня сборник своих стихов может выпустить даже ленивый. И на здоровье! Пускай пишут, издают! Все лучше, чем гонять кошек по подъездам, воровать, колоться или беспрестанно лакать пиво. Но зачем же так щеки при этом надувать и носиться со своими опусами как дурень с писаной торбой!

Отсутствие редакторских преград родило в литературной среде серьезную проблему: резко упали критерии оценки творчества. Любой графоман, полистав самодеятельную книжку поэтессы N., вправе воскликнуть: «А чем мои поэты хуже!» И действительно не хуже: они так же беспомощны и бездарны, как и большинство остальных, изданных за счет автора или неразборчивого спонсора. Причем в каждой строке они клянутся в своей любви к Родине, и обязательно с прописной буквы! Флаг им, конечно, в руки! Но пусть хоть пожалеют русскую литературу, которую они вроде бы как представляют.

За многие стихи, опубликованные в сборнике или изданные отдельными книжками, авторов следовало бы карать переписыванием от руки полного собрания сочинений Пушкина, Боратынского, Пастернака, Есенина, Бродского. Или, на худой конец, статьи Маяковского «Как делать стихи». Но в демократическом государстве такой меры наказания нет. Так пусть хоть Союз писателей возьмет на себя функцию фильтра! Правда, автор предисловия Николай Наседкин призывает читателей сборника быть доброжелательнее, снисходительнее. «Мы пишем, как умеем». Понимаю, не стреляйте в пианиста, играет, как умеет. Но ведь таперу из салуна «Девятый калибр» не придет в голову выступать перед аудиторией «Карнеги-холл»!

К тому же, извините за меркантильность, на издание сборника потрачена кругленькая сумма, да и читателю книгу будут предлагать не за здорово живешь, и он вправе требовать от творцов добротного товара.

Достаточно крепкие стихи опубликовали поэты, скажем так, стар-

шего поколения: уже упомянутый Аркадий Макаров, Владимир Чернышёв, Евстахий Начас. Пронзительные стихи последнего, посвященные рано погибшему поэту Геннадию Якушенко, относятся в тем поэтическим произведениям, где ни убавить, ни прибавить.

Но странное дело: большинство более или мене состоявшихся поэтов мучают фантомные боли. Они вспоминают некую страну, в которой им было тепло, сухо и сытно, как в хлеву, терзаются по срубленной яблоне, ругают власть, нынешнюю страну, где «все идеи бедные», ждут князя «на красном солнечном коне», взывают к Богу. Наиболее открыто такого рода боли выплеснул Александр Макаров:

*Что с тобой, моя Родина, стало?
Где твой крепкий мужик?
Речка течь сквозь запруду устала,
И не дышит родник.*

Откуда наивные вопросы, господин пиит? Крепких мужиков извела коллективизация, а оставшихся Родина в лице государства добила индустриализацией и колхозами. А родники, чтобы дышали, чистить надо! Может быть, за этим четверостишием скрывается тайный поэтический подтекст, намек на происки «заокеанской закулисы», на проделки сионистов, но он так зашифрован, что не просматривается. Но скорее всего это возрастное явление, вызванное воспоминаниями о молодости, когда вода была мокрее, водка крепче, девки-ровесницы моложе. Социальный же оптимизм российскому поэту противопоказан по определению. Мол, России Богом завещано страдать и нести свой тяжкий крест, а поэт обязан петь об этом.

Проза представлена в сборнике несколькими авторами, в которых, кстати, можно найти ответы на вопрос поэта, куда делся крепкий мужик. Достаточно обратиться к отрывку из повести «Другая жизнь» Любови Асеевой. Или к рассказу Ивана Елегечева «Красный петух», написанному колоритным языком в жанре «небывальщины». В нем, как в загадочной картинке, скрывается другой рисунок, подлинный смысл. Производит впечатление и рассказ Виктора Герасина «Суматоха». Он больше говорит о русском национальном характере, чем унылые рассуждения о какой-то особой духовности нашего народа, о его якобы особом предназначении.

Крепко сбит рассказ Николая Наседкина «Перекресток». Но по

структуре он больше напоминает пролог более крупной вещи, и, думаю, писатель соблазнится этой возможностью. У автора многочисленных детективов Анатолия Косневича, представленного в сборнике рассказом «Волосок из усов Эйнштейна», другая крайность – уж слишком экономно тратит он найденный сюжетный поворот, используя при этом реалии тридцатилетней давности.

Кстати, время — штука коварная, и оно играет с авторами в забавные игры. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Отвечаю на вечный вопрос поэта Бориса Пастернака: «Начало третьего тысячелетия от Р. Х.». Место: постсоветская Россия. Государственное устройство: номенклатурный капитализм. Население: многонациональный народ, тоскующий о былой стране, а по сути дела — об ушедшей молодости. Перспективы развития неясны, как сообщения синоптиков: в течение дня всякое может быть. Особенности национального характера: непредсказуем, может работать до смерти и до полусмерти упиться, может бездомного котенка приласкать и накормить, а может за лапы — и об угол.

Вроде бы все ясно. Но не покидает ощущение, что львиная доля вещей, попавших в сборник, либо оказалась вне времени, либо заблудилась в 70-х годах прошлого столетия. И когда лет эдак через тридцать литературовед примется изучать тамбовскую литературу начала нынешнего века и обязательно обратится к сборнику «Тамбовский писатель-2004», то у исследователя сложится весьма превратное представление о литературе начала XXI века.

...Недавно нашел в Интернете рассказ Людмилы Петрушевской «Черное пальто». Содрогнулся, потом порадовался. Жива русская литература! И на тамбовскую, казанскую, томскую никак не делится. Она если и товар, то всегда штучный, маркированный именем автора.

Евгений ПИСАРЕВ

2. В КНИГЕ О РОССИИ ЕСТЬ И ТАМБОВСКАЯ СТРОКА

В давнем рассказе Бориса Панова «Мартовским днем», давшем название первому его сборнику, с первого прочтения запали в душу слова одного из персонажей — возницы Ивана Фроловича Тинькова: «Любуешься, стал быть? Это хорошо... Не каждому дано на степь, как на невесту, глядеть. Иной с молодых лет убьется в землю да так всю жизнь по ней и прошагает. Ни ему, ни от него никакой радости на свете не происходит...»

А вновь вспомнились они мне, когда закрыл завершающую страницу вышедшего в издательстве Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России» большого (636 страниц) тома «Тамбовский писатель-2004. Стихи и проза». По прочтении заключил мысленно: слава Богу, «убыченность в землю», от которой «никакой радости на свете не происходит», большинству из более чем трех десятков авторов книги не присуща. Лучшие литературные вещи (поэтические ли, прозаические) свидетельствуют: у тамбовских представителей российской литературы окружающий нас мир предстает во всем многообразии красок и примет. В том числе и современных. Выведены в стихотворных и прозаических произведениях образы и характеры окружающих литераторов и всех нас людей. В целом же впечатление такое: представленные в масштабном сборнике литературные произведения отражают и нынешнее состояние российской литературы в целом, и в то же время являются неотъемлемой ее частью. Несколько перефразировав две строки одного из вошедших в сборник стихотворений Валентины Дорожкиной («Я счастлива: надежный есть приют...»), можно сказать: в книге о России есть и тамбовская строка. Эта строка, думается, особенно просматривается в стихах (перечисляю в алфавитном порядке) Петра Герасимова, Валентины Дорожкиной, Александра Макарова, Валерия Маркова, Евстахия Начаса, Марины Струковой.

Назвать сборник книжной новинкой в изначальном смысле

слова можно теперь уже разве что относительно: прошла многолюдная презентация, довелось прочесть две посвященные ему публикации. Пишу отнюдь не под впечатлением от них, а исключительно ради того, чтобы высказать собственное мнение о книге. Тем более что во вступительном слове к ней содержится просьба «высказываться». Как говорится, спасибо за приглашение. И — выскажусь.

Не вправе и не буду сравнивать представленные в «Гамбовском писателе» стихи Людмилы Котовой и Татьяны Курбатовой с творчеством Фета и Тютчева, и все-таки... И все-таки их стихи стали для меня открытием. Отчасти потому, что раньше не доводилось читать. А главное в том, что обе поэтессы взволновали поэтическими строчками, передающими, как и стихи Фета, «мимолетные настроения человеческой души», краски и нюансы природы. Нашей родной средне-равнинной тамбовской природы. И эта способность передать и то, и другое — свидетельство талантливости.

Год 2005-й — особый в памяти людской. Год Великой Победы в Великой Отечественной войне. И многое, что довелось прочесть в «Гамбовском писателе – 2004», посвящено именно этой теме. И многое взволновало: и рассказ Валерия Кудрина «Дорогому сыночку», и этюды Алексея Шилина «Два письма» и «Возвращение», и стихи Олега Алешина, Валентины Дорожкиной, других авторов.

О прозе. Начать хотелось бы с фрагмента исторической повести Владимира Селиверстова «Безобразов». Уже первый абзац завораживает безукоризненной ритмикой фраз, образностью того, что изображено. В четырех строках — целая панорама происходящего, яркая картина: «Вместе с багровым закатом догорал и Тамбов. Огромный ненасытный красный петух, бешено метавшийся из конца в конец города без малого две недели, издыхал в глухом проулке тринадцатого квартала на Малой Астраханке...»

Владимир Иванович предстает перед нами при чтении повести не просто как ее автор, а как свидетель давних событий. До того убедительны и колоритны образы тамбовского губернатора Александра Михайловича Безобразова, других действующих лиц. Язык повести, манера письма, монологи и диалоги с детальной достоверностью воссоздают колорит эпохи, тамбовский общественно-политический, как принято говорить теперь, климат, подробности

бытия в губернии в XIX веке.

Выше уже был назван Валерий Кудрин, представленный в сборнике шестью рассказами. Все они по-чеховски коротки и все не оставляют равнодушными. Психологически точно, по-литературному убедительно прозаик рассказывает о многообразных человеческих взаимоотношениях, о тех самых мимолетных настроениях человеческой души, о которых довелось сказать в этих заметках применительно к стихотворным произведениям.

Еще раз предстал перед читателями мастером слова Валерий Аршанский, представленный в сборнике рассказом «Расхитители». Рассказ большой, с четко выстроенным сюжетом. Но кредо его, как и в «Мартовском дне» Бориса Панова, в нескольких строках. Не без юмора повествуя о послевоенных годах жизни вчерашних участников Великой Отечественной войны, нашедших свое место в торговле, и связанных с этим злключениях, прозаик заключает: «И подумалось: пусть уж хоть эта, по судьбе выпавшая им, уцелевшим фронтовикам, единственная льгота — пожить — продлится хоть чуточку подольше. Пусть она даст им подышать еще хотя бы годик, а там и еще годик. Подышать воздухом защищенной родины. Да, горьковатым воздухом, с колючими льдинками. Но навек единственным и навек желанным».

Однако необъятного не объять: невозможно в одной рецензии хотя бы и очень кратко сказать о творчестве каждого из 33-х авторов, встретившихся под одной обложкой. К тому же о творчестве некоторых из них довелось рассказать подробно не далее как в этом году или ранее (Виктор Герасин, Александр Макаров, Евстахий Начас, Юрий Расстегаев).

Закончить заметки хотелось бы строчками из стихотворных миниатюр одного из тех, кто представлен в сборнике. О некоторых напечатавшихся можно сказать двумя словами из тех миниатюр: «Появился, похвалился...» И более ничего, поскольку от этого «появления» в душе читавшего нисколько не прибавилось того, что делает ее богаче. Что общего с поэзией в таких, например, строчках в общем-то из неплохого в целом по содержанию стихотворения: «Мы ели в детстве сладости, зубами их дробя»?

И снова процитирую непосредственное до детскости открове-

ние автора стихотворных миниатюр:

*«С таким усердием пишу
совсем не для науки:
Я в виде слов попасть спешу
в хорошенькие руки...»*

«В виде слов...» Тут, конечно, нет слов. А вот что касается «хорошеньких рук», то их-то, как думается, частенько и не хватает. Редакторских, конечно. А они очень нужны. И при приеме в Союз писателей, и при издании стихотворных миниатюр. Взывать лишь к читательской снисходительности к пишущим и печатающимся непростительно мало.

Евгений ГОЛОШУМОВ

ПЕНИЕ БЕЗ ГОЛОСА

Размышления о графомании как диагнозе

Есть шуточная песенка: «Толстой был тоже графоманом, у графа мания была». Такая вот игра слов! На самом же деле всё серьёзно — не до игр! Графомания давно уже не играет в прятки, а наступает, завоёвывая сантиметр за сантиметром страницы книг, журналов, литературной памяти. «Звёздные войны» — это фильм; а вот настоящая атака клонов — увы, реальность. Графомания атакует, срывая глотки, но всё же пробиваясь к литературной трибуне, беспардонно расталкивая всех локтями! В сущности, графомания — это и есть пение без голоса, не просто многословное бесполезное сочинительство, а, простите, извращение, садомазохизм какой-то! Графоманы себя ломают, вымучивают, ищут на своих мозговых чердаках глину для лепки образов, а потом этим же приготовленным на скорую руку продуктом терроризируют бедных читателей. Таким образом, мучаются все, кроме самого безголосого певца, лишённого поэтического слуха!

В последнее время слово «графоман» часто подаётся под соусом предельного семантического расширения: это тот, кто любит писать и постоянно этим занимается. На мой взгляд, такая трактовка понятия невозможна: именовать графоманом каждого активно пишущего — всё равно что всех темпераментных и страстных женщин называть блудницами. И всё же техника примитивного склеивания бесконечных версификаций нынче процветает. Мельчает современная литература: теряет глубину. Хотя нет, как раз наоборот: опускается на глубину, забирается в речевые дебри — этим умением поэзия за последние годы овладела вполне. Гораздо труднее даётся обратное движение — подняться с глубины, выбраться из дебрей. К этому далеко не все стремятся.

В английском журнале «Athenaeum» за 1895 год журналист Макс Нордау определил графомана как «живущего ненасытной жадой писать, хотя ему не о чем писать, кроме собственного

психического и нравственного недомогания». Но где должна пройти эта грань между излюбленными «идеями» писателя и его «психическим и нравственным недугом»? Когда особо интересующая писателя тема, к которой он постоянно возвращается, становится симптомом психического заболевания? Ведь существует давняя и распространённая теория (успевшая стать уже банальной): гений зачастую тесно связан с «неврозом». Тогда возникает другой вопрос: когда неуёмное стремление писать о своих «неврозах» становится манией, несовместимой с серьёзной литературой, а когда — нет? Кто решит?

По-моему, графоманы — это люди, страдающие псевдобольной, которую в простонародье величают образно: запор мыслей, понос слов. Действительно, графоманы разве что и умеют выдать свои стишки за шедевр, они неспособны на прогресс, необучаемы, не умеют работать над собой. Но как ни крути, право на графоманство становится единственным из прав человека, что в нашей стране соблюдается всегда. Безответственность графоману даёт неповторимое ощущение свободы. Но все графоманы, осознавая где-то в закоулках подсознания собственную несостоятельность, стремятся к тому, чтобы окружающие убедили их самих в обратном. Такая вот психология! Кому попало не приходит в голову карабкаться на сцену Большого театра с возгласами: «Я бы спел арию князя Игоря не хуже!..» Однако всякий освоивший пятистопный ямб — пишет стихи, а посмотревший на знаменитый «Чёрный квадрат» берётся за кисть со словами: «Я тоже так могу», — стремясь пополнить легионы уверенных в своей гениальности «всезнаек и всеумеек»!

В редакцию газеты, где я работаю обозревателем (еженедельник для семейного чтения «Наедине»), приходит большое количество писем с рассказами, стихотворениями, часто недоработанными, бывает и неграмотными, но с припиской: «Прошу не исправлять и не сокращать!» Эти авторы думают, что от количества напечатанных строк будет зависеть успех их произведения. Осталось только возвести подобную пробуждающуюся наглость в куб и услышать от самого приписчика следующее: «Вы пишете, что я безграмотен, но мои ошибки — это хлеб корректоров!».

Чтобы не быть голословной, предлагаю вниманию одно из присланных нам стихотворений:

НЕ ЛЮБОВЬ

*Мы так рядом и так далеки
Мы не любим, но мы так близки.
Просто нам хорошо с ним вдвоём,
Остальное уже не причём*

*Нам не нужно этих сложных встреч
Нам хватает с ним того, что есть
Мы не знаем о нас ничего,
И от этого даже легко*

*Для нас нет этих сложных слов,
От которых все мысли вразброс
Всё, что нужно нам сейчас двоим,
Это быть побольше одним.*

Это прислала к нам в редакцию 18-летняя М. П. (орфография и пунктуация — авторские) с просьбой: «для меня очень важно, если вам понравятся мои стихи и вы хотя бы несколько из них напечатаете». Что тут скажешь, только руками разведёшь! К сожалению, это не «не любовь», а НЕ стихотворение: НЕ рифма, НЕ ритм, НЕ образ, НЕ мысль... в общем, НЕ поэзия, а — графомания!

С другой стороны, чисто по-человечески радуется, что львиная доля присылаемых стихов — про любовь. Люди влюбляются, попадают в сети вдохновения и начинают писать: много, обо всём и как получится. Всё это объяснимо и понятно, но подобное «чувствоизливание» — это стихи для себя, в стол. И никак не поэзия, «озолоченная» Пушкиным и «разлинованная» Маяковским. Увы, но «Не любовь» — классический вариант графомании. Оправдание в этом случае только одно: автору — 18, а значит, ему ещё расти и расти. И кто знает, может, степень чувствования и мастерства уважаемой М. со временем достигнет таких высот, что она посоперничает с самой Богиней М. женской поэзии — Мариной Цветаевой.

А ведь есть графоманы в возрасте. И это уже тяжёлый случай!

Да и темы — совсем взрослые и душещипательные. Вот, например, отрывок из стихотворения некой М. Г.:

*Вопли к Небу летят.
Детки малые
Кушать хотят.
Отец-пьяница
Снова хмельной,
Недоволен он
Трезвой женой.
С утра до ночи
Работает она,
Но всё также,
Несчастливая, очень бедна.*

Это вам не «не любовь», которая в жерновах жизни сто раз ещё перетрётся. Пьющий муж со стажем — это уже настоящая трагедия, особенно, когда «детки малые кушать хотят». Всё это больно, жутко, страшно, но давайте вернёмся к стихотворению. Хотя — чего возвращаться-то? Думаю, здесь не нужны комментарии: вердикт тот же, что и в первом случае — графомания, НЕ поэзия!

Словом, таким авторам чужда самокритичность. И даже больше: если кто-либо решится указать на недостатки их произведений, они принимают это как личное оскорбление. Классический признак графомана то, что он очень серьёзно относится к тому, что делает. Самоирония всегда сопутствует творцу, и её начисто лишён графоман. Более того, графоман страдает самым сложным (по продолжительности) видом ломки: когда его творчество не принимают, то единственный выход — это принять новую дозу творчества, то есть начать писать снова. Надо понимать другое: все писатели — графоманы, но не все графоманы — писатели. К сожалению, ни время, ни возраст так и не вырабатывают у многих «пишущих провидцев» умения (таланта!) понять это. Подобный ритуал для них почему-то невыполним: от души посмеяться над самим собой и начать всё с белого листа. Известно, что Николай Васильевич Гоголь с острейшим чувством стыда перечитывал свои произведения. Некрасов после выхода в свет первого сборника стихов «Мечты и звуки» скупил его в книжных лавках и уничтожил. Почему? Он увидел незрелость своего литературного опыта, и

ему стало нестерпимо стыдно. А вот что писал Максим Горький: «Кончая работу, прочитываешь её с трудом и почти всегда с тяжёлым сознанием неудачи».

Читать и перечитывать написанное, сокращать, изменять, дополнять, воспитывая у себя и у читателей хороший литературный вкус, — вот долг каждого, кто берётся за перо, кто желает обратиться к читателю с печатным словом. Но быть напечатанным — этого мало. Надо быть также и читанным, и больше — принятым в сердце читателя. Стихи и рассказы рождаются не только в молитвенном общении с Господом, но и в упорном труде. Начинаящий автор, не имеющий высокой требовательности к себе, навсегда остаётся начинающим. И, конечно, есть ещё одно требование к пишущим: пишите только о том, что прошло через личную сердечную «лабораторию», то, что глубоко продумано, взвешено, проверено, чем живёт ваша душа.

Пусть не удручают вас первые неудачи. Бог любит трудолюбивых. Надо (необходимо!) настойчиво работать над собой, над словом, над мыслью. Нельзя научить человека писать ГУСТО и ПЛОТНО, но можно придти к этому, «наращивая» на свой хребет-дар позвонки опыта, а сюда входит и усердие, и глубина, и развитие. А самый главный совет: читайте, читайте много — лучшего «витамина» для собственного роста не найти!

Марина Цветаева писала: «Бессмысленно повторять (давать вторично) — вещь, уже сущую. Описывать мост, на котором стоишь. Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою — отождествись или отождестви. Всегда — иноскажи». Любому пишущему человеку надо помнить, пропустить через ум и сердце эти слова. Литература — это отражение леса, отражённого в воде: в нём есть своя красота и свой ущерб, главное — не копировать действительность, а создавать, вторую, новую. Петь, не подражая соловью, а — ДУШОЙ, главное, чтобы голос был.

А пение без голоса всё равно что секс без любви — ФАЛЬШИВО!

Елена ЛУКАНКИНА

ВОЙНА МИФОВ

(О поэме И. Елегечева «Бью челом»)

Бывали времена, когда писатель Иван Елегечев издавался в Москве многотысячными тиражами. А сейчас лежит передо мной очередная его поэма — «Бью челом», выпущенная на средства автора в местном издательстве ООО «Центр-пресс» в количестве десяти (!) экземпляров. Но, судя по всему, И. Елегечев в это смутное для литературы время менее всего озабочен пропагандой своего творчества.

Его по-прежнему интересует противоречивая глобальная тема — продразверстка, ставшая детонатором последней крестьянской войны, именуемой «антоновщиной», которая полыхала на тамбовской земле с 1919 по 1921 год.

Во многих своих произведениях И. Елегечев основывается на историко-архивном материале. В этом ряду стоит сложное по определению жанра (об этом будет сказано далее) его произведение «Бью челом». Но следует оговориться, что фактологическая сторона для писателя уходит на второй, вспомогательный, план, уступая место художественной правде. Дело в том, что И. Елегечев считает: искусство — это один из способов познания мира. Художественное познание мира не уступает ни историческому методу, ни философскому. Вспомните А. С. Пушкина и его «Бориса Годунова». Фактически мы смотрим на этот персонаж не глазами ученого-историка, а глазами поэта, воссоздавшего для нас иную, но не менее правдивую реальность, но только художественными средствами. При этом все ничтожное и мелкое исчезает, а остается нечто, что выражает самую сущность и глубину исторического образа и его значение в судьбе своего народа.

В сущности, речь идет о мифотворчестве, если понимать это явление гораздо шире и глубже, как понимал миф крупный русский философ и литературовед А. Ф. Лосев («миф есть сама жизнь», «жизненно осязаемая и творимая, вещественная реальность и телесность», это — «образ личности», «лик личности»...).

Невозможно походя раскрыть и популяризировать это явление, но мифотворчество является верным признаком масштаба авторской мысли и его дарования.

Мифическое сознание было присуще и Н. Вирте и А. Стрыгину. Они, как и многие другие советские писатели, создали устойчивый миф о продрозверстке, Антонове, в конце концов о советском человеке той эпохи. И. Елегечев вступил в непримиримую войну мифов. Он конструирует, творит свою реальность, свою мифологию. Но кто из них прав? Это очень непростой вопрос.

Примером воинствующего мифа может послужить приказ № 0116 за подписью Тухачевского о применении отравляющих газов против антоновских войск, о котором автор поэмы упомянул в четвертой главе своего сочинения. Одни исследователи утверждают, что это бесчеловечный метод ведения боевых действий был применен коммунистическим руководством, другие, напротив, ставят под сомнение реальность исполнения этого приказа.

Но что если подойти к этому эпизоду крестьянского восстания с другой стороны и задаться вопросом: смог бы сам А. Антонов воспользоваться этим смертоносным оружием, окажись оно в его руках? Для И. Елегечева ответ прост и очевиден — нет. Недаром глава «Портрет Антонова» рассказывает об одном примечательном эпизоде, характеризующем сущность этого человека, принципиально отказавшегося от «допайка начальным лицам», который полагался ему в то время как начальнику кирсановской милиции.

Но самое главное в этой главе то, что созданы три словесных портрета одного и того же лица, но совершенно не похожих друг на друга. Цитата: «Возьмем Антонова: Виртой портрет / Его написан фальшиво и карикатурно — / Лицо худое, узкие глаза. / Морщины в тридцать лет, сам белобрысый...»

«У Стрыгина в “Расплате” знаменитой / Антонов — бомж, босяк, бандит из леса, / Алкаш несчастный, спиртом пропитался...»

«Он — русский, славянин, лицо простое, округлое, / Румянец во всю щеку... красивые глаза, / Открытые; наивный взгляд их, / Доверчивость, правдивость выдает...»

Интересно то, что последний портрет принадлежит ротмистру Милованову из жандармерии, а не Елегечеву, который только перевел его в стихотворный размер.

Как видим, перед нами — яркий пример мифологизации. Лицо человека, его портрет — это в то же время есть портрет, лик души. И от того, как его изображает художник — становится ясно отношение автора к историческому персонажу.

Можно сказать, что в поэме «Бью челом» И. Елегечев интуитивно шел по эпическому пути. Поэтому и определил свое произведение одним словом — «жанр». Это понятие обычно вводится для обозначения поэтического рода и вида. Перед нами некая литературная эклектика, где есть элементы пьесы, очерковой прозы, но в основном это стихопроза. (Даже графически автор оформил-расположил строки в поэтические столбцы). Благодаря этому приему и достигается интонация эпического характера, что позволяет назвать «Бью челом» поэмой. Здесь есть еще несколько элементов, которые свойственны классической поэме. Во-первых, эпическая жизнь изображена картинками: «Плачь крестьян», «Сговор вождей», «Чичкаюк», «Слово — Бог», «Баба Ега»... Во-вторых, И. Елегечев ввел такое явление, как мистика. Но насколько последний элемент удачен? Во всяком случае одна из глав «Кот в мешке» — сильно снижает эпическую высоту всего произведения. Ведь поэтическое дыхание, взятое И. Елегечевым в прологе «Плач крестьян», должно было вывести его на масштабные эпические образы. Все же, на мой взгляд, в этом произведении победил Елегечев-прозаик, нежели Елегечев-поэт.

В поэме «Бью челом» нет основной сюжетной линии, как уже было сказано, эпическая жизнь показана картинками. Когда их «просматриваешь», то начинаешь понимать, что все они связаны не сложной запутанной нитью, а мыслью, ради которой и было создано это смелое по замыслу произведение.

Дадим слово автору: «... я, может, случайно, может, нет обратился к переписке И. Арманд, близкого друга и соратника Ленина. Вот что она пишет своей дочери Инне: “Ты, вероятно, читала письмо Ленина от третьего октября (1918 г.) и резолюцию ЦИК Московского Совета и Московского губернского совета. Отныне РСФСР становится отчизной пролетариев всего мира, готовой встать на защиту их. В этом письме Ленина говорится и о резолюции в случае необходимости ввиду надвигающейся революции в Германии на каждом элеваторе откладывать в запас определен-

ное количество зерна как фонд социальной революции, и в случае если немецкие рабочие в этой борьбе потерпят затруднения продовольственные, можно будет их поддержать”...»

Словом, по мнению И. Елегечева, из русских крестьян стали «выкачивать» последнее для поддержания мировой революции, жертвуя русским народом для «всеобщего счастья». Сама по себе эта мысль не есть первооткрытие. Но главное здесь заключается в самом понимании продрозверстки и ее актуальности на сегодняшний день. По существу, продрозверстка продолжается. Из России выкачиваются все имеющиеся природные, интеллектуальные и другие ресурсы — туда, на Запад, но теперь ради идеи всеобщей глобализации с ее мировым правительством, где нет места для русского человека и русской деревни. «А ныне? — пишет И. Елегечев в заключение. — Смех один, братцы! Провалившись с коммунизмом-социализмом, мы бурными темпами воздвигаем капиталистический Вавилон. Ленин пусть не в каждой статье своей (1918—21 гг.) жалится на трудности переходного периода от капитализма к социализму, а мы, позабыв о духовных муках “вождя мирового пролетариата”, скорбно плачемся о трудностях перехода от социализма к капитализму. Ей-богу, смешно, братцы!.. Я пытаюсь по своей смешливой натуре рассмеяться, но что-то не получается...»

Я долго размышлял над концовкой этого сочинения, но окончательно определился, вспомнив замечательные слова Г. Свиридова перед исполнением музыкальной «Поэмы памяти С. Есенина»: «Что сохраняется от жизни, от истории? Сохраняется искусство. Оно в себе концентрирует духовную сущность огромных событий, в которых принимают участие массы людей, оно — это искусств — о выражает чувства массы людей и человеческой личности...»

Трагедия не может кончаться унынием никогда. Такие события, как революция, гражданская война, — события слишком большие, их нельзя заканчивать просто на какой-то похоронной ноте, это будет ничтожно, ведь эта громадная трагедия несет в себе космические события. И события нашей русской революции имели гигантское значение для всего человечества, для всей истории, и тогда мир бурлил, и мир бурлит и сейчас...

Конечно, за рамками рецензионной статьи осталось очень много того, о чем можно еще поразмыслить. Но предоставим эту возможность вдумчивому читателю.

Если, само собой, ему посчастливится взять в руки поэму И. Елегечева «Бью челом».

Олег АЛЁШИН

Валерий СЕДЫХ

РАССКАЗЫ

АДЮЛЬТЕР

Козельцев догадывался, что его жена встречается с Зуевым. Она сама ему не раз говорила: и какой у них Зуев умный, и как его начальство ценит, и какой он благородный, и товарищ хороший, и вообще джентльмен, и даже с женщинами — и что-нибудь поднести, и куда-нибудь отвезти... А еще Козельцеву друзья и знакомые, которые вместе с его супругой работали, тоже намекали. И что они, его Алина и этот Зуев, на какой-то концерт вместе ходили, и в каком-то дорогом кинотеатре их видели, и еще где-то...

Самому-то Козельцеву некогда было, на что он Алине уже неоднократно жаловался. Хоть увольняйся, говорил. Все работа да работа... Заявление, правда, еще не писал.

Но никто Козельцеву не приводил факты, что жена его изменяет с Зуевым, что адюльтер у них. Что куда-нибудь в ресторан ходят или из какой-нибудь гостиницы выходили...

И так все шло бы и шло. Но как-то заметил Козельцев, что Алина его невеселая какая-то, грустная даже. Или печальная. Уже несколько дней. И с работы не задерживается, и никуда не ходит. Как, что, почему? А она молчит, не отвечает. Козельцев и так, и эдак, а она как воды в рот набрала.

Валерий Седых по основной своей профессии — журналист. В настоящее время работает заместителем редактора газеты «Город на Цне».

А в свободное от работы время пишет юмористические рассказы, которые публиковались в коллективных сборниках, в журналах «Крокодил», «Чаян» и др. Автор очень смешной книги «Туда и обратно».

Супруг и спрашивает: ну скажи, мол, что-нибудь с Зуевым у вас, да? Поссорились? Может, бросил?.. И очень ласково, тепло на нее смотрит. Она глаза свои зеленые на него подняла, а в них прямо тоска и ответ — вот это самое «да». И слезы до краев. А потом, чуть не рыдая, с придыханием говорит, что только Козельцеву, мужу своему, она и верит, и только его и любит. А все мужики и мизинца козельцевского не стоят...

Ну а он на другой день у тех же знакомых узнал, как и где лучше встретить Зуева с работы. У машины зуевской «Lada» и встретил.

— Ну что же, — говорит, — Зуев, вы так с Алиной-то! Я, — добавляет, — муж ее, и мне не безразлично все это.

Тут Зуев весь побледнел, мычать стал:

— Я, — отвечает дрожащим голосом, — и не Зуев вовсе, а...

Потом махнул рукой и признался, что это он и есть.

Козельцев сразу объяснил: не из ревности он пришел, не с целью мести или разобраться — а даже где-то из человеколюбия. Ведь женщина — тоже человек, хотя б и жена, и ему не безразлично, какое у нее настроение или самочувствие. И счастлива она или нет.

Зуев не сразу понял, в чем дело, не мог долго поверить, но потом сказал, что, давай, мол, как мужчина с мужчиной, и даже на «ты», и как на духу признался. Да, охладел он к Алине. Ну, привык просто. За год-то. Или за два, что ли... А кроме того, у него, у Зуева, вроде как бы другая девушка появилась. Типа любовь. Семью он, конечно, бросать не хочет, а времени и сил на всех не хватает. Об Алине же при этом тепло отозвался.

Козельцев, конечно, укорять Зуева стал, даже стыдить. Ты, мол, мужчина или не мужчина?! И уговаривать принялся: Алина не просто женщина, а умная и совсем почти молодая, добрая, и лицо у нее не только симпатичное, но и одухотворенное. И глаза вон какие!.. А теперь вот дома сидит, после работы не задерживается, вечерами никуда не ходит, не говоря уж о выходных. Как затворница какая-нибудь.

И так Козельцев увлекся, так у него все это от чистого сердца шло, что Зуев задумался, голову опустил и даже будто вздохнул несколько раз.

— Все! Гад я и есть гад. Такой женщиной пренебречь, тем более с таким мужем, ради какой-то!.. — и он чуть было одно нехо-

рошее слово не произнес.

Пожали они друг другу руки, и Зуев почти поклялся:

— Владислав!.. Можно, — говорит, — я тебя Славой буду звать? Ты мне, Влад, прямо глаза открыл. Я завтра же... нет, сегодня Алиночке позвоню, и все будет о'кей.

Козельцев пришел домой, руку ласково положил на плечо жены. Посмотрел на нее ободряюще, кивнул головой и сказал только, чтоб не выдавать секретные переговоры свои с Зуевым:

— Ничего, — сказал он. — Все нормально. Все о'кей будет.

И уже на следующий день все действительно утряслось. Алиночка вдруг позвонила по сотовому с работы и сказала, что задержится — или к подруге зайдет, или еще куда-то... И голос такой счастливый-счастливый...

А Козельцев по сотовому тоже набрал номер.

— Ксюша, — сказал он. — Это я, Влад. Решили мы проблему-то. Устаканилось все, — пошутил слегка. — Без выстрелов, — засмеялся он. — Я тут скоренько заеду за тобой... Прямо соскучился. На природу, что ль, давай махнем. А то сколько дней все дома да дома...

Ксения, жена Зуева, тоже обрадовалась, и Козельцев стал быстренько собираться.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

У нас очень дружные все в садоводческом товариществе. «Голубой вагон» называется — раньше-то тут одни железнодорожники были. И особенно те дружат, которых и разделяет-то всего-навсего сетка-рабица. Как у кого-нибудь первая редиска — так соседа зовет. А у другого, например, через неделю фенхель пошел. Ну и под фенхель — пожалуйста, если к тому же еще шашлычок небольшой организовать.

Вот сидим недавно — что-то у кого-то как раз созрело. Сосед Василий Захарович из-за рабицы с женой пришли — с пивом. Хорошее такое — «Ochakovo». Виктор Николаевич чем-то домашним решил угостить. Но без жены. Ну, сидим, слово за слово — о футболе в Португалии, о борьбе с бедностью у нас, о коррупции

среди чиновников. И вообще, огорчаемся, молодежь нынче не та пошла...

А Раиса Ивановна — у них внук с Захарычем совсем маленький, в первый класс пойдет — и рассказывает. Вот шли сюда, говорит, с Артемкой, с внуком то есть, — ну прямо стыдно: через каждые три метра целуются на мосту... А у нас, как на дачи идти, мост железный через речку, подвесной. Большой такой. А Виктор Николаевич уточняет, что целуются — тьфу! — даже не через три, а через два метра. Идти, говорит, противно. Особенно с женой или детьми.

И оказалось, что это всех уже волнует не первый день — такая мода, что ли, теперь у молодежи. Идешь мимо — хоть отворачивайся. А отвернешься от левых перил — на правой стороне такие же страсти. Как будто кроме них, целующихся, никого нет, безлюдно. И бывает, девушка большая или полная, а он, наоборот, маленького роста или худенький — прямо кинокомедия. А им все равно «горько!»

Тут с салатом «лолло росса» и с «Клинским» Миша Афонин подошел, пожарник. Выпил с нами и вспомнил — сам по радио слышал: в Париже всем это надоело, и там теперь за поцелуи в общественных местах, и особенно в метро, просто штрафуют. Но у них штраф — во франках или даже в евро, и нашей студентке или продавщице батареек с рынка никаких стипендий или зарплаты месячной не хватит.

В общем, так пообсуждали мы эту проблему и разошлись по своим участкам. А вечером, кто на даче не ночует, домой пошли. Через мост. А там опять эти необузданные чувства и вожделение. Как в парижском метро.

Ну а через недельку собрались как-то спонтанно у Василия Захаровича — он в отпуск как раз пошел — и снова вернулись к этой злободневной теме. И вдруг Раиса Ивановна, жена его, и говорит:

— А мы, бабы, — не грубо так «бабы» сказала, а по-домашнему, — вот что придумали...

Вообще, надо заметить, у нас в стране женщины и раньше были социально активными, и сейчас любая в этом плане мужику сто очков вперед даст.

Так вот она и говорит:

— Мы тут что придумали-то — и Лида, и Зоя Ивановна. И Наташа Фокина согласна...

Если коротко, то суть их проекта в следующем. Пойти — ну, всем не всем (у нас тридцать два только члена товарищества плюс их семьи), а так — пар семь-восемь, жены с мужьями, — дойти до моста и встать там между целующимися. Лицом к лицу, супруга к супругу, а кто-то спиной к перилам, и начать — ну хотя бы в щечку, в одну, в другую, потом слегка губ коснуться... Ну, кто как помнит...

Все, конечно, смутились, а Зоя Ивановна, пенсионерка, даже так выразилась:

— Ну не взасос же, прости господи!

Что ж, обсудили детали и решили попробовать. И отправились уже в ближайшую субботу. Все равно через мост домой идти. И тут сначала Витя Иванов со своей Лидией встали — ей за сорок, ему под пятьдесят, — и он чмок ее. Раз, другой... А рядом — пара, лет по шестнадцать им. Ей даже меньше. Они тут же расцепились и рты от удивления раскрыли, вместо того чтобы целоваться. Посмотрели на Ивановых, посмотрели и отошли подальше.

А там уже Афонин с Галиной Николаевной — они в браке лет двадцать. Тоже встали и начали — она его в основном, потому что он стеснительный.

Потом я свою приобнял... Василий Захарович свою...

И пары четыре мы спугнули.

Но это так, разведка была. А потом наши женщины соответствующую работу на дачах еще провели, сагитировали некоторых других — тут как раз жимолость пошла, клубника, и мы чаще общались. Желающих оказалось даже побольше, чем мы думали. Зоя Ивановна, ей семьдесят, своего ветерана труда привела — постарше он. В галошах, как по грядкам ходил — так и на мост пришел.

Кольцов, холостяк сорокалетний, все порывался с Натальей из первой дачи постоять — и не знаем, вышло у них что или нет. Ей тридцать, она недавно развелась. А в принципе, обменивались мы мнениями, и не обязательно всем со своими женами — может, какой некогда... Главное — результат.

И он не заставил себя ждать. Не хочу сказать, что молодежь как ветром сдуло, но слух среди этого поколения next точно про-

шел. Я уж не говорю о тех конкретно, кого непосредственно Зоя Ивановна или наш председатель с казначеем спугнули. И куда уж они удалились (не в метро же, в самом деле, тем более что у нас его еще и нет), но на мосту теперь никаких влюбленных, и даже в городе на улицах такие факты очень редко встречаются. Рассказывают, один гаишник из ДПС, когда под рекламным щитом увидел прижавшуюся друг к другу парочку, — он к ним с проезжей части подошел с жезлом и предупредил, что здесь не положено. Потому, мол, что водители отвлекаются и может произойти ДТП. И они так и не поцеловались, ушли в кафешку одну, «Золотую рыбку», кофе пить.

Мы и на следующий год, если что, еще одну акцию такую проведем. Не отступимся. Как говорится, до последнего!..

ЕВГЕНИЙ БОЕВ

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

* * *

*Вполне возможно
и по двум строкам
К талантам отнести
иль к дуракам.
Но,
 правда,
 при клеймении таком
и самому нельзя быть дураком...*

* * *

*Ну не идёт из головы
мысль
 неприятного покроя,
что в жизни собственной,
 увы,
сыграл не главного героя...*

Евгений Боев родился в 1952 г., имеет филологическое образование, работал преподавателем вуза. В настоящее время — предприниматель. Автор 13-ти сборников (в основном ироническо-поэтических миниатюр), вышедших в Москве, Воронеже и Тамбове. Член Союза писателей России.

* * *

*Пока строгал удобное весло,
чтоб к островам придуманным уплыть,
жизнейским штормом
в щепки разнесло
и лодку,
и мальчишескую прыть...*

* * *

*Распределились нынешние нравы,
как славное наследие веков:
вдоль среднестатистической
оравы
и поперёк редчайших чудаков...*

* * *

*Доложить вам рад стараться,
что пока совсем созреет,
мы друг другу сделать,
братцы,
столько гадостей успеет...*

* * *

*Что придётся облажаться –
знает каждый воин. Но
с этой мельницей сражаться
продолжает всё равно...*

* * *

*Что такое наши гневные ораня –
этот мудрый воспитательный настил,
если каждого Господь уже заранее
и за всё,
и навсегда уже простил...*

* * *

*Вы так роскошны и милы,
так взволновали кровь,
что я достал из-под полы
последнюю любовь...*

* * *

*Если б было в нашей воле
прошлое вернуть,
мы б
в тисках любви и боли
отыграли б те же роли
и проспали суть...*

* * *

*Призвание настоящего мужчины –
не просто констатировать причины
событий
и оценочных цитат,
а самому влиять на результат...*

* * *

*Прекрасны
и всегда под боком
родные
русские края:
и лишь прикончит ненароком
тоска по смыслу бытия...*

* * *

*Любовь – такая каша,
по вкусу и на вид,
что ненасытность наша
всё слопать норовит.
Кипят в кастрюле страсти
двухмерного мирка:
два счастья,
две напасти,
два горе-едока...*

* * *

*Грустим,
веселимся,
скучаем
в потёмках блаженства
и зла,
и
попросту
не замечаем,
что жизнь,
слава Богу,
прошла...*

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 1 2005

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **Н. Загороднева**

Подписано в печать 20.03.2005 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,8.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП Литфонд России
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77;
E-mail: postmaster@mar.tstu.ru

Отпечатано в ТОГУП «Тамбовская типография
“Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.